

Запах ПСИНЫ

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов

Запах псины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11827150

Аннотация

Астматичка, параличом прикованная к постели, получила эсэмэску: "В твоей кровати бомба. Сдохни!". Но умерла астматичка, со слов врача, от приступа астмы, вызванного шоком от эсэмэски. Дочь покойной наняла частного сыщика Яна Янова найти отправителя эсэмэски. Янов выяснил, что недоброжелателей у покойной хоть отбавляй, и что причиной смерти могла быть не только эсэмэска.

Об очередной выходке шутника-бомбера горожанам рассказала передовица “Вечернего Андреева”.

Астматичка, параличом прикованная к постели, получила эсэмэску: “В твоей кровати бомба. Сдохни!”. Дети астматички позвонили в милицию, получили приказ к кровати матери не прикасаться, больную не поднимать.

У астматички на нервной почве случился приступ астмы. У меня б тоже случился, узнай я о том, что подо мной бомба, жить осталось бог знает как мало, снимать меня с кровати милиция запретила, а я сам унести ноги не могу, потому как паралитик.

Приехали сапёры с овчарками. Пёсики обнюхали дом до последней паутинки. Бомбу не нашли. Пока искали, астматичка умерла. В смерти пациентки доктор обвинил острейший приступ астмы, вызванный эсэмэской.

Под конец статьи автор сообщил, что отправителя эсэмэски-убийцы милиция не нашла.

Я отложил вечёрку, подумал, что для тихого городка два случая телефонного терроризма за две недели – это чересчур.

В прошлый раз шутник позвонил в редакцию “Вечернего Андреева”. Сказал, что заминирован супермаркет “Авоська”. Персонал и покупателей магазина эвакуировали. Ни бомбы, ни шутника не нашли.

Я поднапряг память, вспомнил, как было дело.

Уже через минуту после того, как шутник позвонил в “Ве-

черный Андреев”, о бомбе знал весь город. Мобильники в руках сотрудников редакции вечёрки – средство моментального оповещения масс.

Слух по городу разлетелся вмиг. Шутка ли, бомба! Да такое чудо андреевцы видели только по телеку! А тут бомба прямо под носом, в самом большом супермаркете города. Не какая-нибудь багдадская, а Наша Бомба!

Обыватель в восторге, пересудам нет конца, фразы типа “Я мог проходить рядом с бомбой!” или “мою маму эвакуировали последней” звучат в каждом трамвае, офисе, кабаке.

Андреев заговорил о конкурентах “Авоськи”. Мол, решили наказать супермаркет за низкие цены. Почему нет? Позвонил, сказал про бомбу, и сиди, радуйся, пока у конкурента на несколько часов сапёры прикрывают всю торговлю. Убытков не счесть, опять же слушок среди покупателей пробежит каверзный: ходить в “Авоську” стрёмно, ненароком подорвёшься.

Вечерние теленовости в День Бомбы ждал весь город. Не зря. “Андреевские новости” постарались, видеоряд смонтировали на пять баллов. В кадре овчарки рыскали по супермаркету, обнюхивали каждую паутинку, за ними – камера, всё в движении, ни единого стоп-кадра... Зрителя оторвать от экрана не проще, чем сладкоежку от шоколада. Даже я, и тот не устоял. Всё гадал, за каким углом, в какой пятилитровой жестянке вместо заморских маслин окажется местная бомба.

Когда главный сапёр сообщил, что бомбу не нашли, казалось, что по городу пронёсся возглас разочарования. Испортили такое клёвое шоу...

Через два дня в “Андреевских новостях” главный милицкий чин отчитался в провале операции “Поймай шутника”. Телефонного террориста не нашли. Хитрец звонил из автомата на рынке. Там народу море, камер наблюдения две на весь рынок, и те направлены на джип директора рынка – попробуй того шутника в таких условиях найди!

На всякий пожарный редакторы “Андреевских новостей” повторили видеоряд о сапёрах и овчарках, обнюхивающих “Авоську”. Наверное, для тех, кто в прошлый раз не видел, и не понимает, о какой бомбе вещает главный милиционер города. За кадром голос милицейского начальника призвал горожан не расслабляться. О каждом подозрительном предмете голос за кадром попросил сообщать немедленно, ибо в следующий раз бомба может оказаться бомбой, а не шуткой.

Провал поисков террориста вернул обывателю хорошее настроение, дал пищу для размышлений. На каждой кухне, за каждым стаканом тёплого молока пьедестал почёта заняли три вопроса: “Кому выгодно?”, “Кто следующий?” и “Поймают ли шутника?”.

Остроту ситуации некоторые кухонные знатоки видели в том, что накануне в Андрееве с размахом отмечался День защиты детей. В число развлекательных мероприятий руководство города включило показательные выступления отря-

да сапёров. Спецы разминировали муляж бомбы в маршрутке прямо посреди главной площади города, закрытой для движения по случаю праздника.

Что праздничного в группе закованных в бронекостюмы людей с овчарками и роботами? Сам факт их наличия в Андрееве. В связи с недавними взрывами маршруток в соседних городах милиция решила показать андреевцам, что у нас сапёры есть, и они всем сапёрам сапёры. Только дайте им бомбу, а уж они знают, что с ней делать. Главный сапёр заявил, что по вызову придут в любую точку Андреева через десять минут. Это ли не праздник?

Как выступления сапёров вяжутся с Днём защиты детей? А разве разминирование защитой уже не называют?

Что ни говори, а праздник удался. Гвоздём программы оказались именно сапёры. Народ толпился как рядом с мужиками в фантастических бронекостюмах, так и возле холёных немецких овчарок, а роботы вызвали настоящее столпотворение.

Кому защита от террористов, а кому игрушки. Роботы сапёров собрали вокруг себя всех мальчишек, что пришли на праздник. Роботы пацанов очаровали. Какие классные радиоуправляемые вездеходики с видеокамерами и рукой-хваткой! Мне б такой в школу...

Выступление сапёров вожди города решили донести до широких масс. В вечернем шестичасовом выпуске “Андреевских новостей” пустили в прямом эфире длиннющий ре-

портаж с площади Ленина, где выступали сапёры. Мол, спи спокойно, народ андреевский, мы начеку. Мировой терроризм не пройдёт!

Те новости народ смотрел с не меньшим интересом, чем назавтра смотрел репортаж о бомбе в “Авоське”.

Шутник с “бомбой” объявился на следующий день после праздника и выступления сапёров. Потому многие из числа кухонных аналитиков подумали, что шутник, узнав о шоу сапёров, овчарок и роботов, решил проверить расторопность сапёров. Ведь главный сапёр раз десять заявил, что в любую точку Андреева его группа прибудет не позднее чем через десять минут после сигнала тревоги. Мол, не волнуйтесь, граждане, у нас всё схвачено.

Не знаю, зачем шутнику проверять обещания главного сапёра, ведь и так ясно, что выполнимы, причём легко. Со включенной сиреной проскочить весь Андреев можно за двадцать минут. База сапёров расквартирована в центре города. Значит, расчётное время прибытия сапёров в любую точку Андреева лежит в пределах десяти минут.

Может, шутник-бомбер проверять сапёров и не думал, да только кухонные эксперты заключили, что таких совпадений не бывает. Версию “на счёт бомбы позвонили конкуренты супермаркета” со временем вытеснила гипотеза “шутник проверил расторопность сапёров”.

Не успели горожане забыть шоу с “Авоськой”, как “бомба” оказалась в кровати астматички-паралитички...

Додумать мысль мне помешал дверной звонок. Вернее, тот гад, который утопил кнопку звонка и не отпускал до тех пор, пока я не начал открывать замок.

*

*

Я открыл. На пороге – паренёк лет двадцати.

Паренёк протянул руку.

– Лёва. Меня зовут Лёва. А вы – Ян Янов?

Я кивнул. Говорят, здороваться через порог – примета плохая, потому я пожал протянутую руку Лёвы не раньше чем перешагнул порог.

Если меня спросят, как Лёва выглядит, я скажу, что Лёва толстый. Наверняка не сахар сыплет в чай, а чай льёт в сахарницу. Или пивохлёб. Хотя вряд ли. На любителя пивка не смахивает лицом. Скорее всего, обожает булки.

Когда знакомство закончилось, я почувал, как меня окутало облако резкого запаха. Я повёл носом. Лёва улыбнулся.

– Это от меня. Вы же заметили запах, я угадал?

Я кивнул. Лёва протянул ко мне ладони тыльной стороной вверх.

– Пахнет отсюда. Это детский крем. Вонючий, правда? Зато он единственный помогает. У меня сильно сохнет кожа.

Я понюхал свою ладонь, качнул головой: мол, ах вот оно что! Лёва спрятал руки за спину, замялся.

– Ян Янович, я слышал, вы занимаетесь убийствами.

– Кого-то надо убить?

– Найти убийцу.

– Входите.

Когда мы расселись в креслах, Лёва указал взглядом на вечёрку, что лежала на журнальном столике передовицей вверх.

– Ян Янович, как вам эта история про эсэмэску-убийцу? Или вы ещё не читали?

Для начала я сказал Лёве, что величать меня по имени-отчеству не обязательно. Хватит и имени.

Затем я сказал, что статью про эсэмэску читал. Добавил, что недоноска, что так шутит, надо посадить, чтобы другим было неповадно.

Лёва кивнул, словно услышал то, что ожидал, и то, что он услышал, его устроило.

– Ян, вас пригласила в гости Оксана. Это моя сестра. Я должен привезти вас к ней. То есть к нам домой. Я на машине.

– А если я не поеду?

– Тогда я вас не привезу.

– Логично. Почему Оксана не пришла ко мне сама, а послала вас?

– За рулём-то я, Оксана водить не умеет. Зачем нам мотаться за вами вдвоём?

– Что я забыл в вашем доме?

Лёва поднял со столика вечёрку, осмотрел передовицу, словно хотел убедиться, что не ошибся, вернул газету назад,

перевёл взгляд на меня.

– Ян, в этой статье написано про нашу мамашу.

– Примите мои соболезнования.

Улыбка Лёвы сбила меня с толку. Такой улыбкой прикрывают смущение. Чего смущаться-то? Обычно люди в ответ на соболезнования либо кивают, либо говорят что-то вроде “спасибо”, а тут улыбка и чуть не довольный взгляд.

Я озвучил условие: перед тем, как решу, принимать приглашение Оксаны или нет, Лёве придётся ответить на мои вопросы. Лёва взглянул на настенные часы, вздохнул в стиле “ну, если без этого нельзя...”.

Через полчаса я в общих чертах узнал предысторию эсэм-эски-убийцы. Заодно просветил себя на тему “кто есть кто в семье мамашы”.

Лёвина мамаша держала будку на вещевом рынке. Как ещё назвать железный бокс с окном и дверью? Кто-то называет эту коробку магазином. Мамаша называла будкой. Чтобы не платить за аренду бешеные деньги неизвестно сколько лет, мамаша будку выкупила. В будке мамаша торговала джинсами.

После смерти мамашы будка перешла наследникам. Из Лёвы с Оксаной такие торговцы, что ту будку продавай хоть сейчас. Мамашино умение торговать детям в наследство не досталось. Лёва обожает печь круассаны, сестра любит пошляться по барам-кабакам с подружками.

Где Оксана заседает с подружками чаще всего? В кабаке

“Маслинка”, что в парке Петровского.

Где Лёва печёт круассаны? В основном дома, но случается, что и в колледже. Лёва учится на кулинара. Где колледж? На Никольской. Угол Наваринской.

Оксана учится на компьютерного дизайнера. Её колледж на Кирова. Ближе к Космонавтов, чем к Киевской.

Что Лёве и Оксане перешло по наследству кроме неумения торговать? Будка на вещевом рынке, дом о двух этажах, да мамашин счёт в банке. На будку очереди из покупателей нет, потому цену будке Лёва не знает. Дом затянет тысяч на двести. На мамашинем счету осталось чуть меньше двадцати тысяч долларов.

Да, есть ещё жигуль-четвёрка, на котором мамаша ездила за товаром. Машину сто лет назад мамаша оформила на Лёву. Так что Оксане от машины не перепадёт даже дворника, что Лёву радует.

Дом у мамы хороший, добротный. Муж мамы строил сам. У мужика были золотые руки.

Муж мамы погиб в аварии, когда дети ещё не ходили в школу. Детишки тогда повисли на мамашиних руках. Вырастила сама, без помощи со стороны. Разве только бабушка помогала тем, что присматривала за внуками, пока мамаша торговала.

Жили в одном доме все вместе: бабушка, мамаша, да Лёва с Оксаной. Теперь Лёва с Оксаной остались в здоровенном доме вдвоём.

Кроме Лёвы и Оксаны у мамыши наследников нет. Вот, вкратце, и вся подноготная мамышиной семьи.

Предыстория эсэмэски чуть длиннее. Чтобы всё понять, надо начать не с мамыши, а с бабушки.

Лёвина бабушка – мать лёвиной мамыши – была весёлой старушенцией, любила едко пошутить. Первого апреля бабушка упала, начала причитать, мол, сломала ногу. Зная бабушкины зачастую чёрные шутки, семья подумала, что бабушка всех разыгрывает, ведь дело было первого апреля. Но бабушка через пять минут “розыгрыша” потеряла сознание.

Бабушку забрала “скорая”. Оказалось, что бабушка сломала шейку бедра. На следующий день бабушку из больницы выписали. Врачи сказали, что с такими переломами в таком возрасте – бабушке стукнуло семьдесят – выживают редко.

Бабушку привезли домой, уложили в постель. Мамаша наняла соседскую девушку Катю ухаживать за бабушкой. Катя сидела с бабушкой с утра до вечера.

Со дня перелома не прошло и месяца, как бабушка умерла.

Наутро после бабушкиных похорон у лёвиной мамыши начался приступ астмы. Впервые в жизни. Сначала не могли понять, в чём дело, почему мамаша задыхается. Вызвали “скорую”. Доктор поставил диагноз: астма. На рынок мамаша не пошла. Торговый день пропустила.

На следующий день выпал праздник, который праздновали по традиции всей семьёй – Первое Мая. Самый любимый

праздник бабушки, утро, солнце, а бабушки рядом нет. Бабушку только позавчера похоронили. У мамыши началась истерика. Пока дети мамашу успокаивали, та сидела в кресле. Когда, наконец, успокоили, мамаша решила сходить в ванную, умыться.

Когда мамаша попыталась встать, поняла, что ноги не держат. Да не просто не держат. Мамаша ноги перестала чувствовать. Ноги у мамыши отнялись.

Началась вторая истерика, теперь уже из-за ног. Закончилась истерика сильнейшим приступом астмы, аж до вызова “скорой”.

Врач “скорой” высказал предположение, что ноги мамыши парализованы. После такого вердикта у мамыши случился третий приступ астмы.

После отъезда медиков мамашу уложили в постель. Вызвали частного доктора.

Частный доктор в отличие от врача “скорой” предположений не высказывал. Выдал железную уверенность: у мамыши – паралич ног. Вполне возможно, ноги отнялись навсегда.

После слов врача мамашу срубил очередной приступ астмы. Врач, видя такое дело, предположил, что приступы астмы у мамыши на нервной почве. Кто знает, в таком случае быть может, и паралич тоже от нервов?

Частный доктор выписал мамаше дорогущие лекарства, и пообещал наведываться.

Делать нечего. Паралич так паралич. Мамаша наняла себе

сиделку – крепкую соседскую девушку Катю. Ту Катю, что ухаживала за бабушкой, мамашиной мамой. Дети днём на учёбе, вечером – дело молодое – хотят погулять, а мамаша ходить не может. Как ни крути, а без сиделки не обойтись.

С отнятыми ногами сильно-то не поторгуешь, потому мамаша наняла реализатора Димона. Парня звать Димой, но он всем представляется Димоном. Так Димоном его все и зовут.

Целую неделю Димон торговал, в воскресенье пришёл с первым отчётом. Лучше бы Димон тот отчёт не приносил: доход упал ниже плинтуса, даже с учётом майских праздников. Мамаша в шоке. У мамыши на нервной почве случился очередной приступ астмы.

Заменить Димона некем. По объявлению приходили ещё более бестолковые торговцы, чем Димон. Друзья с рынка нормальных реализаторов не советуют, хороший продавец всегда на вес золота. Вдобавок, как мамаша слегла, так друзья и пропали.

Из-за того, что торговля по вине недотёпы Димона остановилась, денег семье стало не хватать. Чтобы не тянуть из заначки, мамаша решила урезать расходы.

Мамаша сказала Кате, что платить будет за реально отсиженные часы, не за целый день, как было, когда Катя сидела с бабушкой. С того момента Катя сидела с мамашей лишь в то время, когда Оксаны не было дома, или когда Оксана занята. Лёва с мамашей не сидел потому, что мамаша стеснялась: “не мужское это дело”.

Когда Катю отпускали, а Оксана была дома, но не рядом с мамашей, то мамаша, если надо, звонила в колокольчик, который купили в магазине “Рыбалочка”, или на мобильнике набирала номер Оксаны.

Всенощные посиделки в кабаке Оксане пришлось забыть. По воскресеньям Оксана с утра по три-четыре часа гуляла, встречалась с подружками. Должна же у Оксаны быть хоть какая-то личная жизнь! Ведь у Лёвы свободного времени навалом, он с мамашей по вечерам не сидит, за мамашей не ухаживает. Пока Оксана гуляла, с мамашей сидела Катя.

По воскресеньям же – по вечерам – приходил реализатор Димон с отчётом о хиреющем бизнесе мамыши. Визиты Димона заканчивались нервными потрясениями мамыши и приступами астмы. Димон спешил ретироваться до того, как приступ наберёт силу.

Частный доктор провёл кучу исследований, взял у мамыши море анализов, выдал вывод: паралич ног на нервной почве, как и астма. Посоветовал мамаше нервничать поменьше. Совет отличный, кто бы спорил, да только как ему последовать, если каждое воскресенье с убивающими наповал отчётами приходит реализатор Димон? А в середине недели мамышу не отпускали чёрные мысли об умирающем бизнесе.

Доктор посадил мамышу на лекарства от нервов.

Когда мамаша принимала лекарство, начинала сильно тормозить. Нервозность отступала, взамен приходило состояние лёгкой дебилности. Мамаша всё чаще становилась по-

хожей на овощ, начинала заговариваться. Ночью засыпала только со снотворным. Иногда принимала снотворное днём, после приступов.

В доверительном разговоре с детьми частный доктор посоветовал о поправке мамы забыть: не за горами сумасшествие.

На Катю-сиделку и на дорогие импортные лекарства в месяц уходила тысяча долларов. Плюс питание, затраты на дом, бензин, всякие мелочи... Доход от будки за вычетом зарплаты Димона – пятьсот баксов в месяц. Сплошной минус.

Оксану и Лёву состояние мамы вогнало в ступор. Ведь зарабатывать ни Лёва, ни Оксана не умеют, а затраты огромные. Как ни старались, а потянуть из мамашиней заначки так пришлось. Мамашин счёт в банке начал таять.

Мало было мамаше нервов, так добавил Серый. Кто таков? Сергей, мамашин конкурент. Тоже “джинсовый магнат”, как и мамаша. На рынке будка Серого напротив мамашиней. Как-то раз Серый пришёл в гости, предложил мамаше её будку выкупить.

Мамаша отказала. Как она может будку продать, если с дохода от будки живут дети? Серый тогда ушёл несолоно хлебавши. Перед уходом полюбовался на приступ астмы – мамашину реакцию на нервное потрясение, вызванное предложением Серого.

Серый с первого раза не уgomонился, приходил ещё. Получил очередной отказ. Мамаша получила очередной при-

ступ.

Так мамаша и жила. То новость плохая, то паршивая. И каждый раз нервы взвинчивали мамашу до предела. И каждый раз доходило до приступа астмы. Во время приступов мамаша мучилась страшно. Лёва и Оксана не могли на её страдания смотреть.

И тут мамаше пришла эсэмэска. Мамаша прочла вслух: “В твоей кровати бомба. Сдохни!”. Сиделка Катя чуть не хлопнулась в обморок. У мамыши на нервах от текста эсэмэски начался приступ астмы.

Когда точно пришла эсэмэска? В воскресенье, в обед, в час дня. День как день, ничего особенного. Ни Лёве, ни Оксане дурных снов не снилось. Какое воскресенье? Прошное. Четырнадцатое июня.

Кто был дома? Все. Мамаша, Лёва, Катя, Оксана. Оксана только-только пришла с воскресной прогулки. Катя ещё не успела уйти с дежурства домой.

Что было дальше? Когда Лёва прочёл текст эсэмэски, сразу позвонил в милицию. После новостей о шутке с бомбой в супермаркете и милицейских призывов к бдительности Лёва позвонил в милицию без раздумий. Лёве приказали мамашу с кровати не снимать, кровать не толкать, не дёргать, людей из дома вывести.

Лёва отправил Катю и Оксану во двор, подальше от кровати, сам остался с мамашей и её приступом.

Через десять минут после лёвиного звонка прибыли сапё-

ры с овчарками. Началась суматоха, шум, гам, лязг оружия, топот ботинок, завоняло оружейной смазкой. У мамыши от этого кавардака началась истерика. Не успел пройти первый, как налетел второй, ещё более мощный приступ астмы.

Сапёры бегом вывели из дома Лёву, во дворе к Лёве добавили Оксану и Катю, всю троицу выгнали со двора на улицу. С мамашей остался врач, что прибыл с сапёрами.

Через пять минут после прибытия сапёров мамаша умерла. С момента прихода эсэмэски прошло всего двадцать минут.

Позже врач сказал, что мамаша умерла от приступа астмы. Задыхнулась. Какая страшная смерть! А ведь мамаше было всего пятьдесят...

С полчаса сапёры с собаками обыскивали мамашин дом. Бомбы не нашли.

Затем приехал следователь, начались допросы.

Под конец для полного счастья пришёл реализатор Димон, ведь по воскресным вечерам он приходил доводить мамашу до истерики своими отчётами за неделю. Предупредить Димона, чтобы не приходил, в суматохе забыли.

До ночи Лёва с Оксаной ходили по дому как в трансе. Заснули под утро. Может, в то воскресенье было что-то ещё, но Лёва припомнить не смог.

Во вторник мамашу похоронили. Ушла куча денег.

Всю неделю шло следствие. Искали отправителя эсэмэски. В субботу следователь сообщил Лёве и Оксане результа-

ты поисков. Шутника-бомбера не нашли. В воскресенье Оксана послала Лёву за частным сыщиком Яновым.

Что рассказал следователь? Эсэмэска-убийца отправлена не с телефона, а с сайта-отправителя эсэмэсок. Заказана из интернет-кафе заранее. Неткафе, откуда заказали эсэмэску, нашли. Узнать, кто заказал, не смогли. Камер слежения в том неткафе нет. Адрес неткафе и время заказа эсэмэски – тайна следствия.

Установить заказчика довольно сложно ещё и потому, что телефон мамыши знало полгорода. У мамыши знакомых – считать замучаешься.

Дело по факту хулиганской эсэмэски приостановлено.

Возбуждать дело по факту убийства следователь не станет. Ножа в спине нет, пули в голове нет, яда в теле тоже нет. Убийство эсэмэской в наших академиях ещё не преподают. От астмы умирают, да. Но кто докажет, что последний приступ астмы вызван эсэмэской? Доказывать будут до пенсии.

Явного убийства нет, значит, шеф за излишнее усердие следователя убьёт. У следователя убийств настоящих – с дырками в головах да с ножичками в животах – хватит разгребать до второго пришествия, а тут непонятная смерть от приступа астмы. Да шеф со следователя шкуру спустит в момент!

Оксану такое положение дел не устраивает. Человека убили, а милиция убийцу искать не собирается. Лёва с Оксаной согласен. Каков бардак, а?!

Пока Лёва возмущался поведением следователя, я задал себе пару вопросов. Как доказать, что заказчик эсэмэски хотел мамашу убить, а не пошутить? Как доказать уверенность заказчика в том, что текст эсэмэски вызовет у мамыши нервное потрясение, достаточное для смертельного приступа астмы?

Пока я задавал себе вопросы, Лёва сказал, что затея Оксаны с наймом частного сыщика Лёве не нравится. Лёва против. Почему? Разве сыщики теперь работают бесплатно? С другой стороны, Оксана сказала, что заплатит сыщику со своих. Значит, Лёву это не волнует. Но дело не только в деньгах. Какое у нас правосудие, каждый день Лёва видит по телеку. Всех собак повесят на Оксану. Жаль дурочку. Сядет ни за что.

Ведь у Лёвы и Оксаны прекрасный мотив. Лёве стукнуло двадцать, Оксане только-только исполнилось девятнадцать, и вот таким молодым обломилось всё сразу: и дом, и машина, и будка на рынке, и немного денег в банке. Мамаша-то умерла очень кстати, помуржить детишек своим вечным постельным режимом не успела.

Когда Лёва выговорился, я задал ещё парочку вопросов.

– Лёва, почему Оксана выбрала именно меня?

– Порылась в городской сети, искала частных сыщиков.

Нашла ваш сайт, почитала отзывы клиентов, решила, что вы ей подходите. Или те отзывы писали вы?

– Почему Оксана подозревает убийство?

– Думает, что заказчик эсэмэски знал, что у мамыши приступы астмы на нервной почве. Уверена, что эсэмэску послали специально для того, чтобы мамашу заставить перенервничать по максимуму.

– Тогда это ваш знакомый. Он должен знать, что у мамыши приступы астмы на нервной почве.

– Или друг семьи, или кто-то из нас. Я или Оксана. Вы хотите сказать это?

– Заказать эсэмэску мог и тот шутник, что сообщил про бомбу в “Авоське”. Мог и я, который про бомбу в “Авоське” увидел по телеку, и решил послать эсэмэску вашей мамаше под видом того шутника-бомбера. Осталось найти мотив.

– Да вы – генератор версий! Есть ещё?

С минуту мои извилины скрипели, затем выдали на-гора ещё парочку вопросов. Вопросы я озвучил.

Почему, как только прочёл эсэмэску, Лёва сразу позвонил в милицию? Почему подумал, что в кровати бомба есть? Почему не засомневался? Почему не решил, что эсэмэска – это чья-то глупая шутка?

Лёва ответил, что тогда о глупой шутке не думал. Лёва испугался. Лёва прочёл в эсэмэске, что в кровати мамыши бомба. Как бы на его месте поступил я? Собрал на чаепитие семейный совет с повесткой дня “Что делать?”, или позвонил в милицию? С этими террористами, взрывами в маршрутках и бомбами в супермаркетах сейчас можно ожидать чего угодно.

Это позже до Лёвы дошло, что мамаша – не та мишень, ради которой будут закладывать бомбу. Но это было позже. А сразу после прихода эсэмэски Лёва без раздумий позвонил в милицию. Ведь совсем недавно, после случая с бомбой в “Авооське”, главный милиционер города просил в подобных случаях звонить в милицию без промедления.

Я продолжил вопрошать.

Как в кровать могли подсунуть бомбу? Как бомбу могли в дом принести? В дом может войти кто угодно, и сделать, что захочет?

Лёва ответил, что в тот момент в такие дебри не лез. У него в голове была только одна мысль: позвонить в милицию, и бомбу из кровати убрать. Да, теперь он понимает, что рядом с мамашей всегда была или сиделка Катя, или Оксана. В доме кто-то был всегда. Да, подсунуть бомбу в кровать практически невозможно. Разве что ниндзя под покровом ночи...

Лёвины фантазии я остановил жестом.

– Лёва, текст эсэмэски вы помните хорошо?

– В твоей кровати бомба. Сдохни!

– Вы не забыли? Там было сказано “в” кровати? Не “под”?

– Мне этот текст снится. Как я мог забыть?

– Почему в эсэмэске предлог “в”? Как бы вы сказали о бомбе в кровати мамаша: “под кроватью”, или “в кровати”?

– Это важно?

– Ну-ка, опишите кровать. На ножках, снизу открыта? То

есть можно нагнуться, и посмотреть, что лежит под кроватью? Или можно увидеть, что прикреплено к кровати снизу?

Лёва описал мамашину кровать на словах, затем для наглядности нарисовал коробку, сверху которой матрац. Под такую кровать-короб не заглянешь, и не увидишь, есть там бомба или нет.

Я спросил, есть ли внутри кровати ящик для постели. Лёва кивнул, затем сказал, что с тех пор, как мамаша слегла, в тот ящик не заглядывали, ведь постель не прятали. Пока мамаша лежала на одном комплекте белья, сменный стирался-гладилась, затем убирался в шкаф. Постель постоянно разобрана, потому в ящике нужды не возникало.

Я обратил внимание Лёвы на то, что ящик для постели – единственное место в кровати мамы, куда можно спрятать бомбу. Но, – судя по рисунку Лёвы, – не подняв мамашу, в ящик для постели не заглянешь. Потому подсунуть бомбу незаметно для мамы или для того, кто застилал постель, нельзя. Значит, бомбу – если она могла быть – мог подсунуть только тот, кто застилал мамашину постель. Или Катя, или Оксана.

Моя догадка вызвала у Лёвы улыбку из серии “Тоже мне, открыл Америку!”. Тех, кто мог подсунуть бомбу в кровать, Лёва вычислил ещё до того, как приехали сапёры. Сразу после звонка в милицию Лёва понял, что бомбу могла подсунуть как Оксана, так и Катя. Когда сапёры бомбу не нашли, Лёва вздохнул с облегчением. До сих пор винит себя в том,

что подозревал родную сестру.

Я подытожил: эсэмэску заказал тот, кто знал устройство мамашиной кровати. Заказчик эсэмэски наверняка в доме мамыши бывал. Ведь он знал, что в мамашиной кровати спрятать бомбу есть куда, потому как кровать выполнена в виде ящика. Потому и написал “в кровати”, не “под”.

Знал заказчик и то, что заглянуть под кровать и узнать, есть ли под кроватью бомба, нельзя. То есть узнать наверняка, есть бомба или нет, невозможно. Значит, дети мамыши вызовут сапёров, а это наверняка потреплет мамаше нервы. Ведь не каждый день к ней в дом приезжают сапёры с собаками.

С другой стороны, заказчик мог с предложениями не церемониться. Может, для заказчика что “под кроватью”, что “в кровати” – одно и то же. Тогда я со своей догадкой пролетаю.

Напоследок я приберёг тот вопрос, который вертелся на языке с первых минут разговора с Лёвой.

– Лёва, мне показалось, что для сына, неделю назад похоронившего мать, вы выглядите не слишком траурно. Скажу больше: у меня такое впечатление, что смерть вашей мамыши вас не тронула. Скажу ещё больше: мне кажется, что последним событиям в вашей жизни вы даже рады.

– Вы угадали. Я с мамашей не дружил. Хороший мотив, а?

– Это всё, что вы хотите рассказать о ваших отношениях с мамашей?

– Да.

– Тогда поехали к вашей сестре. Может, она расскажет больше.

Когда мы вышли из дома, я направился к своему джипчику, снял с сигнализации. Джипчик подмигнул габаритами. Лёва остановился, подарил мне взгляд, полный удивления.

– Ян, разве вы поедете на своей?

– Да.

– Я думал, что вас отвезу я. Потому и приехал на машине, а не просто позвонил. Когда с Оксаной поговорите, я вас домой отвезу, не волнуйтесь.

– Зачем вам палить лишний бензин?

– Да что тут палить? Мы ведь живём здесь рядом, в самом начале Конопатной. Седьмой дом.

Я поставил джипчик на сигнализацию, направился к зелёному жигулю-четвёрке, к которому подошёл Лёва. Пока топал, нашёл, о чём спросить Лёву ещё.

– Лёва, без мамашиных денег вы учиться дальше не сможете. Чем планируете заниматься теперь?

Лёва чуть переменялся в лице, потёр пальцем под носом. Лёва приготовился врать.

Я поощрил Лёву улыбкой простачка.

– Лёва, если говорить не хотите – не надо.

– Я планирую работать на рынке. Буду продавать джинсы в мамашиной будке.

– Почему мне кажется, что вы врётё?

Лёва пожал плечами.

*

*

Перед тем, как войти во двор мамыши, я просунул голову в калитку, осмотрел ближайшие к воротам углы двора. Собачьих будок не заметил. Мудрость “Не верь глазам своим” я помню, потому спросил у Лёвы, есть ли во дворе собачки. К примеру, карманные доберманы, бойцовские болонки. Ведь частный дом обычно охраняют друзья человека, а хорошему кавказцу я на один зуб, и не подавится.

Лёва меня успокоил: мамаша собак не любит. Вернее, не любила. Причём с детства.

Я осмелел, и до садового столика, что стоял под высоченным – метров семь-восемь – орехом, топал с гордо поднятой головой.

На столике лежал раскрытый ноутбук. За ноутбуком сидела девушка. Взгляд поверх экрана прямо мне в глаза. Таким взглядом меня оценивал врач медкомиссии перед тем, как признать годным к строевой службе. Судя по довольству, написанному на лице девушки, фейс-и боди-контроль я миновал без проблем.

Лёва представил меня девушке. Мне сказал, что передо мной Оксана, лёвина сестра и дочурка его мамыши от того же отца, что и Лёва.

Оксана поднялась из-за стола. Не столько ради ритуала рукопожатия, сколько для того, чтобы показать свою фигуру.

Когда меня спросят, как выглядит Оксана, я скажу, что

она красивая. Одному она покажется уродиной, другому тощей, третьему толстой коровой. Как по мне – так просто красивая девчонка в самом соку.

Я коснулся пальцами оксаниной ладони, имитируя рукопожатие, сел в указанное Оксаной кресло напротив. Лёва взял со стола бутылку минералки, отпил, фыркнул от удовольствия, предложил воды мне. Отхлебнуть живительной влаги, сдобренной лёвиной слюной, я отказался. Лёва пожал плечами, сказал Оксане, что в общих чертах мне всё объяснил, и что звать меня можно по имени, отчество втыкать всякий раз не обязательно.

Затем Лёва сообщил, что он своё дело сделал – меня привёз, и теперь отчаливает. Будет к восьми. Тогда и отвезёт меня домой. Лёва отхлебнул ещё с половинку литра минералки, зашагал к воротам. Через пару минут звук мотора жигуля-четвёрки затих вдали.

За те две минуты, что Лёва отчаливал, я успел услышать от Оксаны чуть не всю историю эсэмэски-убийцы, от момента прихода сообщения до минуты отъезда сапёров и кинологов с овчарками.

В конце рассказа Оксана пожаловалась, что милиция искать заказчика эсэмэски не рвётся. Оно и понятно: какая зарплата – такая и работа. Оксана хотела даже следователю заплатить, но побоялась. Милиции платить за поиски – сочтут взяткой. Потому Оксана и обратилась ко мне.

При всём своём многословии Оксана так и не сказала, за-

чем хочет найти заказчика эсэмэски. Когда я этот вопрос задал, Оксана чуть сузила глаза. Из-под длинных ресниц выстрелил такой выразительный взгляд, что мигом превратил симпатичную девчонку в злую кошку.

– Ян, нам надо определиться с понятиями. Мамашу заказчик эсэмэски убил. Потому будем говорить, что я нанимаю вас найти не заказчика, а убийцу.

– Зачем вам искать убийцу?

– Пусть его посадят. Мы из-за него потеряли мамашу. Теперь нам всё надо делать самим. А мы ещё не готовы. Мы можем так и разориться. Пусть его посадят, урода!

– И это всё?

– Мало? Ладно, скажу ещё. На нас косятся. Стали коситься после маминой смерти. Лёва говорит, что мне мерещится. Может, Лёва и слепой, но я вижу, как соседи стали шушукаться. Раньше такого не было. Да и на рынке знакомые смотрят косо. Но ведь мы ни при чём. Хочу, чтобы они знали, что эсэмэску заказали не мы.

– Это и есть моя задача?

– Да. Хочу, чтобы всё стало ясно. Я от подозрений устала. Я... я всё это время подозревала Лёву. А ведь он, в конце концов, мой брат. Я так жить не хочу. Ваша задача, Ян, очень простая. Всем должно быть всё ясно. Надо найти заказчика эсэмэски, и тогда...

– И тогда получится, как в том анекдоте: брилики нашлись, а подозрения остались. Шучу.

Оксана заметила, что шутки у меня невесёлые. Я поспешил перевести разговор в продуктивное русло. Я объяснил, что для того, чтобы найти не заказчика, а убийцу, надо как минимум доказать, что заказчик эсэмэски был уверен, что эсэмэска вызовет у мамыши такой мощный приступ астмы на нервной почве, что мамаша умрёт. Задача архисложная, мне не по зубам.

Максимум, на что я способен, это найти заказчика и доказать, что он послал эсэмэску. За хулиганскую выходку заказчику светит от силы пара лет. За убийство не посадят, ведь доказать убийство я не смогу.

Оксана думала аж минуту, затем кивнула.

– Ян, если не докажете убийство, то пусть будет хотя бы хулиганство. Если посадят хоть за это, и то слава богу. И потом, это отведёт подозрения от меня и Лёвы. Это важнее. Во сколько мне обойдутся ваши услуги?

– Сто баксов в день плюс расходы.

– Дороговато!

– Тариф висит на моём сайте. Прежде чем посылать за мной Лёву, надо было рассмотреть ценник.

– Могу вам выделить только тысячу.

– Как только ваши денежки закончатся, я работу прекращаю, где б я ни остановился. Идёт?

– А если вам, чтобы найти убийцу, не хватит двух часов – тоже остановитесь?

– Два часа вам подарю. Только деньги вперёд.

– Что так? Почему не аванс плюс расчёт в конце?

– Если убийцей окажетесь вы, то я очень сомневаюсь, что получу сверху аванса хоть копейку.

– Я – убийца. Прикольно! Мне попался суперсыщик! Далеко не ходит, ищет на месте. А если вы закончите сегодня?

– Остаток гонорара верну. В договоре это указано.

– Мы будем составлять договор? Зачем?

– Я плачу налоги, и сплю спокойно.

Я вынул из кармана сложенные вчетверо бланки типового договора, протянул Оксане. Оксана онемела. Когда обрела дар речи, спросила, мол, неужели я и вправду плачу налоги? Оксана думала, что частные сыщики налогов не платят. Они ж такие хитрые, смогут выкрутиться.

Я пояснил, что плачу налоги не потому, что меня заставляет государство. Мне приятно осознавать, что тот новый трамвай, что возит стариков-пенсионеров, куплен в том числе и на те деньги, что я заплатил в виде налогов.

Как я ни старался говорить доходчиво, объяснять на пальцах, Оксана так и не въехала, зачем платить налоги.

Я решил, что так дело оставлять нельзя.

– Оксана, как вы считаете, если налоги не платить, то за какой шиш страна будет содержать армию?

– Я – за мир. Я против насилия.

– Хотел бы я вас послушать, окажись вы сейчас в июне сорок первого. Когда на вашу мирную голову с ясного неба летит бомба, значок пацифиста вас не спасёт.

Оксана фыркнула, отмахнулась. Я признал своё поражение.

Я вписал в бланк предмет договора, адреса и телефоны сторон, указал сумму гонорара и условия возвращения остатка денег в случае, если следствие закончу до того как потрачу всю сумму. Оксана подмахнула договор не глядя, принесла деньги, отсчитала тысячу долларов, протянула мне. Я купюры пересчитал, вместе с моим экземпляром договора сунул в карман.

Со вздохом, полным грусти по отданным деньгам, Оксана подняла потухший взгляд на меня.

– Ян, с чего вы начнёте?

– С вас, Оксана. И с Лёвы. Вам перепал дом, банковский счёт, и доход с будки.

– Ян, на ваш взгляд будка на рынке и домик за двести тысяч – причина убить мамашу хорошая? К тому же если продадим дом, то жить нам негде. Так что...

– Вы можете купить отдельные квартиры. Так что подозреваю вас обоих до тех пор, пока не найду вам оправдание.

– Такое понятие как “презумпция невиновности” вам известно?

– Нет. С таким понятием надо идти в адвокаты. Я – сыщик. Это с другой стороны баррикады.

– Хорошо. Доказать, что мы невиновны и найти заказчика эсэмэски, и всё в одном флаконе... Так я даже сэкономлю. Только... Кажется, при фараонах того, кто обвинял другого

в убийстве, но доказать не мог, казнили.

– Не знал. Закон отличный. Многим черноротым мог бы укоротить языки. Жить стало бы веселее. Учту.

– Ян, знаете новую истину? Покажи мне свой диск, и я скажу, кто ты. Недавно нашла в интернете. Прикольно, правда?

– Не столько прикольно, сколько правда. Вы нашли эту истину на моём сайте?

– И там тоже. В общем, мне скрывать нечего. Проверьте мой ноут, мобилку. Проверяйте всё, что хотите. Докажите, что мы не убийцы.

Затем Оксана сказала, что если следователь не ошибся, и эсэмэска заказана на сайте, то я могу проверить ноутбуки Оксаны и Лёвы, чтобы узнать, заходили ли мамашины детишки на тот сайт в день заказа эсэмэски.

Ещё Оксана читала в интернете, как попался не кто-нибудь, а целый мэр африканского города. На компьютере мэра секретарша нашла порнофильм. Секретарша копнула глубже, и на мэрском компе в журнале посещённых сайтов накопала полным-полно ссылок на порносайты. В общем, за аморалку мэра уволили.

Так что я могу порыться в ноутбуках Оксаны и Лёвы, и поискать доказательства невиновности мамашиних детишек.

После рассказа Оксаны о мэре в мыслях засела заноза из серии “просверлю тебе мозги”. Оформиться в нечто понятное заноза не пожелала, переросла в ощущение несоответ-

ствия чего-то каким-то нормам. Похожее чувство возникает, когда смотришь на розовый танк, и не можешь понять, что же в этой махине необычного.

Затем Оксана с улыбкой сообщила, что как только я проверю ноут Оксаны, то сразу начну подозревать Оксану в уничтожении улики. Почему? Оксана не так давно снесла на своём ноуте операционку, а вместе с ней стёрла и весь системный диск. Оксана ведь не знала, что мамаша скоро умрёт, причём при таких обстоятельствах. Знай Оксана такое наперёд, то к операционке бы и не прикоснулась!

Насколько недавно Оксана снесла операционку? Пару недель назад. В субботу. Где-то после двенадцати ночи, ближе к часу. Не спалось, операционка глючила, вот Оксана её – чик! – и перезаписала.

Оксана уточнила, что операционку перезаписала, а не переустановила. Мол, перезаписывать проще. Десять минут, и готово. Однажды знакомый поставил Оксане программу “Копидиск”, и с тех пор Оксана сносит операционку раз в месяц. На всякий случай, чтобы система лишний раз не глючила.

Лёва считает, что перезаписывать систему раз в месяц глупо. Лёва перезаписывает, когда операционка загрузит окончательно. Ну а Оксана не хочет дожидаться, когда система откажется работать. Потому и сносит систему регулярно.

На вопрос Оксаны, знаю ли, о чём речь, я ответил, что знаю. По взгляду Оксаны я понял, что собеседница сомнева-

лась, что я вообще когда-нибудь слышал о суперпроге “Копидиск”.

Чтобы подтвердить свои слова, я рассказал, как работает “Копидиск”. Сначала юзер устанавливает операционку, драйвера, нужные программы. Затем запускает “Копидиск”. Прога копирует весь системный диск по секторам в один файл.

Когда юзеру надоедают глюки операционки, юзер запускает “Копидиск”. На этот раз юзер не системный диск копирует в файл, а копирует операционку из того файла, что создал ранее, на системный диск. “Копидиск” стирает системный диск, и записывает операционку. В итоге юзер получает свеженькую операционку со всеми драйверами и нужными программами. Как будто только что установил. Каждый месяц – новая система. И никаких глюков.

Когда я закончил, Оксана заявила, что я разбираюсь в компьютере отлично. Другими словами, Оксана уверена, что найти заказчика эсэмэски мне будет раз плюнуть. Раз уж я знаю, как работает “Копидиск”...

Пришлось сказать, что найти заказчика эсэмэски куда сложнее, чем разобраться в том, как работает простейшая прога копирования дисков. Мол, проги типа “Копидиск” сейчас знает половина первоклашек. Оксана не поверила, даже обиделась. Мол, её любимую и невероятно сложную программу первоклашки знать просто не могут! Тогда я вспомнил о такте и заткнулся.

Молчал я секунды две, пока в голове созревал следующий вопрос. Затем я спросил, когда Оксана перезаписала операцию. Дата “пару недель назад, в субботу” для меня слишком расплывчата.

В операционке есть масса мест, где можно установить время перезаписи системы с точностью до секунды, но я хотел посмотреть, обманет ли Оксана. Если скрывать нечего, то скажет правду. Если дату и время сноса системы исказит, то будет повод копнуть глубже.

Оксана бродила по закоулкам памяти с минуту. Я так и не понял, что там вспоминать такого, что понадобилась целая минута. Оксана даже начала загибать пальцы, словно считала дни.

Под конец минуты оксаниных воспоминаний я узнал, что Оксана перезаписала операцию на своём ноутбуке в субботу, шестого июня. После двенадцати ночи. Где-то в час. Точнее Оксана сказать не смогла.

Я сразу же захотел навесить всех собак на Оксану. Уж слишком близко друг к другу ключевые даты. Оксана снесла операцию в субботу, шестого. Эсэмэска мамаше пришла четырнадцатого, в воскресенье, всего через неделю. Есть ли какая-нибудь связь? Ведь если сносят операцию оксаниным “Копидиском”, то с системного диска стираются все файлы подчистую. Как невинные, так и файлы компромата. И всего через неделю мамаше приходит эсэмэска...

Мысль потекла бы и дальше, но я вспомнил, что прежде

чем приписывать Оксане убийство мамыши, не помешает разузнать об Оксане побольше.

– Оксана, у вас парень есть?

– Это так важно?

– К примеру, ваш парень – чудо природы неземной красоты, и вы за ним рванёте хоть на край света. Ради любви девушки готовы не только на убийство.

– Как неземная красота моего парня вяжется с убийством?

– Ваш Брэд Пит может быть нищим как бомж, но с амбициями мальчика с обложки. Вдруг он хочет денег? После смерти мамыши вы могли бы домишко продать, денежки с братишкой поделить, и Брэда Пита озолотить.

Оксана повела плечами.

– Фантазия у вас, однако... Ни с кем я не встречаюсь. “Сингл вумен”. Одинокая девушка.

– Жаль. Стандартный мотив вам не пришьётся.

Затем я попросил Оксану показать мне кровать мамыши. Оксана пригласила меня в дом. Я уже было собрался идти за хозяйкой, как вспомнил, что не мешало бы снять копию диска, что в ноуте Оксаны. Процедура копирования пары сотен гигабайт – дело не минутное. Пока мы ходим-бродим по дому, глядишь, диск и скопируется.

Я объяснил Оксане, что изучать содержимое дисков оксаниного и лёвиного ноутов можно часами. Потому мне лучше взять с собой копии жёстких дисков, и без спешки изучить

копии дома.

Оксане моя идея сэкономить время понравилась. Я получил добро на любые действия с ноутом Оксаны кроме тех, после которых из ноута идёт дым или вылетают запчасти.

Я пристегнул к ноуту Оксаны терабайтный внешний диск, который ношу с собой на всякий пожарный. Через полминуты я запустил посекторное копирование жёсткого диска Оксаны в файл на моём диске. Ещё через полминуты я вслед за Оксаной вошёл в дом.

Оксана провела меня в уютную комнату с полуторной кроватью, шкафом для белья, и трельяжем.

Оксана обвела комнату рукой.

– Это спальня мамы. Мы здесь почти ничего не трогали. Разве что навели небольшой порядок. Бабушкину спальню тоже не трогали. Всё руки не доходили. А теперь как-то страшно за это братья. Две смерти подряд...

Я рассмотрел кровать. Как и описывал Лёва, кровать походила на огромный короб с матрасом сверху. В ящик для белья, что внутри короба, можно не то что бомбу – арсенал запихнуть, и снаружи не догадаются.

Как и описывал Лёва, под кровать не заглянешь, и не увидишь, есть ли под ней бомба. Даже если засомневаешься, что в кровати бомба, то не проверишь, пока не придут сапёры, если ты не смертник. Ведь взрыватель мог быть настроен на снятие мамы с кровати, а не сняв мамашу, кровать не откроешь, внутрь не заглянешь и не увидишь – в ящике для

белья лежит бомба или рваная грелка. Потому сапёры Лёве по телефону и приказали к кровати не прикасаться, мамашу не поднимать.

В двух словах я объяснил Оксане свои соображения по поводу текста эсэмэски. Оксана подтвердила, что в тексте сообщения говорилось о бомбе “в кровати”, не “под”, и не “за”. Вместе мы заключили, что такой текст мог написать только тот, кто кровать мамы видел, в спальне мамы бывал.

Кто мог видеть кровать мамы? Вопрос я озвучил. Оксана сделала такие глаза, что я понял: круг подозреваемых не велик, а огромен. Тогда я перешёл к уточнениям.

Я попросил Оксану вспомнить, приходил ли к мамаше в гости Серый, мамашин конкурент – тот, чья будка на рынке напротив мамашиной, и тот, кто очень хотел мамашину будку выкупить. Если Серый к мамаше заглядывал, то где с мамашей встречался: на кухне, в коридоре? И напоследок: видел ли Серый мамашины приступы астмы?

Оксана рассказала, что Серый приходил к мамаше дважды. Оба раза гостя приглашали в спальню. Когда разговаривал с мамашей, сидел на стуле рядом. Мамашины приступы астмы видел.

Я чуть поскрипел извилинами, затем сказал, что к Серому у меня возникла пара вопросов. Почему? Серый знал, что под мамашину кровать не заглянешь и не проверишь, есть ли под кроватью бомба.

Кроме того, у Серого есть мотив: мамашино упорство Се-

рому мешало жить. Ведь мамаша продавать будку отказывалась. А Серому мамашина будка нужна, ведь Серый приходил к мамаше дважды, и всё с одним и тем же желанием купить будку.

К тому же Серый видел мамашины приступы астмы. То есть знал, что один хороший приступ, и...

Одна загвоздка: откуда Серый знал, что после эсэмэски мамаша умрёт наверняка? И зачем Серому убивать мамашу, если Оксана и Лёва могут так же, как и мамаша, Серому отказать, и будку не продавать? Я оставил эти вопросы до встречи с Серым, Оксане не озвучил.

По взгляду Оксаны я понял, что мои доводы против Серого Оксану не только не убедили, а и в некоторой степени насмешили. Мол, сыщик из меня клёвый: ищет где попало, только не там, где надо.

Чтобы Оксану рассмешить поболее, я переключился на Димона, мамашиного реализатора. Тут Оксана не выдержала, тон приподняла.

– Смеётесь?! Зачем Димону убивать мамашу? Ведь она давала ему работу. Уж Димону-то зачем? О, боже!

– Димон мог мамашу обкрадывать, а чтобы скрыть следы воровства, мог послать эсэмэску. Мамаша, которая уличить в воровстве могла, умерла. Концы в воду. Вам, как желторотикам от торговли, Димон может навесить на уши лапши столько, что не спасёт и лапшерезка.

– Блин, я об этом не подумала...

Оксану захлестнула волна восхищения нанятым сыщиком. Или то была волна самолюбования? Мол, вот какая я умница, какого сообразительного наняла сыщика!

Пока Оксана пребывала в эйфории, я задал те же вопросы о Димоне, что задавал о Сером.

В ответ узнал, что когда Димон приходил с отчётом об успехах в торговле, то заходил – как и Серый – прямо в спальню мамыши. То есть кровать-короб видел. Мамашины приступы астмы Димон знает не понаслышке, видел их каждое воскресенье, а это куда больше, чем Серый. К тому же мамаша Димоном была не очень довольна.

На мамашино недовольство Димоном я обратил оксанино особое внимание. Димон мог мамашу не обкрадывать, и эсэмэску с прицелом на убийство не заказывать. Мог подкинуть обыкновенную подлянку, как делает рядовой мелкий пакостник. Мол, а пошлю-ка я этой вечно недовольной хозяйке эсэмэску. Авось попорчу ей нервишек-то, заразе!

Последняя версия Оксане понравилась больше, чем та, в которой Димон выступал мелким воришкой. В награду Оксана подарила мне улыбку восхищения в стиле “молодец, но это пока невнятные домыслы”.

Я попросил у Оксаны номера телефонов Серого и Димона. Получил и то, что просил, и объяснение в пошаговом режиме, как найти будку номер сто на вещевом рынке “Южный”, где торгует джинсами Димон. Будка Серого напротив. Вдобавок я узнал, что у Димона золотая фикса и косой ле-

вый глаз. Так что смотреть лучше в правый.

Затем Оксана устроила мне экскурсию по дому.

В первую очередь мы заглянули в соседнюю комнату. До одиннадцати утра двадцать седьмого апреля в той комнате обитала оксанина бабушка. Кровать, книжный шкаф, комод, письменный стол – вот и всё убранство. Интересного в комнате бабушки я не увидел.

Следующей стала комната Оксаны. Что можно сказать о комнате девятнадцатилетней студентки? Всё как в комнате бабушки, только всё в розовом, мебель посовременнее, да плюс музыкальный центр с караоке и плакаты кинозвёзд в полстены.

В комнате Лёвы мебель выглядела построжее, розовым цветом не пахло, на столе лежал ноутбук, под потолком раскинула лапы огромная люстра в стиле “привет из восьмидесятых”, на стене вдобавок к книжному шкафу висела книжная полка. Как шкаф, так и полка могли похвастать морем книг с цветастыми корешками и журналов типа “крутые мужики покупают вот это, вот это, и вот это – вот и всё, о чём тебе расскажет эта сотня страниц рекламы”.

На стене в комнате Лёвы тоже висели плакаты, как и у Оксаны. Если у Оксаны с плакатов смотрели кинодивы и киномены, то с лёвиных плакатов смотрел только один мужик в поварском колпаке поверх седин. Мужик стоял на фоне то круассанов, то средневекового здания с толпой поварят на ступенях, то Эйфелевой башни. Мужик улыбался во все

фарфоровые тридцать три, и, судя по глазам, явно что-то предлагал к продаже.

Оксана мой взгляд перехватила, улыбнулась как сестра, что приготовилась рассказать о бесполезном, но любимом занятии любимого брата.

– Ян, знакомьтесь, это – лёвин розовый сон. Лёва у нас кулинар. Мечтает стать шеф-поваром планеты. Бредит господином Дидье.

Я состряпал улыбку трёхлетнего малыша, которому рассказали об устройстве синхрофазотрона.

– Дидье – это кто?

– Мсье Дидье – кулинар планеты всей. Мастер круче неба, победитель всех конкурсов, великий учитель всех кулинаров. У мсье Дидье своя школа. Там он куёт кулинарные кадры для крутых ресторанов. Лёва мечтает у мсье Дидье учиться.

Я наострил уши.

– Оксана, ну-ка просветите. Учиться у мсье Дидье надо во Франции?

– Не в России же! Конечно, во Франции. В Париже.

– Где Лёва собирался взять деньги на учёбу?

– Я же сказала, что мсье Дидье – лёвин розовый сон. Такие сны не сбываются. У Лёвы таких денег нет.

– Почему же? Теперь у Лёвы деньги есть. Его половина от продажи этого дома. Думаете, не хватит?

– Заметьте, это сказали вы. Я этого не говорила.

Оксана приняла вид сестры, брата которой пытаются оговорить.

Я подошёл к ближайшему плакату с мсье Дидье на фоне аппетитных круассанов, присмотрелся к мелким буквам в углу плаката. Английским по черному мелкий шрифт сообщал адрес, телефон и сайт типографии в Париже. Рекламные слоганы на плакате французского кулинара также кричали по-английски. Значит, школа у мсье Дидье международная, не только для французов. То есть дорогая.

Мне стало интересно, как у Лёвы оказались рекламные плакаты, отпечатанные в Париже. На стенах домов да на заборах таких плакатов я не видел. Значит, Лёва со школой Дидье списывался, и насчёт учёбы расспрашивал. В таких случаях потенциального клиента рекламой заваливают. Плакаты Лёве наверняка выслали прямо из школы мсье Дидье.

Если Лёва с командой Дидье списывался, то просмотр лёвиной почты мог дать массу полезной инфы. Мне аж зашвербело скопировать содержимое диска лёвиного ноута.

Перед тем как покинуть комнату будущего Главного Кулинара Планеты, я осмотрел лёвину книжную полку. Скажи мне, что ты читаешь...

Основную часть полки занимали учебники по кулинарии, поварские книги, толстенные книги рецептов. Нашлось место даже для стопки копеечных журнальчиков типа “жарим, шкварим, куховарим” с рецептами, присланными читателями со всех концов страны. В центре полки стояла культовая

“Книга о вкусной и здоровой пище” пятьдесят третьего года выпуска. Такая есть и у меня. Раритет. Не книга – сказка.

В углу полки из дружной кулинарной семьи выбивались три книжицы: самоучитель французского, разговорник французского, и словарь того языка, на котором общаются по обоим берегам Сены.

На вопрос, какой язык Лёва изучал в школе, Оксана ответила, что английский. Я подумал: это ж как надо рваться на учёбу к мсье Дидье, чтобы начать изучать новый иностранный язык! И как надо быть уверенным в том, что дорогая учёба в Париже – дело реальное, а не сон из числа розовых. Иначе зачем учить язык?

Я перевёл взгляд на грамоты, что висели под книжной полкой. На грамотах я успел прочесть только лёвино имя, когда Оксана заговорила с усмешкой в голосе.

– Это лёвины. Он у нас был спортсменом. У вас на лбу написано, что вы не верите. Что, не похоже, чтобы Лёва любил спорт?

– По животу вашего брата я бы сказал, что Лёва больше любит покушать.

– До круассанов Лёва обожал спортивное ориентирование. Лет пять назад оббегал все леса вокруг Андреева. Знаете, что такое спортивное ориентирование?

– Знаю, потому и удивился. Это когда тебе дают карту с контрольными точками, и компас. Ты должен пробежать маршрут быстрее и точнее всех. По лесу, по оврагам и бугоркам.

ракам, и так много километров подряд.

– В общих чертах правильно. Наш Лёва однажды даже получил золото на первенстве Андреева.

– Кто бы мог подумать!

С улицы послышался звук мотора, скрип тормозов. Оксана сказала, что так скрипят тормоза лёвины. Оксана этот звук отличит от тысячи подобных. Мы отправились во двор.

Пока я отстёгивал от ноута Оксаны мой внешний винчестер, Лёва загнал машину во двор, закрыл ворота.

Я попросил у Лёвы снять копию с жёсткого диска лёвиного ноута. Объяснил, зачем. Добавил, что копию диска с ноута Оксаны я уже взял. Лёва воспринял мою просьбу не без удивления. Оксана меня поддержала: сказала, что снять копии дисков предложила она, и что невиновность мамашиних детишек с копиями дисков я докажу быстрее.

Лёва пригласил меня в свою комнату. Оксана сказала, что останется во дворе, потому как у Лёвы ноут под паролем, и Лёва не переживёт, если Оксана пароль узнает. Когда я с Лёвой входил в дом, Оксана с усмешкой бросила нам в спину, что Лёва трясётся над своим паролем как Кашей над иглой. Лёва отмахнулся.

Пока шли к комнате, Лёва вслух поражался женской глупости. Это ж надо – ноут держать без пароля! Да у Оксаны с головой непорядок, вот что Лёва об этом думает. Если ноут без пароля, то всяк придурок может в твой ноут влезть, и натворить таких делов, что потом не разгребёшь вовек!

Затем Лёва взял с меня клятву пароль от лёвиного ноута не разглашать. Хорошо, хоть не потребовал клясться на крови.

Мой внешний диск Лёва подключил к ноуту сам. До сих пор удивляюсь, как Лёва тогда не сказал нечто вроде: “Вдруг у тебя руки растут не из плеч, ещё чего сломаешь... знаем мы вас, спецов широкого профиля!”.

Когда Лёва включил ноут, на экране появилось поле для ввода пароля. Лёва предложил мне ввести пароль под диктовку. Я коснулся пальцами клавиатуры. Лёва понизил голос, чуть не шёпотом продиктовал по буквам: “с-е-к-р-е-т-н-ы-й-п-а-р-о-л-ь-л-ё-в-ы”.

Я чуть не сел прямо на пол.

– Лёва, круче этого пароля только фамилия, имя и отчество владельца ноута. Да ещё дата рождения.

– Зато никто не догадается. Вот вы догадались?

– Нет. Кто знает пароль?

– На то он и пароль, чтобы его никто не знал.

– Вы уверены, что другим пароль не говорили? Может, записывали на бумажке, чтобы не забыть?

– Что в нём забывать? Почему вы спрашиваете?

– Чтобы вы не смогли кивать на другого, если я найду на вашем ноуте улику против вас. Мол, я ни при чём, мой пароль знали ещё сто человек.

Взгляд Лёвы показал, что я наверняка болен, раз надеюсь найти на лёвином ноуте улику против Лёвы. Затем Лёва ска-

зал, что при наборе пароля надо включить английскую раскладку, и набирать символы в нижнем регистре, и без пробелов.

Я ввёл пароль, вошёл в систему, запустил посекторное копирование содержимого лёвиного винчестера на мой внешний диск.

Лёва жестом попросил меня из комнаты вон.

По пути к выходу из дома Лёва хлопнул себя по лбу.

– Ян, я совсем забыл! Вы когда собираетесь домой? А то в восемь у меня по расписанию приём душа. Это надолго, а я обещал вас отвезти домой.

– Я прогуляюсь пешочком. Здесь идти-то пятнадцать минут. Будет вечерняя прогулка перед сном.

– Ну, дело ваше. А то я выйду аж через полчаса.

– Полчаса под душем?! Не раскиснете?

– В такую жару душа много не бывает.

Напоследок я попросил Лёву попозировать перед камерой моего мобильного. Причину я указал самую невинную: вдруг Лёву захотят опознать свидетели того, как Лёва заказывал мамаше эсэмэску-убийцу, а у меня лёвиной фотки под рукой не окажется.

Лёва закатил глаза в стиле “господи, вот уж повезло мне с этим сыщиком, мать бы его...”, но сфотографироваться в фас и профиль согласился. С должным терпением отпозировал на две фотки, после чего удалился в ванную.

Я вышел во двор, к Оксане. Пока не забыл, предложил

Оксане устроить фотосессию. Причину указал ту же, что и Лёве. Оксана согласилась с радостью, принялась застывать в соблазнительных позах. Вместо съёмок шикарной фигуры в полный рост я ограничился портретом, но Оксане об этом не сказал.

После фотосессии я задал Оксане тот же вопрос, что и Лёве. Очень уж этот вопрос вертелся на языке.

– Оксана, ваша мамаша умерла всего неделю назад. Почему мне кажется, что вы не в трауре?

– Я с мамашей не очень-то дружила.

Оксана улыбнулась, как улыбаются, когда хотят сказать: “Чувак, эта тема закрыта, и баста!”. Я подумал, что семейка мне попалась славная. Мамаша с детишками носилась как с писаной торбой, а детишки с мамашей в благодарность “не очень-то дружили”.

Я решил, что пришла пора сматывать удочки.

– Оксана, я хочу встретиться с Катей, сиделкой вашей мамашы.

– Зачем?

– Сиделка может рассказать такое, что хозяева скроют, а мне важно для поисков. Закон жанра.

– Что такого могла видеть Катя, чего не могли мы?

– Каждый человек смотрит на мир по-своему. Я вижу одно, а, к примеру, неаполитанец заметит, что в вашем доме на полу слишком много ковров.

– Как у всех. Разве больше?

– Полы в Неаполе застилают плиткой. Летом там жарко и без ковров. Ковры только собирают пыль.

– Хорошо, это неаполитанец. Он не русский. Вот вы – наш. Что в нашем доме увидели вы? Что увидели такого, на что мы не обращаем внимания?

– Пыль. Там пора пройти по коврам пылесосом.

– Наблюдение не такое уж и тактичное.

– Вы спросили – я ответил. Так где живёт Катя?

Оксана сказала, что Катя живёт рядом, через три калитки. Только по вечерам катин отец сидит дома. Папаша у Кати со сдвигом. Когда рядом с Катей парень, папуля бесится. Уверен, если Катя уже в шестнадцать лет начнёт таскаться по мужикам, то станет шлюшкой. Оксана Кате не завидует. Бедная девчонка, так никогда и не погуляет. Так что я с Катей не поговорю. Папаша не разрешит. Не пустит меня и на порог.

Я чуть было не пригорюнился, как Оксану осенила идея. Что, если поговорить с Катей не под надзором отца, а в доме мамы? Мол, Оксана может пригласить Катю в гости на полчаса. Я проголосовал “за”. Оксана позвонила Кате, позвала на чашку чаю. Катя согласилась прийти минуты через три.

Пока Катя шла в гости к соседке, я взял у Оксаны номера мобилок Лёвы, Оксаны и мамы. Заодно узнал, что трубку мамы изъяла милиция. Следователь сказал, что мобилка нужна в качестве вещдока. С изрядной долей издёвки в го-

лосе Оксана поведала мне, что у следователя такими вещдоками наверняка снабжена вся родня. Мол, трубка у мамыши была не из дешёвых, так почему бы не изъять в качестве вещдока?

Со стороны дома донеслась трель звонка. Оксана обронила: “Наверное, это Катя”, пошла открывать.

На тот момент убийственных улик как против мамашиних детей, так и в их защиту я не нашёл. Понадеялся на Катю. Сиделка – это всегда кладёзь инфы. Горничные, садовники, сиделки, соседи всегда рассказывают то, что вытягивает следствие из тупика буквально за уши. Потому надежд на Катю у меня было выше крыши.

*

*

Когда я Катю увидел, то подумал, что кого как не Катю мамаша могла нанять сиделкой. Девчонка рослая, крепко сбитая. Как для шестнадцати лет, то акселератка ещё та. Такая мешок муки с рынка домой пешочком притаранит, и не вспотеет. Такой крепышке в самый раз ухаживать за паралитиком, ведь расслабленное тело передвигать по кровати – занятие не для задохликов.

Пока я разглядывал Катю, Оксана извинилась перед гостьей за то, что не назвала причину приглашения. Объяснила, что побоялась длинных ушей катиного отца. Если бы отец Кати услышал, зачем Оксана Катю приглашает, то мог бы не пустить. Ведь папаша мог стоять с Катей рядом, а динамик

катиной мобилки мог заговорить так громко, что разговор услышал бы катин отец.

Катя выслушала длинные извинения Оксаны, улыбнулась, проговорила: “Да ладно, всё нормально”. Затем Оксана представила Катю мне, меня – Кате. Ещё с минуту Оксана объясняла Кате, что мне можно говорить всё, и желательно не врать. Мол, что-либо скрывать неумно, потому как я рано или поздно узнаю всё. Враньём же, пусть даже во благо, Катя навлечёт на Оксану с Лёвой лишние подозрения. Катя пообещала говорить правду, только правду, и ничего кроме правды.

Оксана оставила меня с Катей во дворе, отправилась в дом. Перед уходом сообщила, что в доме наш разговор не слышен. Так что мы можем говорить без опаски. Подслушать нас не смогут. Если сомневаемся, то можем проверить, Оксана только “за”.

Когда Оксана наконец умотала, Катя вздохнула с немалым облегчением, села в кресло, выбила ногтями по подлокотникам хитовую мелодию.

На шее Кати я заметил розовый плеер-брелок в виде сердечка. “Розовое сердце”. Хит сезона. Такой же я искал подружке. Сбился с ног. Нашёл только в “Женских штучках”. Купил одним из первых в городе. Очередь занимал чуть не с ночи. Подружка, когда я подарил ей дефицитнейшее “Розовое сердце” ценой в двести баксов, от восторга поклялась любить меня до гроба, только не уточнила, до чьего.

Катя мой взгляд, упёртый в “Розовое сердце”, перехватила, улыбнулась, погладила плеер пальцем.

Первое слово взял я.

– Катя, да ведь у вас – хит сезона! Я еле купил. Оббегал все магазины. Очередь занимал за неделю.

– А я купила легко. В... в “Терабайте” этих плееров навалом.

– Да? Не знал. А вы покупали когда? Может, сейчас эти сердечки уже не в дефиците?

– Я покупала две недели назад, восьмого числа. Тогда вроде не видела никакого дефицита.

– Хм... Не знал, что в “Терабайте” они тогда были.

– Полным-полно.

Я улыбнулся. Может, для Кати восьмого июня в “Терабайте” розовых плееров было и навалом, и полным-полно. Вот только для меня в тот день и раньше в “Терабайте” этих плееров не то что навалом – не завалилось ни единого. Я был так уверен том, что Катя соврала, что мог дать на отсечение руку врага. Свою руку я не даю, а то вдруг ошибусь...

Как это “навалом”?! Как это “полным-полно”?! Такими плеерами во всех андреевских магазинах на тот момент и не пахло! Тогда пахло дефицитом “Розовых сердец”, как в старые добрые времена застоя. Единственную партию розовых плееров в двадцать штук – на весь Андреев! – завезли в “Женские штучки” восьмого июня, в тот день, когда плеер купил я. В “Терабайте” восьмого июня таких плееров не бы-

ло и в помине.

В воскресенье, седьмого июня, я обзвонил все магазины Андреева, где продаются подобные электронные штучки. Крупные магазины наподобие “Терабайта” я не обзванивал, а обошёл ножками. Везде мне сказали, что первую партию хитовых плееров завезут не раньше конца июня. “Розовые сердца” только-только завезли в Москву, что уж тут говорить о периферийном Андрееве!

В то же воскресенье, седьмого июня, поздно вечером, мне звякнул знакомый. Сказал, что “Розовое сердце” завезут завтра с самого утра в “Женские штучки”, что на углу Никольской и Наваринской. Сколько плееров завезут, и достанется ли мне хоть один, знакомый не сказал. Хватит с меня и того, что по моей просьбе парню пришлось поднять на уши всех друзей-товарищей, потому как я слёзно молил узнать, где достать хитовую вещицу, от обладания которой моя подруга изойдёт кипятком.

Как в условиях жесточайшей нехватки “Розовых сердец” Катя смогла купить свой плеер “легко”, да к тому же в “Терабайте”?

Вопрос с приобретением дефицитного плеера я отложил за ненужностью. Ведь поговорить с Катей я хотел не о плеере, а о мамаше.

Я спросил, не заметила ли Катя в доме мамаша чего-нибудь странного. К примеру, того, что годами не замечали Оксана и Лёва, считали нормальным, а Кате, как человеку со

стороны, бросилось в глаза. Отвечать на вопрос Катя не поспешила. Пару минут копалась в памяти, затем мотнула головой: мол, ничего такого не припоминает.

Скандалов Лёвы и Оксаны с мамашей Катя не слышала. Угроз в адрес мамы в присутствии Кати не звучало. В последнее время мамаша о чём-то особенном не волновалась. Всё как обычно. Да, торговля из-за недалёкого Димона не шла. Да, с деньгами у мамы началась напряжёнка. Да, нормального реализатора мамаша найти не могла. Да, мамаша из-за хиреющего бизнеса нервничала. Но чтоб до смерти...

Весь разговор Катя называла мамашу “мамашей”. Не по имени-отчеству, не – к примеру – тётей Ниной, а мамашей. На вопрос, почему постороннюю женщину Катя величает столь фамильярно, Катя ответила, что за глаза мамашу так называет всё окружение мамы, включая детишек. И ничего тут фамильярного нет. Вполне доброе и беззлобное прозвище.

Мамашу называли мамашей соседи-торговцы на рынке. Мамаша носилась со своими детишками, как наседка с цыплятами. Называли мамашей, потому как не называть же наседкой! Так и прилипло.

Из интересного для следствия Катя рассказала, что мамаша принимала снотворное на ночь и иногда днём, после сильных приступов астмы. Как эту инфу использовать, на тот момент я не знал.

Затем я задал вопрос, ответ на который мог пополнить

мой список подозреваемых.

– Катя, у вас молодой человек есть?

– Есть.

– Как же вы с ним встречались, если с утра до позднего вечера сидели с бабушкой Лёвы?

– Вот так и встречалась. Никак.

– Другими словами, смерть бабушки помогла вам встретиться с вашим парнем чаще?

Катя сузила глаза.

– Вы на что намекаете? Что я бабушку... А, поняла! Вы хотите сказать, что я не только бабушку, но и мамашу... Вы хоть думаете, что говорите?!

– Пытаюсь.

– Вам Оксана говорила, что с мамашей я сидела не весь день, как с бабушкой, а только несколько часов?

Катя повторила историю, что рассказал Лёва. Мол, когда мамаша слегла, а реализатор Димон оказался бараном, денег на зарплату сиделке стало намного меньше. Мамаша начала экономить. Если для бабушки мамаша нанимала Катю на весь день с раннего утра и до позднего вечера, то для себя мамаша нанимала Катю по часам. Два часа отсидела – за два часа получила.

Обычно Катя сидела с мамашей до того, как Оксана возвращалась из колледжа. Затем за мамашей приглядывала Оксана. Нет, Оксана не сидела возле мамаша с момента прихода из колледжа и до ночи. Оксана могла делать уроки, тор-

чать с интернете, болтать с подружками по телефону. Когда надо, мамаша звала Оксану колокольчиком, что специально купили в рыбацком магазине. Или набирала на мобилке номер Оксаны, и тогда Оксана шла к мамаше на вызов.

Историю своих посиделок с бабушкой и мамашей Катя рассказывала с вызовом в голосе. Мол, как я смел подумать, что Катя могла приблизить смерть бабушки и мамашы?! И ради чего? Только из-за того, что посиделки в семье мамашы отнимали у Кати время, которое она могла потратить на гулянки с парнями? Ладно ещё, когда Катя сидела с бабушкой с утра до ночи. Но с мамашей-то Катя сидела не целый день. А по воскресеньям – так и вовсе до обеда.

Чтобы не расстраивать Катю ещё больше, я не сказал, что в число возможных заказчиков эсэмэски входит ещё и катин молодой человек. Кому-кому, а катиному возлюбленному как бабушкина, так и мамашина болезни с Катей встречаться ой как мешали. Катиного молодого человека я приберёг на тот случай, если поиски заказчика эсэмэски найдут в тупик. Всё-таки мотив для убийства у парня хлипковат. С другой стороны, сейчас убивают и за пачку сигарет.

Для себя я отметил, что отцовский запрет на встречи с парнями Катя ухитрялась нарушать. Стало быть, любовь-морковь для Кати кое-что да значит. То есть, при необходимости, Катя могла ради парня рискнуть. Это ли не прекрасный повод записать Катю в число возможных заказчиков эсэмэски?

К исходу тринадцатой минуты разговора с Катей я признал, что допрос провалился. Мои надежды на ценную инфу от незаинтересованного человека не оправдались.

На прощание я попросил у Кати номер телефона. Просьбу Катя выполнила с условием: когда я позвоню, и трубку поднимет катин отец, я должен сказать, что ошибся номером. Иначе Кате будет что послушать на ночь вместо колыбельной. Ведь папаша у Кати заботливый: от ухажёров, тем более с голосом взрослого мужчины, оберегает.

Фотосессию я Кате не предлагал. Щёлкнул мамашину сиделку без спроса. Пока беседовали, я вертел мобильник в руках вроде бы безо всякой цели. Когда объектив камеры смотрел на Катю, я пару раз нажал на кнопку. Фотомодель не догадалась, что когда крутила головой, то в памяти моего мобильника оставила и фас, и профиль.

Когда я с Катей распрощался, и Оксана гостью провела до ворот, из дому вышел Лёва. Принёс резкий запах детского крема и мой внешний диск. Сказал, что копирование закончилось, и он с предельной аккуратностью отстегнул мой диск от своего ноута. Ноут вроде бы не повредил.

К нам подошла Оксана. Повела носом, поморщилась, выказала неодобрение громким хмыканьем.

– Лёва, ты бы торчал в душе не полчаса, а час-два. Тогда твоя кожа высохнет полностью. И никакой детский крем не поможет. Ты посмотри, что ты с собой творишь! Руки шелушатся, как у лишайного.

От Оксаниных слов Лёва отмахнулся, словно годами слушать одно и то же устал. Оксана напомнила, что Лёва выбросил кучу мамашиных денег на дорогие буржуйские кремы. Лёва парировал: так то было сто лет назад, и Лёва уже давно понял, что лучше нашего детского крема ничего нет, ведь цена – копейки, а эффекта на рубль.

Я поспешил откланяться. Оксана провела меня до ворот, сказала: “Жду результатов”, заперла за мной калитку, затем продолжила во весь голос распекать Лёву за транжирство мамашиных денег. Лёвиного ответа я не расслышал, потому как Лёва говорил куда тише Оксаны, а я успел от мамашиного двора удалиться.

Домой я шёл вразвалочку. Вечер выдался красивый и не жаркий. Грех было не прогуляться перед сном, не подышать свежим воздухом. Всё же не центр города с его гарью-копотью и рёвом моторов, а частный сектор с запахом цветов, зелёной листвы, и твяканьем дворовых шавок.

По пути домой я расслабился, слился телом и мыслями с тёплым вечером. Думать решил дома, после того как прогуляюсь по копиям дисков, что я снял с ноутов мамашиных детишек. Уж где-где, а на дисках я собирался найти инфы по делу куда больше, чем в предвзятых ответах Лёвы, Оксаны, и Кати.

*

*

Дома перед душем я позвонил телефонисту. Парень рабо-

тал в техподдержке оператора, за которым числился номер мобилки мамы. За копейку телефонист для меня узнавал то, что бесплатно узнаёт у оператора следователь казённый. Только следователь обязан предъявить кучу бумажек типа постановления суда, а я получаю инфу всего за одну бумажку – купюру, желательнее покрупнее. Законного тут мало, каюсь.

Когда наконец до телефониста дозвонился, я продиктовал номер мамшиной мобилки, примерное время прихода эсэмэски и её текст. Я попросил узнать, откуда пришла эсэмэска. Телефонист назвал сумму выкупа инфы. Я потёр затылок, пожадничал, но согласился. Телефонист сказал, что он не на работе, но нам поможет его кореш, который как раз на смене. Пообещал не затягивать. Я попросил незатягивание ускорить. В ответ получил удвоенную сумму выкупа инфы. Я согласился с прежними условиями.

После душа я засел за чай, принялся раскладывать по полочкам то, что узнал. Не успел я раскопечгарить дедукцию Великого Сыщика, как вдруг понял, что за заноза из серии “просверлю тебе мозги” засела в мыслях, когда Оксана рассказала про африканского мэра.

Со слов Оксаны, славного чернокожего парня с поста мэра уволили за аморалку. В Африке, стране развитого секса, человека уволят всего лишь за просмотр порносайтов? Да на тех порносайтах всего и аморалки-то, что каждый африканский ребёнок видел по сто раз ещё до школы. За такое в Аф-

рике наверняка не уволят. За что же уволили мэра?

Я вышел в интернет, на любимом поисковике вписал в строке поиска “мэра уволили за просмотр порнухи на рабочем месте”. Поисковая фраза не ахти какая оптимальная, но даже на неё поисковик уже на первой странице выдал то, что я искал.

Оказалось, африканский мэр в своё время прогремел на весь интернет.

На одних сайтах писали, что мэра уволили за аморалку. На других сайтах вскользь упоминали о том, что мэра уволили за рабочее время, которое мэр тратил на брожения по порносайтам.

Я решил узнать, как определили, сколько времени проводил мэр на порносайтах. Я копнул интернет чуть поглубже, заглянул на англоязычные сайты. То, что искал, нашёл за три минуты. Как я и предполагал, мэра вычислили не по ссылкам, что нашли в списке посещённых сайтов на компьютере мэра.

Мэра вычислили по файлам-отчётам на сервере провайдера, которые положено хранить бог знает сколько лет. В тех файлах прочли, когда и сколько времени мэр зависал на каких сайтах. Когда подсчитали, то вышло, что на порнушку мэр тратил больше половины рабочего дня. Народ задал вопрос: за что платим мэру жалование? За безделье, за битьё баклуш на рабочем месте? Народ решил лентяя уволить. И вовсе не за аморалку.

На радостях – наконец вырвал занозу из мозга! – я принялся насвистывать “Рио-Риту”. Пока свистел, пристегнул к компу внешний диск с копиями винчестеров Оксаны и Лёвы.

Особого смысла искать улики в ноутах Оксаны и Лёвы я не видел. Ведь только дурак станет заказывать эсэмэску-убийцу со своего ноута. С другой стороны, как Лёва, так и Оксана могли и не знать, как легко найти компьютер, с которого заказана эсэмэска. Я понадеялся на авось.

Наверняка эсэмэску заказали в каком-нибудь неткафе, как и сказал мамашиним детишкам следователь. В милиции сидят далеко не дураки, им не верить глупо. Разве что проверить... Ведь ошибиться могут и умные.

Лёва или Оксана могли заказать эсэмэску через сайт, на котором сетевой адрес компа-отправителя можно подменить любым другим. В таком случае следователь и его эксперт могут и фраернуться. Тогда как раз и скажут с уверенностью, что эсэмэска заказана из неткафе. И в мыслях не допустят, что эсэмэску заказали с домашнего ноутбука, а сетевой адрес компа подменили. Заказчик же будет потирать руки и радоваться.

На тот момент я не знал кандидатур в заказчики эсэмэски лучших, чем детишки покойной. Кому как не им перепало немалое наследство? У кого как не у них исчезла обуза в виде астматички-паралитички? Ведь как Лёва, так и Оксана с мамашей “не очень-то дружили”, то есть детский лепет “как они могли родную мать...” здесь не к месту.

Против версии “детешки-убийцы” выступал весомый аргумент: на что детешки собирались после мамашиней смерти жить? Ведь зарабатывать ни Лёва, ни Оксана не умели. Я мог предположить, что детешки о будущем и не задумывались, и начали кусать локти только после смерти мамашы, да верилось в такое с трудом. На дебилов ни Лёва, ни Оксана не походили.

Другой вопрос: если заказчица Оксана, то зачем нанимала меня? Ведь я мог клиентку вывести на чистую водицу. Тут всё просто. Понадеялась, что хитрее меня. Мол, замела следы так, что уверена: следствие мамашину дочурку оправдаёт, заодно навсегда отведёт подозрения.

Виновны мамашины детешки или нет, а подозревать их полезно. Куда глупее верить в невиновность Лёвы и Оксаны безо всяких на то оснований. Потому я и сказал Оксане без обиняков, что подозреваю её и Лёву до тех пор, пока не найду им оправдание. Ведь всё равно сначала проверил бы детешек, какими бы пушистыми они не казались на первый взгляд. Такой уж я Фома. Доверчивым путь в сыщики заказан.

К тому же Оксана за неделю до смерти мамашы перезаписала на своём ноуте операционку. То есть стёрла с диска все возможные улики. Разве не подозрительно?

Или взять Лёву. Тот вообще мечтает учиться не где-нибудь в Тухлорыбинске, а в нерусских парижках. А там, ясное дело, учёба влетает в немалую копеечку.

Оксана с перезаписью операционки меня волновала больше лёвиной розовой мечты. Как известно, перезапись системы с помощью проги типа оксаниной “Копидиск” стирает с диска всё, включая следы походов по интернету. Причём стирает напрочь, без возможности восстановления.

Такой радикальный способ заметания следов применяют малолетки, когда прячут от родителей походы по порносайтам. Раньше стирали журнал посещённых сайтов, но оставалась парочка системных файлов, в которых можно узнать адреса всех сайтов, куда заглядывал пользователь. Потому малолетки перешли на проги типа “Копидиск”.

“Копидиск” позволяет стереть компромат в считанные минуты. Способ простой и действенный, потому живучий и известный на весь интернет. Глупо было бы предполагать, что Оксана о таком способе заметания следов не знала.

Со слов Оксаны, она переписывала операционку раз в месяц, чтобы не глючила. Может, и не врала. Но проверить не мешало.

Если эсэмэску мамаше заказала Оксана, то понятно, зачем ей понадобилось перезаписывать операционку. Ведь могла заказать через сервер, который меняет сетевой адрес компа. Узнала сетевой адрес компа в неткафе, – это сможет даже ребёнок, – и заказала эсэмэску со своего ноута. По ходу подменила сетевой адрес своего ноута адресом компа из неткафе.

Слишком сложно? Проще пойти в неткафе, и заказать эс-

эмэску оттуда? Можно и так. Только в таком случае в неткафе заказчицу могут опознать. Значит, смысл заказывать эс-эмэску с домашнего ноута есть. А затем можно перезаписать операционку. Ведь Оксана уверена – и не без оснований – в том, что перезапись системы сотрёт все файлы с компроматом подчистую. Концы в воду.

Я запустил на компе виртуальную операционку, загрузил систему Оксаны из копии диска, что снял с винчестера оксаниного ноута.

Первым делом я проверил время сноса операционки. Оксана не соврала. Заново система запустилась в субботу, шестого июня, ночью, в двадцать минут второго. Примерно то же время назвала и Оксана. Я засчитал Оксане бонус за правду, продолжил прогулку по диску маминой дочери.

Прогулка оказалась короткой. Оксану интернет радовал социальными сетями да дизайнерскими сайтами. Вот и все интересы. Ссылок на посещённые сайты с адресами вроде “сэнд-эсэмэс” и “чейндж-ай-пи” я не нашёл. Свежестёртых подозрительных файлов тоже не откопал. Да и как я мог их найти? Ведь Оксана весь компромат – если он был – стёрла, когда перезаписала операционку.

Я отключил копию винчестера Оксаны, подключил лёвину. Операционка Лёвы запросила пароль. Я ввёл суперпароль “с-е-к-р-е-т-н-ы-й-п-а-р-о-л-ь-л-ё-в-ы”, как учил Лёва: в английской раскладке, в нижнем регистре, без пробелов. Система поздоровалась, загрузилась.

Для начала я просмотрел ссылки в журнале посещённых сайтов, как и у Оксаны. По ссылкам прошёл на сайты. Круг интересов Лёвы оказался широченным: полный курс французского, кулинария, санэпидемнадзор, кондитерское дело, игрушка “Печём пиццу”, автобусные туры в Европу, гороскопы, автомобили...

Я искал сайты вроде “пошли эсэмэску” и “смени айпишник”. Сайты, по содержанию страниц в условия поиска не входящие, я просматривал без должного внимания.

Что мне искать на странице, где врачи санэпидемстанции разъясняли, как важна для здоровья нации кристальная чистота на рабочем месте повара? Что я мог найти на околокомпьютерную тему, к примеру, на форуме медбратьев, где юнцы вопрошают о том, как вывести юношеские прыщи? Читать до конца длинную страницу с вопросами о гнойничках да жировичках у меня терпения не хватило. С теми же спущенными рукавами я пролистал страницы с оборудованием для профессиональной выпечки, с киноафишами, да с текстами песен на французском.

На закуску я оставил сайт с адресом из французской зоны интернета. Всё же Лёва мечтал учиться в Париже.

Когда я прошел по ссылке с “точка-фр” в теле, то похвалил себя за догадливость: я попал на сайт Дидье, мужика в поварском колпаке. Того Дидье, чей плакат я видел в комнате Лёвы. Того Дидье, у которого мечтал учиться Лёва. Жаль, мечты об учёбе во Франции к делу не пришьёшь.

Как я ни изощрялся, а поиски дали нулевой результат. Подозрительных – на мой взгляд – сайтов ни Лёва, ни Оксана не посещали. Я проверил и системные журналы, и скрытые системные файлы, где регистрируются адреса посещённых сайтов. Поискал и среди файлов стёртых. Нашёл ноль улик.

Затем я вспомнил, что хотел порыться в лёвиной корреспонденции. Поискал архивы почты. Не нашёл. Лёва почтовым клиентом не пользовался. Взамен в журнале посещённых сайтов я заметил ссылку на онлайн-почтовик. К этой ссылке бы ещё логин да пароль...

Я поскрипел извилинами. Предположил, что Лёва – раз уж запаролил вход в систему да трясся над паролем как Кашей над иголкой – наверняка запаролил всё что можно. Я пробежался по диску Лёвы, пооткрывал документы, папки. Догадка подтвердилась. Каждый файл, который можно запаролить, Лёва запаролил.

Поклонники тотальной безопасности вроде Лёвы страдают от одной проблемы: приходится держать в голове десятки паролей. Ведь по правилам безопасности иметь один пароль на всё про всё не рекомендуется. Хорошо, если у тебя память железная. В противном случае страдальцы типа Лёвы пользуются программами, которые сохраняют пароли. Ведь удобно: записал все логины и пароли в один файл, и закрыл всё разом одним паролем. И не надо помнить сотню паролей и логинов.

Беда в том, что на каждую программу-сохранялку нахо-

дится две проги-вскрывалки. Таких прог у меня, как у каждого сыскаря, с десятков.

Минут десять я убил на поиски файла с паролями.

Как я и ожидал, память у Лёвы оказалась не резиновая. Все пароли запоминать Лёва отказался, потому завёл себе хранилище паролей в виде маленького файла, примечательного лишь тем, что зашифрован по последнему слову техники.

Я запустил хакерскую прогу, подсунул ей лёвин зашифрованный файл. Прога-ломалка загрузила все ядра всех процессоров под завязку, и всего через полчаса выдала расшифровку. Я получил доступ ко всему, что Лёва запаролил, включая почту. Лёва постарался: всё расписал, разложил по полочкам.

Первым моим порывом было найти подобный файл и на копии винчестера Оксаны. Чуток подумав, я решил, что раз Оксана на вход в операционку пароль не поставила, да к тому же язвила по поводу лёвиного трепетного отношения к сохранности пароля, то лёвина сестричка параноидальной страстью к паролям не страдает. Значит, как и у большинства беспечных пользователей, у Оксаны наверняка один пароль на все случаи жизни. Такой универсальный пароль записывать в зашифрованный файл не надо: один пароль не забудешь.

Через минуту после расшифровки лёвиного хранилища паролей я уже просматривал заголовки лёвиных писем. Осо-

бое внимание уделял заголовкам на английском.

Письмо от команды мсье Дидье значило последнее в числе полученных писем с заголовками, набранными латиницей. Предпоследним оказалось письмо Лёвы в контору мсье Дидье. В послании французам Лёва спрашивал, во сколько гражданину России обойдётся обучение в школе знаменитого на весь мир кулинара мсье Дидье. Ответ мужика в поварском колпаке и с продающим взглядом мне понравился.

Лёве с сожалением сообщили, что с августа цена на учёбу в школе мсье Дидье вырастет. На момент отправки письма год учёбы вместе с проживанием обходился в сорок тысяч долларов. Если оплатить три года учёбы сразу, то год будет стоить гораздо дешевле – всего тридцать тысяч. Учиться три года. Итого девяносто тысяч, если оплатить все три года до августа. С первого августа год будет стоить пятьдесят, опт – сорок пять. Итого за три года – при условии покупки трёх лет учёбы оптом – придётся выложить сто тридцать пять тысяч.

Эсэмэска-убийца лёвиной мамаше пришла очень вовремя. Наследников кроме детишек у мамы нет. Значит, с получением наследства проблем не возникнет. А там можно запросто домишко мамы продать, денежки разделить, и Лёва может до августа оптом оплатить три года учёбы у кумира.

Если же платить после первого августа, то лёвиной половины от продажи мамшиного дома на учёбу не хватит. До-

му цена тысяч двести. Половина – это сотня. После первого августа цена на учёбу в школе мсье Дидье возрастает до ста тридцати пяти тысяч при условии оптовой покупки трёх лет.

Мсье Дидье подарил Лёве великолепный мотив: Лёве понадобились немалые деньги, причём срочно. Осталось узнать, мог ли Лёва заказать эсэмэску.

Письмо от команды Дидье датировалось первым июня. Эсэмэска-убийца лёвиной мамаше пришла через две недели. Лёва получил ответ от мсье Дидье не после, а перед смертью мамыши. Вывод бросался в глаза.

Осталось узнать, когда эсэмэска заказана. Если до того, как Лёва получил письмо от мсье Дидье, тогда письмо в качестве мотива отпадает. По крайней мере, срочности письмо не добавляет. Если Лёва и хотел мамаше эсэмэску послать, то письмо от Дидье момент заказа не приблизило. Если же эсэмэска заказана после прихода письма, то тут не заподозрить Лёву грех.

Позвонил телефонист. Сообщил айпи-адрес компа, с которого на номер мамыши пришла эсэмэска-убийца. Копейку за инфу согласился взять при встрече, за что получил от меня благодарность.

Я зашёл на комп по свежеузнанному айпишнику. Как и ожидал, комп оказался серваком, на котором развалился мощный сайтище, что отправляет эсэмэски. Узнать на сайте, откуда мамаше заказана эсэмэска, я не смог.

Пришлось ваять письмецо админу сайта. Мол, скажи, мил

человек, откуда и когда заказана такая-то эсэмэска, что пришла на такой-то номер четырнадцатого июня в час дня. В постскриптуме пообещал за инфу перевести зелёный черво-нец электронными деньгами на тот кошелёк, который укажет админ.

Ответ на письмо получил через десять минут. Админ выслал айпишник, с которого мамаше заказали эсэмэску. Вдобавок админ сообщил дату и время заказа: восьмого июня, одиннадцать утра. Заодно админ указал номер кошелька, куда перевести гонорар. Я деньгу перевёл немедля. В ответ на оплату трудов админ прислал благодарность, пожелал нашему сотрудничеству процветания, под конец предложил обращаться, если что.

После общения с админом я вспомнил, что Оксана пере-записала операцию на своём ноуте шестого июня. Эсэмэска мамаше заказана восьмого. Я поморщился: что-то уж слишком близко друг от друга отстояли ключевые даты... С другой стороны, компромата на ноуте Оксаны я не нашёл. А ведь искал с усердием о-го-го каким!

С Лёвой дело вышло куда хуже. Письмо от мсье Дидье с предложением заплатить девяносто тысяч долларов до августа – иначе плакала лёвина дешёвая учёба – пришло первого июня. Эсэмэска-убийца заказана восьмого. Оснований считать Лёву невиновным у меня не нашлось.

Я попытался быть честным, относиться к Лёве так же как к Оксане: я признал, что на ноуте Лёвы компромата я тоже

не нашёл. Компромата не отыскал, это правда. Зато у Лёвы есть мотив – письмо от мсье Дидье плюс лёвино страстное желание учиться в Париже. У Оксаны подобного мотива я не видел.

Да, дом, который можно продать, перепал в наследство как Лёве, так и Оксане. Вот только у Лёвы плюсом к наследству был повод продаже дома ускорить. Оксана же, напротив, продавать дом не собиралась, по крайней мере на словах.

Когда голова от наплыва мотивов, возможностей, улик и доказательств начала пухнуть, я вспомнил, что утро вечера мудренее. А чтобы к утру было о чём поразмышлять ещё, я принялся узнавать, где искать тот комп, с которого мамаше заказали эсэмэску-убийцу.

Я зашёл на сайт “Кто есть кто”, перевёл зелёный четвертак за услугу, ввёл в строке поиска айпишник, что мне сообщил за зелёный червонец админ сайта, с которого эсэмэска отправилась на мамашину мобилку.

Через пару секунд мне сообщили физический адрес, где стоит комп, с которого мамаше заказали эсэмэску. Заодно сообщили, какая контора по тому адресу прописана.

Искомый комп располагался в неткафе, что расположено в Андрееве, на углу Никольской и Наваринской. Всего в двух шагах от колледжа, где учился Лёва.

Я собрался было позвонить телефонисту, но вовремя глянул на часы. Стрелки показывали четверть двенадцатого –

время для меня как для жаворонка позднее. Потому я со спокойной совестью завалился баиньки. Телефониста оставил на утро.

Перед сном все мои догадки подпортила гнусная мыслишка: и всё-таки, почему заказчик эсэмэски был уверен в том, что текст эсэмэски вызовет у мамыши нервное потрясение, достаточное для смертельного приступа астмы? Приступов у мамыши случилось немало. Почему именно последний, вызванный эсэмэской, должен был, по мнению заказчика, стать смертельным? Или заказчик выстрелил наугад? Ткнул пальцем в небо, и попал? Сработало русское авось?

*

*

В девять утра я подъехал к пересечению Никольской и Нарваринской. Придорожный рекламный щит с надписью “Интернет-кафе” указывал на двухэтажный дом, что на северном углу перекрёстка.

Первый этаж занимало неткафе. На втором этаже восьмого июня я покупал дефицитное “Розовое сердце”, потому как над неткафе располагался магазин “Женские штучки”. Через дорогу, по диагонали, на южном углу перекрёстка, блеснул свежим ремонтом кулинарный техникум, с недавних пор носящий модное имя “колледж”, где постигал науку кулинарию Лёва. Как тесен Андреев! Не город, а большая деревня.

Я запарковал джипчик напротив неткафе.

На пороге неткафе я позвонил телефонисту. Попросил

засечь, откуда будет сигнализировать мой мобильник ближайшие пять минут. Затем попросил узнать, где восьмого июня с половины одиннадцатого до половины двенадцатого светились трубки Лёвы, Оксаны, Кати, Димона, и Серого.

Мне повезло. Все мои подозреваемые обслуживались у одного оператора, потому весь заказ я смог отдать одному телефонисту оптом. Иначе пришлось бы платить дороже.

Сейчас каждый школьник знает, что перед тем как идти на дело, надо трубку оставить дома. Но я всё же решил трубки моих подопечных проверить. На всякий пожарный. Чем чёрт не шутит...

В неткафе я направился к столу администратора. За столом полусидел-полулежал длинноволосый безусый паренёк, одетый в стиле “утиг из моды вышел в прошлом веке”.

Я поздоровался. Админ смерил меня таким взглядом, словно хотел спросить: “Чего тебе надобно, старче?”. Я вывел на экран мобильного фотку Лёвы, показал админу, спросил, видел ли админ Лёву в своём заведении. Админ покачал головой. Я спросил, дежурил ли админ восьмого числа. Админ кивнул: мол, дежурил. Я спросил, видел ли админ Лёву восьмого числа. Админ хмыкнул.

- Кто вы такой, чтобы здесь расспрашивать?
- Следователь.
- К нам из милиции уже приходили.
- Так то из милиции. А я из фонда помощи людям с крепкой памятью.

Я положил на стол перед админом зелёную пятёрку. Админ улыбнулся, рассмотрел купюру на свет, потёр пальцем воротник президента, спрятал купюру в карман. Затем жестом дал понять, что не прочь взглянуть на фото Лёвы ещё раз. Я протянул админу мобильник, сказал, чтобы пролистал и следующие пять фоток, где у меня красовались Лёва, Оксана и Катя.

Админ рассматривал моих подозреваемых минуты три. Пару раз возвращался к началу, зумил фотки, морщил лоб. Паренёк отработывал гонорар в пять баксов на всю катушку. Если в мимике малолеток я хоть что-то понимаю, то пацан не вспомнил ни Лёву, ни Оксану, ни Катю. Или мои подопечные в неткафе не заявлялись, или у админа с памятью непорядок.

Под конец админ со вздохом сожаления вынул из кармана зелёную пятёрку, завернул в купюру мой мобильник, протянул свёрток мне.

– Я этих людишек не знаю. Так что деньги заберите. Я их не заработал.

– Вы старались, вспоминали. Это оплачивается.

Я взял мобильник, пятёрку положил на стол. Админ улыбнулся, сунул зелёный хрустик в карман. Затем минуты три админ рассказывал, как много в его неткафе народу. Ведь напротив колледж. Оттуда студенты в неткафе носятся толпами. Всех не упомнишь. Если я приду в заведение админа часикам к одиннадцати, то смогу убедиться, что админ не

врёт.

В завершение монолога админ посетовал на то, что в неткафе камер слежения нет. Админ давно говорил хозяину, мол, надо бы поставить парочку камер, чтобы видеть, кто что творит за компами, но хозяин сказал, что админ бесится с жиру и ленится задницу от кресла оторвать, чтобы пройти по залу ножками и посмотреть, кто из прихожан чем занят.

Мой мобильник подал голос. На экране высветилось слово “телефонист”. Я попрощался с админом жестом, вышел на улицу, нажал на мобильнике зелёную кнопку, прильнул к динамику.

Телефонист вещал ровным голосом словно робот, который надоедает тем, у кого появилась задолженность по счетам телефонной компании.

Под конец доклада телефонист напомнил, на сколько баксов полегчает мой кошелёк при очной встрече телефониста и сыщика.

Много ли я узнал за двадцать баксов? Много.

Телефонист засёк, откуда сигналил мой мобильник всё то время, что я болтал с админом в неткафе. В том же секторе восьмого июня с половины одиннадцатого до половины двенадцатого светилась трубка Лёвы.

Того же восьмого числа мобилка сиделки Кати в половине одиннадцатого сигнарила в района дома лёвиной мамыши, затем переместилась в район неткафе. На переезд у трубки ушло двадцать минут. Катина трубка прибыла в район нет-

кафе за десять минут до одиннадцати. Там, в районе неткафе, мобилка и оставалась до половины двенадцатого – до момента, который проверил телефонист.

Мамашин реализатор Димон в момент заказа эсэмэски-убийцы светил своим мобильником в районе автовокзала, чёрт знает как далеко от неткафе. В промежутке “полчаса до заказа эсэмэски и полчаса спустя” Димон из района автовокзала не отлучался.

Поначалу я хотел спросить Димона, что он делал на автовокзале в одиннадцать – в то время, когда должен торговать джинсами в мамашиной будке на рынке. Затем я вспомнил, что эсэмэска мамаше заказана в понедельник, а понедельник на всех рынках выходной. Значит, восьмого июня Димон мог быть где угодно, только не на рынке.

Мамашин конкурент Серый, судя по тому, где засветился его мобильник, восьмого июня с утра бродил в районе дома мамыши. Мобильник Серого ответил на запрос оператора в десять тридцать, затем отключился. Или трубку выключили, или села батарея. До половины двенадцатого мобильник Серого признаков жизни не подавал. Что Серый делал возле дома мамыши за полчаса до заказа эсэмэски-убийцы, я решил узнать при встрече.

И, наконец, Оксана. Восьмого июня сигналы от мобилки Оксаны с половины одиннадцатого до половины двенадцатого шли из района дома мамыши.

Почему трубка Оксаны в будний день светилась не в рай-

оне оксаниного колледжа, а в районе дома? Я допустил, что в колледже часть занятий отменили, и Оксана вернулась домой. Хотя Оксана могла занятия и прогулять.

Так или иначе, а у Оксаны начало вырисовываться алиби: в момент заказа эсэмэски Оксана наверняка сидела дома. Ведь мобилка сиделки Кати с половины одиннадцатого начала движение в сторону неткафе, и до половины двенадцатого светилась в районе неткафе. Другими словами, Катя в тот час с мамашей не сидела. Не могла же мамаша в тот день целый час лежать дома одна, без присмотра!

Я подумал, что если мобилка Кати в половине одиннадцатого сигналила в районе дома мамаша, а затем начала перемещаться в сторону неткафе, то наверняка Катя с утра сидела с мамашей, затем из колледжа вернулась Оксана, Катя подопечную оставила на Оксану, поехала в сторону неткафе. Почему нет?

Вопрос только в том, зачем Катя моталась в район неткафе, откуда заказана эсэмэска-убийца, причём в район неткафе Катя прибыла за десять минут до момента заказа.

Похожий вопрос я хотел задать и Лёве. Ведь лёвин мобильник светился в районе неткафе с половины одиннадцатого до половины двенадцатого. То есть времени на заказ эсэмэски у Лёвы было навалом. Лёва мог хоть полчаса торчать в неткафе перед тем, как заказать мамаше эсэмэску.

Справедливости ради я отметил, что через дорогу от неткафе располагался лёвин колледж. Если рассуждать без

предвзятости, то лёвин мобильник светился не только в районе неткафе, но и в районе колледжа, где Лёва учился.

Чтобы не возводить на Лёву напраслину, я позвонил телефонисту, попросил определить, откуда будет сигнализировать мой мобильник следующие пять минут. За всё про всё я расстался с десяткой баксов. У телефониста червонец – минимальный тариф.

Я зашагал от неткафе ко входу в колледж Лёвы. Чтобы сократить путь, я пересёк перекрёсток Никольской и Наваринской по диагонали, благо машины шли не сплошным потоком. Отделался тремя сигналами да одним матом от водилы потрёпанного китайского пикапа.

Через три минуты позвонил телефонист. Отрапортовал, напомнил о возросшей сумме моего долга, повесил трубку.

Со слов телефониста, мой мобильник светился практически в центре сектора радиусом в триста метров. Из того же сектора мой мобильник сигнализировал и в момент, когда я позвонил телефонисту с порога неткафе, и попросил засечь местоположение моей трубки. Значит, лёвин мобильник мог светиться как в неткафе, так и в колледже. Ведь сектор один и тот же. Лёва мог не заказывать эсэмэску в неткафе, а сидеть на лекциях, или печь в кухне кулинарного колледжа круасаны.

Когда я в общих чертах разобрался с Лёвой, то поймал себя на мыслях о Кате. Туманные домыслы через пару секунд оформились в два вопроса: “Что Катя делала в районе нет-

кафе? Встречалась с Лёвой?”.

В следующий миг я пожурил себя за излишне вольный полёт мысли. Лёва с Катей сорок минут находились в одном секторе, это верно. Но сектор диаметром в шесть сотен метров – площадь огромная. Катя с Лёвой могли бродить в полукилометре друг от друга, а я уже сложил молодёжь вместе.

Вопрос “Что Катя делала в районе неткафе?” грызть мои извилины продолжал.

Вскоре на задворках подсознания вопрос зазвучал по-другому: “Быть может, эсэмэску-убийцу заказала Катя?”.

И тут я вспомнил о розовом плеере в виде сердечка, который купила Катя, с её слов, в “Терабайте”.

Я решил проверить, где мамашина сиделка покупала плеер “Розовое сердце”. Ведь, если отбросить предвзятость, Катя могла восьмого числа – как и говорила – покупать плеер “Розовое сердце”, а не заказывать мамаше эсэмэску. Только покупала не в “Терабайте”. В “Терабайт” розовых плееров на восьмое июня не завезли.

Катя покупала плеер наверняка там же, где и я: в магазине “Женские штучки”, что на втором этаже дома, где первый этаж занимало неткафе. Во всём Андрееве восьмого числа “Розовые сердца” продавались только в “Женских штучках”. Вот только зачем Катя соврала? Почему не сказать, что покупала плеер в “Женских штучках”? Что мешало? Если поставить вопрос по-другому, то что Катя хотела скрыть? Что крамольного в покупке плеера?

Я позвонил в коммерческую справочную, попросил телефон “Терабайта”. Четверть минуты я слушал рекламу. Елейный голосок сообщил, где при необходимости я могу прикупить таблеток от нервов, если мне покажется, что у меня от рекламных пауз развился нервный тик. Под конец рекламы мне дали номерок “Терабайта”.

В “Терабите” меня соединили с менеджером, заправляющим отделом мелкой электроники. На мой вопрос: “Плеер “Розовое сердце” есть?” – собеседник ответил: “Откуда?”. Менеджер слышал, что пару недель назад розовые сердечки завезли в “Женские штучки”, но там дефицит расхватали вмиг. В “Женских штучках” снабженцы крученые, достанут всё, что угодно. А в “Терабите”... В “Терабите” этих плееров ещё не видели.

Другими словами Катя, раз уж дефицитный розовый плеер купила, то или в Москве, или в “Женских штучках”. В Москве вряд ли, а вот в “Женских штучках” могла. Но уж сто процентов не в “Терабите”.

Я потопал от колледжа Лёвы к неткафе. Чтобы срезать угол, я снова пересёк перекрёсток по диагонали. На этот раз водилы мне не сигналили, зато матами меня обложили со всех сторон. И поделом.

В доме, где первый этаж заняло неткафе, я поднялся на второй этаж – туда, где расположился магазин “Женские штучки”.

*

В отделе мелкой электроники я зашагал напрямик к продавцу, у которого восьмого июня покупал мечту моей подруги: плеер “Розовое сердце”.

Продавец – пацан привлекательной для девчонок наружности – подарил мне взгляд, полный такого радушия и желания услужить покупателю, что мне захотелось хоть что-нибудь, да купить. Я вспомнил, за чем пришёл, руку от кошелька оторвал.

После приветствия я перешёл к делу.

– Восьмого июня, в понедельник, я покупал у вас “Розовое сердце”.

– Точно! А я-то думаю, где мы встречались? Кажется, вы покупали плеер подруге.

– Память у вас классная. Что вы сможете вспомнить ещё, если я заплачу вам пять баксов?

– Всё, что угодно. Если только это не навредит мне.

– Я вам покажу фотку девчонки, а вы постарайтесь вспомнить, покупала она у вас “Розовое сердце” или нет. Если покупала, то я хотел бы знать, когда это было.

– Если ваша девчонка “Розовое сердце” и покупала, то только в тот понедельник. Нам тогда завезли всего двадцать плееров, и разошлись они за час. С того дня нам этих плееров не завозили.

– Значит, ответ на один вопрос я уже получил. Вот ваш гонорар.

Я дал продавцу зелёную пятёрку. Пацан с улыбкой смущения спрятал гонорар в карман. Я вывел на экран мобильного фотку Кати, протянул трубку продавцу, попросил не спешить, порыться в памяти как следует. Пацан к моему мобильнику даже не притронулся, только бросил на экран беглый взгляд, и тут же покачал головой.

– Нет, она не покупала.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Я упал духом. Через секунду продавец улыбнулся, повторил, что Катя “Розовое сердце” не покупала. Покупал катин друг. Я попросил катиного друга описать. Получил точнейший фоторобот человека, похожего на Лёву. Я вывел на экран мобильного фотку Лёвы, показал продавцу. Спросить, не этот ли паренёк выступал в роли катиного друга, я не успел. Продавец улыбнулся, кивнул: мол, он.

За следующие пять минут я задал, казалось, миллион вопросов. Продавец ответил на все.

Лёва продавцу не друг. Просто знакомый. Иногда Лёва заходит полялякать про мобилки, фотики, плееры. Иногда что-то покупает.

Восьмого июня Лёва купил для Кати плеер “Розовое сердце”. Уверен ли продавец, что расплачивался за плеер Лёва? Нет, не уверен. Но по разговору Лёвы с Катей было ясно, что розовый плеер – подарок Лёвы девчонке.

Продавец сказал, что Лёва заказал “Розовое сердце” зара-

нее, потому как дефицит. Как только плееры пришли, так продавец Лёве сразу и позвонил. Плееры завезли в понедельник, до начала торгового дня. Продавец позвонил Лёве около половины десятого и сказал, что часок-другой плеер для Лёвы придержит, но не больше, потому как “Розовое сердце” такой товар, который отрывают с руками, а продавцу с каждой продажи идёт процент.

Лёва и Катя пришли около одиннадцати. Немного поболтали с продавцом, Катя попросила запустить на плеере пару песен, послушала, звучанием осталась довольна. Продавец выписал счёт, парочка ушла к кассам. Вернулись с оплаченным чеком. Лёва дал продавцу пять баксов сверху цены плеера, за что продавец Лёве благодарен и не хотел бы из-за меня терять щедрого клиента. Я уверил продавца, что источник инфы Лёва не узнает.

На прощание продавец на обратной стороне визитки “Женских штучек” написал номер мобильного, снизу дописал имя, протянул картонку мне. Мол, если что надо купить – всегда пожалуйста.

После прощания с продавцом я поспешил к охраннику, что курсировал в торговом зале между прилавками.

Я хотел узнать точное время прихода Лёвы с Катей в “Женские штучки”. Продавец сказал, что парочка пришла “где-то в одиннадцать”. Такая размазанная точность меня не устроила. Ведь рядом, в нескольких секундах пути, на первом этаже, эсэмэску-убийцу заказали ровно в одиннадцать.

Я спросил у охранника, могу ли я за определённую плату просмотреть записи камер наблюдения. Охранник связался по рации со старшим смены, передал мой вопрос, получил добро, провёл меня в комнату охраны.

В маленькой комнатке уместились стол, компьютер, четыре монитора, и кресло-крутилка с седовласым мужичком между подлокотниками. Мы сошлись в цене всего за минуту. Я расстался с зелёным червонцем. Мужичок вытащил на свет божий записи камер наблюдения за восьмое число.

На записи в числе первых покупателей розового плеера я увидел себя. Никогда бы не подумал, что со стороны я смахивал на психопата с горящими глазами, который после покупки женской погремушки выглядит счастливее парня, выигравшего миллион.

Ровно в одиннадцать в “Женские штучки” вошли Катя и Лёва. Молодые люди выглядели далеко не как чужие друг другу. Любовь-морковь читалась в каждой улыбке, в каждом жесте.

Четверть часа Лёва и Катя болтали с продавцом, вертели плеер в руках, Катя надевала наушники, пританцовывала в такт музыке.

У кассы номер три в двадцать минут двенадцатого Лёва вынул деньги из портмоне, протянул кассирше. Вряд ли Катя дала Лёве деньги заранее, перед входом в магазин, как делают некоторые жёны, чтобы и деньги иметь всегда при себе, и муж не выглядел на людях нищим, когда расплачивается

жена.

Взамен денег Лёва получил от кассирши чек. С чеком Лёва и Катя вернулись к продавцу, обменяли чек на плеер. Всё. И никаких “Терабайтов”.

Когда я закончил просмотр документального немого кино, седовласый мужичок спросил, получил ли я то, что хотел. Я улыбнулся с таким довольством, что наверняка напомнил собеседнику кота, что объелся сметаны, а после трапезы растянулся на солнышке.

Седовласый мужичок указал взглядом на монитор.

– Вам эта запись нужна?

Я покачал головой.

– Мне – нет. А вот следователь будет на седьмом небе, если дело пойдёт так, как я сейчас думаю. Так что вы эту запись не стирайте ещё хотя бы с месячишко.

– В нашей конторе записи хранятся три месяца. Можете не волноваться.

Затем я спросил, как далеко за пределы входа в “Женские штучки” смотрят камеры наблюдения. В ответ мужичок повертел джойстиком. На экране монитора показались рамки, что стояли на выходе из магазина для ловли умников с неоплаченным товаром. Выход из “Женских штучек” служил заодно и входом. В поле зрения камер попадали всего-то пара метров плитки, которая покрывала пол снаружи от дверей магазина.

По моей просьбе седовласый мужичок отмотал запись ка-

меры, что над входом в магазин, до без четверти одиннадцать. За пятнадцать минут камера засекла немало вошедших-вышедших посетителей. Катя в поле зрения камеры попала только в одиннадцать, когда вошла в магазин под ручку с Лёвой.

В ответ на вопросительный взгляд седовласого мужичка я кивнул: мол, это всё, что мне надо. Мужичок пожал мою руку, пожелал удачи, вернулся к созерцанию картинок на мониторах.

Я сверил время на мониторах комнаты охраны со временем, что показывал мой мобильник. На моих часах я насчитал на тридцать одну секунду больше.

На выходе из “Женских штучек” я отметил, что Катя вполне могла ждать Лёву возле входа в магазин. Если Катя стояла в трёх-четырёх метрах от магазинных дверей, то камеры Катю засечь бы не смогли. От входа в магазин до ступеней лестницы, что вела на первый этаж, к неткафе, я насчитал метров семь не то коридора, не то фойе. Если стоять в том фойе, то в поле зрения камер не попадёшь.

С чего вдруг я решил, что Катя ждала Лёву возле “Женских штучек”? Предположил. Катина мобилка прибыла в район неткафе за десять минут до одиннадцати. В магазин Лёва и Катя вошли ровно в одиннадцать. Где прохладилась Катя пять-десять минут? Или ждала Лёву на улице, или на втором этаже рядом со входом в магазин, или... или заказывала эсэмэску на первом этаже, в неткафе.

Из-за того, что Кате приходилось сидеть то с лёвиной бабушкой, то с мамашей, Катя за всю весну толком погулять с мальчиками так и не смогла. Для большинства девчонок в шестнадцать лет пропустить целую весну романтики – это трагедия.

Катя напакостить мамаше за потерянную весну могла? Могла. Заказала эсэмэску не с целью убийства, а чтобы мамаше мелко нагадить исподтишка: пусть старая вешалка по-нервничает!

Катя стояла рядом с “Женскими штучками”, ждала Лёву, тут вдруг юную бестолковую голову осенила идея заказать мамаше эсэмэску. Ведь видела по новостям про шутника-бомбера, который “заложил бомбу” в супермаркет, и знала, что шутника не нашли.

Заказала эсэмэску, продолжила ждать Лёву. Когда мамаша от эсэмэски умерла, Катя испугалась, что натворила делов. Потому и скрыла, где покупала плеер. Сказала, что купала в “Терабайте”, чёрт знает как далеко от неткафе. Наверняка мои вопросы о плеере Катю застали врасплох, потому всего-то и успела сообразить, что надо изменить место покупки. До изменения даты покупки сразу не допёрла.

Оставалась маленькая деталь, от которой версия “эсэмэску заказала Катя” смотрелась не лучше, чем бриллиант со щербинкой. Эсэмэска заказана ровно в одиннадцать, и ровно в одиннадцать Катя и Лёва вошли в “Женские штучки”. Как Катя умудрилась в одно и то же время находиться в раз-

ных местах?

Ответ напросился сам собой. Наверняка хоть на десять-двадцать секунд, а показания часов на сайте, где заказана эсэмэска, и на компе охраны “Женских штучек” разбегаются. Двадцати секунд как раз хватит, чтобы после финального клика при заказе эсэмэски выйти из неткафе, подняться на второй этаж, где и попасть в поле зрения камер наблюдения магазина.

Проверки ради я засёк время, спустился на первый этаж, подошёл к неткафе, взглянул на часы. Путь от дверей “Женских штучек” до дверей неткафе занял у меня четверть минуты. Если не бежать, то подъём по лестнице займёт времени больше, чем спуск. Катя поднималась. Значит, можно накинуть пяток секунд. Итого Катя могла затратить на подъём двадцать секунд.

Я вошёл в неткафе, кивнул администратору, прошагал до самого дальнего компьютера. Путь от дверей до компа занял тринадцать секунд. Итого на дорогу от компа в неткафе до дверей “Женских штучек” Катя могла потратить тридцать три секунды.

По моей просьбе админ неткафе зашёл на сайт, на котором с компа неткафе заказывалась эсэмэска. Админ пошёл мне навстречу забесплатно. Затем админ создал на сайте сообщение, отправил эсэмэской на мой номер. Момент финального клика при отправке эсэмэски я засёк по своим часам. После отправки эсэмэски на сайте-отправителе под за-

головком сообщения появилась строка, в которой указывалось время отправки. Время отправки эсэмэски, указанное на сайте, совпало со временем, которое в момент отправки показывал мой мобильник.

Часы на компе охраны “Женских штучек” в сравнении с часами на моём мобильнике показывали на тридцать одну секунду меньше. На часах моего мобильника и сайта-отправителя время совпадало. Значит, часы на компе охраны “Женских штучек” относительно часов на сайте-отправителе опаздывали на тридцать одну секунду.

Кате на переход от компа неткафе до дверей магазина нужно примерно тридцать три секунды. Если Катя шаг чуть ускорит, то уложится и в тридцать одну, и в двадцать девять.

Значит, Катя могла заказать эсэмэску ровно в одиннадцать по часам сайта-отправителя, и войти в “Женские штучки” ровно в одиннадцать по часам, что на компе охраны магазина.

Пока высчитывал, я аж взопрел. Казалось бы, что тут считать? Ан нет, тут цена ошибке – подозрение в убийстве.

Запиликал мой мобильник. Я глянул на экран. Пришла эсэмэска, которую на мой номер отправил админ неткафе считанными секундами ранее.

Админ выглядел довольным и гордым, словно ему выпало счастье поучаствовать в эксперименте, от которого зависит судьба планеты.

На прощание админ предложил заглядывать, если что.

Я забрался в джипчик, принялся думать думу.

Итак, Катя заказать эсэмэску могла. Мог и Лёва. Лёва или Катя? Или вместе? Или третий? Как у Кати, так и у Лёвы возможность заказать эсэмэску была. Заказали мамаше эсэмэску, и пошли покупать “Розовое сердце”?

С другой стороны, Лёва мог преспокойно сидеть в колледже аж до последней минуты, затем пересёк перекрёсток, поднялся на второй этаж, встретился с Катей, вошёл в магазин, а о заказе эсэмэски и не помышлял.

Катя тоже могла приехать на встречу с Лёвой, дожидаться Лёву в фойе-коридоре на втором этаже, войти в магазин, а о заказе эсэмэски узнать аж после смерти мамы.

Если не Лёва и не Катя, тогда кто? Ведь у обоих была такая расчудесная возможность! К тому же остался открытым вопрос, почему Катя сказала, что покупала плеер в “Терабайте”. Ведь соврала. Соврёт ли и Лёва?

Воображение нарисовало жутковатую картинку: Лёва и Катя сочиняют эсэмэску мамаше, со смехом описывают друг другу, как каждый представляет эффект от прихода эсэмэски. Я картинку прогнал, воображению наказал впредь так не расслабляться. Есть же какие-то пределы!

С минуту я наводил в мыслях порядок. Затем отыскал нужную мысль, развил, вернулся к работе.

На обратной стороне визитки, что мне дал продавец “Женских штучек”, я нашёл номер телефона продавца.

Я позвонил телефонисту. Попросил узнать, как часто Лё-

ва с Катей общались по телефону. Заодно попросил узнать, звонил ли продавец “Женских штучек” Лёве восьмого числа, и в котором часу. И напоследок: звонил ли Лёва Кате после разговора с продавцом?

Телефонист отчитался через пять минут, когда от нетерпения я уже начал насвистывать гимн Советского Союза. Со слов телефониста, Лёва с Катей общались по телефону часто и помногу. Звонки длиной в полчаса – не редкость. Восьмого июня продавец “Женских штучек” Лёве звонил. В девять тридцать три. Разговаривали две минуты. В девять тридцать шесть Лёва позвонил Кате. Уложились в четыре минуты.

Итак, Лёва и Катя подпадали под формулировку “тили-тили-тесто”. Частые катины звонки длиной нередко в полчаса, причём ответные звонки от Лёвы не короче – это ли не доказательство общения куда более тесного, чем деловые переговоры сиделки с сыном подопечной?

На тот момент я ещё не осознавал, что именно давала инфа о неделовых контактах Лёвы и Кати. Где-то в районе неосознаваемого вертелась уверенность, что такую инфу полезно запомнить на будущее. Я запомнил.

Затем я вернулся к инфе от телефониста. Продавец “Женских штучек” Лёве таки звонил. Звонил в половине десятого. Через минуту после разговора с продавцом Лёва набрал Катю. Наверное, сообщил приятную новость и время встречи у “Женских штучек”. Мол, плеер ждёт, подъезжай к “Женским штучкам” к одиннадцати. Почему к одиннадца-

ти, почему не к десяти? А куда Лёве с Катей спешить? Ведь продавец пообещал придержать плеер часок-другой. Как раз хватит. И никаких эсэмэсок-убийц.

Значит, Катя и Лёва могли порхать друг возле друга с амурчиками в головах, покупать плееры, а я им прицепил убийство лёвиной мамыши...

И всё-таки я не мог понять, зачем Катя соврала. Зачем сказала, что покупала плеер в “Терабайте”? На этот вопрос могла ответить только Катя.

Я позвонил Кате, договорился о встрече. Катя согласилась меня принять у себя дома.

*

*

Когда я подкатил к дому Лёвы и Оксаны, то у ворот третьего по ходу движения дома увидел Катю. Я притормозил напротив Кати, жестом попросил разрешения съехать с дороги, подкатить джипчик к воротам. Катя разрешила.

Перед тем, как выйти из машины, я включил на мобильнике диктофон, сунул трубку в нагрудный карман.

После обмена приветствиями Катя пригласила меня в дом. В ответ на моё опасение, не съест ли меня катина дворовая собачонка, Катя указала на будку с дверцей, запертой на хлипенький шпингалетик. Судя по толщине цепи, что уходила внутрь будки, и рыку, что доносился из будки, и величине будки, собачонка у Кати размерами мало уступала взрослому льву.

И всё же я рискнул, порог калитки переступил. В нос ударил запах псины и собачьих испражнений. Я поспешил пройти вглубь двора.

Катя предложила посидеть в тени яблони, на свежем воздухе. Я отказался, потому как псина в будке начала бунтовать, рваться на свободу. Наверняка учуяла чужой дух. Не дай бог псина вырвется из будки, да сорвётся с цепи... Испытывать терпение собачки я отказался, попросился в дом. Катя подарила мне говорящую улыбку: “а говорил, что герой...”.

В доме Кати царил бардак. Впрочем, как и во дворе. Пыль с мебели не смахивалась годами, аж въелась в полировку. Ковровые дорожки не вытряхивались с момента покупки, аж кое-где под слоем нанесённой со двора пыли-грязи пропал рисунок.

Катя провела меня в Комнату Розовых Вещей. Можно было и не гадать – в комнате жила Катя. Девчонкам этот розовый прямо-таки сносит крышу. Я уже молчу про “Розовое сердце”, что болталось на катиной шее.

Мой взгляд зацепился за три вещи, лежавшие на столе и из общей картины выпадавшие напрочь: самоучитель, разговорник, и словарик. Точно такую же троицу я видел накануне в комнате Лёвы. Других книг в комнате Кати я не нашёл. Журналов о красивой жизни – хоть завались, а вот с книгами не сложилось.

Катя указала пальцем на кресло-вертелку, что стояло у

стола. Жест я расценил как приглашение сесть. Я занял указанное место. Катя села на кровать. Я взглядом указал на плеер, что висел на шее Кати.

– Покупали сами?

– Сама.

– На свои?

– А на чьи же?

– Где покупали?

– В “Терабайте”. Я уже говорила.

– Точно в “Терабайте”? Чек сохранился?

– Нет.

– А гарантийник?

– Я его не брала.

– Не потому ли, что вы покупали плеер не в “Терабайте”, а в “Женских штучках”?

Катя поджала губы, засопела, отвела взгляд. Я продолжил беседу.

– Катя, вы с Лёвой встречаетесь?

– Странные у вас вопросы. Конечно, я с Лёвой общалась. Я же ухаживала за его бабушкой, за мамой. Мы же были в одном доме. Как же я могла с Лёвой не общаться?

– Я говорю не о встречах соседа с соседкой. Я говорю о встречах влюблённых. Я выразился доходчиво?

Катя заставила себя улыбнуться. Когда улыбку накладывают на губы через силу, улыбка смахивает на искреннюю как слизняк на фиалку.

Катя поняла, что я на улыбку не повёлся, когда улыбаться устала.

– Я с Лёвой не встречаюсь.

– Ведь вы соврали, Катя. Вы мне всё время врёте.

Катя подарила мне взгляд, пропитанный вопросом “А не пошёл бы ты, мил человек, куда подальше?”.

Тогда я рассказал про запись, что просматривал на компе охраны “Женских штучек”. Я описал в деталях, как, когда и в компании с кем Лёва покупал “Розовое сердце”.

Катя начала дышать быстрее зайца, что уже час удирает от паровоза по шпалам и никак не докумекает, что можно свернуть с путей в чисто поле. Когда мне показалось, что ещё чуть-чуть, и Катя хлопнется в обморок, я остановился.

Дыхание Кати приходило в норму целую минуту. Все шестьдесят секунд тишины я смотрел на Катю, пытался угадать ответ на мой ход конём. Я видел, как у Кати под причёской извилины ходили ходуном. Катя моего рассказа не ожидала, потому срочно придумывала отмазки.

Катин ответ я не угадал – настолько для моих неюных мозгов отмазка оказалась необычной. С катиных слов, Лёва решил подарить Кате плеер за хорошую работу. Лёве понравилось, как Катя ухаживала сначала за лёвиной бабушкой, затем за мамашей.

Я улыбнулся и высказал догадку: наверняка по той же причине Катя общается с Лёвой по телефону с утра до вечера, да по полчаса за раз. Когда я замолчал, Катя, казалось, про-

глотила язык.

Когда Катя вспомнила, как говорить, то голос понизила, почти зашептала.

– Отец меня убьёт. Он меня убьёт, точно! Отцу не говорить, а? Он против всех моих парней. И если он узнает, сколько стоит “Розовое сердце”... Начнёт орать, что я проститутка. Вы же меня отцу не сдадите?

– Нет. Почему вы сказали, что покупали плеер в “Тера-бите”?

Всё оказалось проще пареного кирпича. Катя мне соврала из страха перед отцом. Ведь “Женские штучки” рядом с колледжем Лёвы. Как только катин отец узнает, где покупалось “Розовое сердце”, он сообразит, что Катя с Лёвой встречается. Отец Кати подозрительный и догадливый. Если узнает, что Катя встречается с Лёвой тайно, считай у отца за спиной... Убьёт! Убьёт к монахам! Скажет, что Катя не с мамашей и бабушкой сидела, а спала с Лёвой. Катин отец такой. У него с головой непорядок.

К тому же если катиному отцу сказать, что плеер купил Лёва, то жить Кате останется ой как недолго! Отцу Катя сказала, что за плеер заплатила из своих заработанных, и всего двадцать баксов. Отец в ценах на такие штуки не разбирается, поверил. Если узнает, что за “Розовое сердце” заплачено двести – двести! – баксов, и платил Лёва... Тогда папуля повесит Катюше на шею камень, на грудь табличку “Смерть проституткам!”, и разрешит полежать на дне речки.

Я спросил, почему восьмого числа – в день заказа эсэм-эски – Катя рядом с мамашей не сидела. Ведь Катя покупала “Розовое сердце” в одиннадцать утра, когда Оксана ещё в колледже, на учёбе. Мамаша в тот день была дома одна? Катя оставила парализованную подопечную ради того, чтобы отправиться за плеером? И Лёва знал, и не возражал? И мамаша недовольства не выказала? И Катю за такое самоуправство с работы не попёрли? И...

Катя поток моих вопросов прервала жестом из серии “я б давно ответила, если б вы заткнулись”. Когда я умолк, слово взяла Катя, причём речь выдала короткую и без заморочек.

Катя сказала, что в воскресенье, накануне покупки плеера, около девяти вечера, Кате позвонила Оксана. Сказала, что Катя на понедельник выходная. Если Оксана думала, что выходной день для Кати подарок, то Оксана ошибалась. Катя в тот день не заработала у мамы ни копейки, а это сплошной ущерб.

Катино объяснение меня устроило, потому как мне показалось, что Катя не врала. Хотя кто может утверждать, что сходу определяет, когда женщина врёт? Если Катя и соврала, то я повёлся на десять из десяти.

Я указал взглядом на стопку из трёх книг, что лежала на столе, спросил, зачем Кате самоучитель французского. Сообщил, что видел у Лёвы точно такой же. Катя с Лёвой собралась во Францию?

В ответ Катя покатила на меня бочку. Мол, какое моё

собачье дело, куда собралась Катя, ведь Катя живёт в свободной стране, разве не так? С катиным правом на частную жизнь я согласился, но напомнил, что последнюю фразу Катя слямзила из американских фильмов, а мы живём в России, и я, промежду прочим, расследую убийство. Потому вопросы буду задавать даже такие, которые могут святое чувство катиной свободы оскорбить до неприличия. Заодно напомнил, что как только на моё место сядет следователь казённый, Катя варежку захлопнет, и начнёт на вопросы отвечать, а не умничать.

Катин геройский пыл после моего вливания на пару градусов поостыл. С другой стороны, своей тирадой цели я не достиг. Катя на вопрос о Франции отвечать отказалась.

Тогда я вслух предположил, что Катя, наверное, во Францию и не собиралась, а вот Лёва... Что, если Лёве понадобится знание французского, чтобы поехать к кумиру на учёбу? Ведь, насколько я понял, на плакатах, которые висят в комнате Лёвы, рекламируется учёба в школе господина Дидье. На какие деньги Лёва бы поехал в Париж? На те, которые получит с продажи мамашиного дома. Только есть маленькая загвоздка. При живой мамаше домишко не продашь.

Мало того, Лёве деньги на учёбу понадобились срочно. Лёва должен заплатить за учёбу или до августа, или никогда. Ведь после первого августа цена вырастет настолько, что лёвиной половины от продажи мамашиного дома на оплату учёбы не хватит.

Значит, заказать эсэмэску мог и Лёва. Иначе что делал Лёва возле того неткафе, откуда заказана эсэмэска, которая убила мамашу? И ещё одна мелочь. Совсем пустяковина. Лёва был возле неткафе в то же время, когда эсэмэску заказали. Лёва без пяти минут обвиняемый. Или эсэмэску заказала Катя?

На последний вопрос Катя отреагировала шквалом эмоций.

– Что вы такое говорите?! Это же бред!

– Всего через полминуты после того, как кто-то заказал мамаше эсэмэску, вы шли с Лёвой под ручку рядом с тем неткафе, из которого...

– Вы берёте меня на понт! Я вам не верю!

– Зато поверит следователь.

– Но... когда это было? Где?

– Когда вы покупали “Розовое сердце”. Ваш плеер продавался в “Женских штучках”. Рядом, на первом этаже, есть неткафе. Вот там кто-то и заказал эсэмэску за полминуты до того, как вы вошли в “Женские штучки”.

Катя чуть не свалилась с кровати.

Я решил грабить, пока касса открыта. Сообщил, что кроме Лёвы, заказать эсэмэску могла и Катя. Ведь Катя приехала в район неткафе примерно за десять минут до одиннадцати. Катя округлила глаза: мол, “откуда вы знаете, когда я приехала?!”. Катин взгляд-вопрос я оставил без ответа. Взамен спросил, где прохлаждалась Катя с момента прибытия в рай-

он неткафе и до входа в “Женские штучки”. Ведь за десять минут можно успеть многое. Заказать эсэмэску, например.

Катю моя гипотеза убила. Катя аж замотала головой и выставила перед собой руки – так отнекивалась. Когда чуть отошла от шока, Катя поспешила сообщить, что никаких эсэмэсок не заказывала. Как только приехала к дому, где на втором этаже “Женские штучки”, Катя немедленно поднялась на второй этаж, как и условились с Лёвой. Лёва сказал Кате ждать его у дверей в магазин, на втором этаже. Мол, там есть фойе, где не пыльно, как на улице, и не жарко. Там, в фойе, Катя и простояла минут пять. Затем пришёл Лёва, и после дежурного поцелуйчика Катя с любимым под ручку отправилась за покупкой.

Я высказал предположение: пока Катя ждала Лёву на втором этаже возле входа в “Женские штучки”, Лёва мог в неткафе, что на первом этаже, заказать эсэмэску, а затем подняться к Кате.

Взгляд Кати закричал: “Не может быть!”. Затем во взгляде Кати поселился страх. Даже не страх – ужас. Мне показалось, что Катя неожиданно для себя осознала, что любит не кого-нибудь, а, возможно, убийцу! Пусть это только возможность, но какая!

Я не стал ждать, пока Катя придёт в себя, продолжил гнуть своё. Я дал Кате понять, что верит Катя в невиновность Лёвы или нет, а подозрения останутся с ней на всю жизнь, если свою жизнь Катя свяжет с Лёвой. Рассказывать сказки про

“я ему верю” Катя будет только себе да подушке, когда начнёт просыпаться посреди ночи, смотреть на Лёву, спящего рядом, и думать: “Убивал или нет?”. Если Катя хочет такой жизни, то это катино право, мешать не буду.

Катя прикусила губу. Думала с минуту. Я не мешал.

Затем Катю прорвало. У катиной матери такая же байда. Всю жизнь подозревает катиного отца. Наверняка это наследственное. У отца старуха-мать упала с лестницы в погреб и свернула шею, когда отец – с его слов – был в огороде. Соседи шептались, что катин отец столкнул с лестницы родную мать, чтобы получить в наследство дом. К тому же катин отец хотел на катиной матери жениться, а мать катиного отца была против этой свадьбы...

По селу пошли пересуды. Из села пришлось уехать. Ведь в селе все друг друга знают, не станешь же каждый двор обходить стороной. Проще уехать. Вот и уехали. Катина мать так и не знает, как там было. То ли родную мать с лестницы столкнул катин отец, то ли старушка свалилась сама. Катина мать с одной стороны в мужниной невинности вроде уверена, а с другой... В общем, Катя, если с Лёвой и сойдётся, то хочет быть уверена, что Лёва невиновен. Жить с подозрениями за пазухой Кате не в кайф.

Затем Катя переключилась на Лёву. Лёва мечтал о Франции. Сказал Кате учить французский, потому как во Францию Лёва поедет кровью из носу, и когда в Париже обживётся, вызовет Катю к себе. Потому и купил Кате самоучитель,

чтобы учила язык. Сказал, что без языка во Францию можно не соваться.

В начале июня – Катя точной даты не помнила – Лёва вошёл в спальню мамы. Попросил Катю выйти во двор, потому как Лёве надо с мамашей срочно поговорить. Кате показалось, что Лёва выглядел очень взволнованным. Катя даже сказала бы, что Лёву трясло, или даже – говоря по-русски – колбасило не по-детски.

Катя вышла во двор. Затем услышала крики Лёвы и мамы. Нет, Лёва мамашу не убивал. Лёва умолял мамашу взять кредит под залог дома. Зачем Лёве деньги, Катя не расслышала. Затем скандал утих. Вскоре Лёва позвал Катю. Сказал, что мамаше плохо. Лёва ушёл в свою комнату. Катя отправилась к мамаше. Когда вошла в спальню мамы, увидела, что у мамы начался очередной приступ астмы.

Вечером того же дня Лёва позвонил Кате, рассказал о письме от мсье Дидье. Сказал, что если не успеет заплатить за учёбу до августа, то плакали и его Франция, и его будущее. Сказал, что закладывать дом ради лёвиной учёбы мамаша отказалась. Мол, если для Лёвы мамаша возьмёт кредит, то Лёва будет прохлаждаться в Париже, а Оксана с больной мамашей на руках будет торчать здесь, в Андрееве, в заложенном доме, по уши в кредите. Где брать деньги на учёбу после мамашиного отказа, Лёва не знал. Так что Катя может французский больше не учить, потому как лёвин Париж наварняка накрылся мокрым полотенцем.

Целую неделю Лёва с Катей не общался. Катя подумала, что встречам с Лёвой настала финита. Катя не набивалась, Лёва встреч избегал. Когда случайно встречались в доме у мамыши, – Катя как-никак мамышина сиделка, – Лёва отводил взгляд. Нет, Лёва с Катей официально не разрывал, но... Катя решила, что Лёве надо дать время, чтобы отошёл от “подлянки француза”.

Восьмого числа, в понедельник, Лёва с утра позвонил Кате. Сообщил, что заказал катину мечту – “Розовое сердце”. Пригласил Катю на встречу у входа в “Женские штучки”.

Катя оказалась права. Всю ту неделю Лёва наверняка крайне тяжело переживал утрату мечты. Оно и понятно, ведь замки рухнули, надежды на учёбу пролетели, как та фанера над тем Парижем. И вот Лёва отошёл, и решил отношения с Катей восстановить. А чтобы Катя лишних вопросов не задавала, Лёва решил подарить любимой дорогое и дефицитное “Розовое сердце”.

Так Катя думала до того, как от меня узнала, что Лёва мог заказать эсэмэску, пока Катя ждала любимого у входа в “Женские штучки”. С того момента Катя начала допускать, что всю ту неделю, пока Лёва с Катей не общался, Лёва вынашивал планы убийства мамыши.

Почему Катя начала Лёву подозревать вдруг, ни с того ни с сего? Только что любила, верила на все сто. Откуда же такая резкая смена курса? Почему не подумать, что мои слова – всего лишь догадки? Откуда взялась почва для подозрений?

Всё просто: Катя сложила два плюс два, и поняла, как именно Лёва убить мог. Не почему, не мог ли вообще, а как. Хоть кто-нибудь задумался, что эсэмэской убить – один шанс из тысячи?

Катя дала мне пару секунд на осмысление, затем спросила, почему я уверен, что эсэмэска должна была мамашу убить? Чем убить-то? Нервами? Астмой? Но ведь приступов случился не один десяток, и мамаша их пережила.

Я сказал, что для меня этот вопрос – проблема номер один. Катя сказала, что для неё эта проблема исчезла после моих слов о том, что Лёва заказать эсэмэску мог. В тот миг Катя вспомнила, что когда ухаживала за лёвиной бабушкой, то по просьбе старушки читала вслух дневники. Да, как ни странно звучит, а лёвина бабушка всю жизнь вела дневники. Видимо, старушка почуяла близкую смерть, и решила вспомнить прошлое пока не поздно.

Когда Катя читала дневники лёвиной бабушки, Кате на глаза попала запись об аллергии лёвиной мамы. Мамашу в детстве мучила какая-то сильная аллергия на овчарок. Что именно вгоняло мамашу в приступ, Катя не запомнила: то ли шерсть, то ли запах шерсти. Катя запомнила только, что овчарки немецкие.

Когда лёвиной мамаше было три года, она чуть не до смерти испугалась соседской овчарки. При следующей встрече с той псиной у маленькой мамы впервые проявилась аллергия. После парочки приступов той аллергии мамаша чуть не

умерла. Еле откачали. С тех пор с собаками мамашу старались не оставлять. Когда мамаше стукнуло пять, аллергия исчезла. Вскоре про мамашину аллергию позабыли. Во всяком случае, при Кате об аллергии не заговорили ни разу.

Когда после прихода эсэмэски Лёва вызвал сапёров, и сапёры приехали с собаками, и после приезда сапёров мамаша умерла, у Кати мелькнула мысль из разряда тех, что в голове вертятся, а осознаться не хотят. Тогда Катя так и не поняла, что за мысль её посетила.

Когда же Катя узнала, что возможность заказать эсэмэску у Лёвы была, Катя сразу поняла, какая мысль завертелась у неё тогда, сразу после смерти мамаша. Всё просто: у мамаша в детстве была аллергия на немецких овчарок, а с сапёрами приехали именно немецкие овчарки. Катя в породах разбиралась, для Кати отличить овчарку немецкую от болонки – раз плюнуть.

Другими словами, если эсэмэску мог заказать Лёва, то об аллергии мамаша на овчарок Лёва знал. Ведь после смерти бабушки Лёва мог запросто наткнуться на дневники, и прочесть про аллергию. Затем Лёва мог заказать эсэмэску с текстом про бомбу. Ведь Лёва видел по телеку – это видел весь Андреев – репортаж из супермаркета, когда “бомбу” шутника-бомбера искали не с пуделями, а именно с немецкими овчарками. Тогда же главный милиционер города просил андреевцев о каждом подозрительном предмете сообщать немедленно, и на вызов обязательно выедут сапёры.

Всё это Лёва сделать мог. А мог и не делать. Так что моя задача как сыщика – узнать, мог Лёва убить или нет.

Под конец Катя предположила, что наверняка потому у мамыши во дворе собаки и не было, в отличие от всех соседей в округе. Ведь лёвина бабушка об аллергии дочки на псину наверняка помнила, потому собак и не заводила.

Когда Катя остановилась, я ещё с минуту сидел как замороженный. Это ж надо иметь такое воображение! С другой стороны, я не мог не признать, что в словах Кати глупой шуткой и не пахло.

На основе свежей инфы я выдвинул и озвучил новую версию.

Как известно, Лёва мечтал учиться во Франции. С деньгами на мечту у Лёвы случилась напряжёнка. Из дневников лёвиной бабушки Катя узнала о смертельной аллергии мамыши. По телеку Катя видела, как сапёры обыскивают супермаркет с овчарками. Катя решила рискнуть. Авось получится. И Катя любимому помогла – заказала мамаше эсэмэску. Когда мамаша умерла, Катя испугалась, и решила всё свернуть на Лёву. Любовь любовью, а свобода тоже кое-что да значит. Как Кате нравится такой вариант?

Катя оценила мои старания по достоинству.

– Бред! Вы больной. Что вы понапридумывали?!

– Кроме любви к Лёве, у вас есть ещё один повод заказать эсэмэску. Хоть и несколько часов в день, а ухаживать за парализованной женщиной в разгар весны, когда подружки гу-

ляют с парнями...

– Вы ошибаетесь! И очень сильно!

– Я так не думаю.

– Зря я вам всё это рассказала! Дура я, дура!

– Вы были бы душой ещё большей, если б скрыли. А так вы молодец.

– Ага, как же! Теперь вы будете подозревать и меня. Да что там “будете”! Вы подозреваете уже сейчас! Знаете, что? Идите-ка вы отсюда. Идите, идите! Или мне позвонить в милицию, и сказать, что вы хотели меня изнасиловать?

– Звоните. Я им дам послушать наш разговор и вашу угрозу. Вот эту.

Я пару раз щёлкнул кнопками на мобильнике. Из динамика донёлся катин голос: “тели меня изнасиловать?”. Глаза Кати стали размером с орбиту Юпитера.

– Вы записывали?

– Катя, я не дурак идти к несовершеннолетней девочке с серьёзным разговором и без подстраховки. Думаю, пора прощаться. Спасибо за сведения. До встречи.

Я встал, сделал Кате ручкой. Катя не шелохнулась. Я вышел во двор. Твёрдым шагом – даром что душа притаилась в пятках – миновал закрытую будку, где бесновалась катина псина. Я запер за собой калитку, уселся в джипчик, завёл мотор, отъехал от дома Кати два квартала, остановился, выключил мотор, включил мозги.

Зачем я наехал на Катю? Зачем высказал свои подозре-

ния? Хотел увидеть реакцию. Увидел. Как по мне, так Катя эсэмэску не заказывала. А вот Лёва мог.

У Лёвы появился шанс стать подозреваемым номер один. Если Катя говорит правду, и таки ждала Лёву на втором этаже, возле “Женских штучек”, то Лёва мог запросто заказать эсэмэску перед встречей с любимой.

Осталось проверить, могла ли “какая-то сильная аллергия на овчарок” из далёкого мамашиного детства сработать как бомба с часовым механизмом. С одной стороны катина идея пахла бредом, а с другой имела полное право на жизнь.

Я позвонил Оксане. Спросил, дома ли она. Оксана сказала, что будет к вечеру, но если мне что-то надо, то дома Лёва. Я сказал, что для начала хочу встретиться с Оксаной. Договорились о встрече в половине четвёртого.

Номер знакомого доктора я набирал трижды. Все три раза мне отвечали длинные гудки. Ликбез в области аллергологии пришлось отложить.

*

*

Хоть я и опустил в машине стёкла, и прижал педальку газа к полу, отчего в салон ворвался неслабый ветерок, мозги проветриваться отказались. На что бы я внимание не переключал, а мысли о мамашинной аллергии лезли в голову как лезет под ноги бездомная шавка, на которую хоть шикай, хоть замахивайся палкой, а если ты псине понравился, то будет трусить за тобой до самого твоего подъезда.

Дома я с чашкой чаю забрался в кресло, глянул на настенные часы. До встречи с Оксаной оставалось больше трёх часов. Я набрал номер доктора. Выслушал вереницу длинных гудков, под конец радиоволна донесла голос доктора. Я воспел аллилуйю мобильной связи, затем засыпал доктора вопросами об аллергии.

Вопрос первый: от аллергии умереть можно? Вопрос второй: можно ли смерть от приступа аллергии спутать со смертью от приступа астмы? Вопрос третий: если аллергия мучила человека в возрасте трёх лет, исчезла в пять, то может ли человек от аллергии умереть в пятьдесят? И, наконец, вопрос четвёртый: может ли убить аллергия на собак, причём на конкретную породу, и чем именно собаки смертельны для аллергика.

Доктор меня выслушал, напомнил, что он ветеринар, пообещал проконсультироваться у аллерголога.

Не успел я допить чай, как доктор перезвонил с пространственным отчётом. Через пять минут монолога доктор откланялся.

Из речи доктора следовало, что от аллергии умереть можно. Спутать приступ аллергии с приступом астмы хоть и сложно, но можно. С возрастом детские болячки зачастую возвращаются, причём в худшей форме, с обострениями. Так что даже нетяжёлая аллергия трёхлетнего ребёнка может к пятидесяти годам навесить больного окрепшей, закалённой, с иммунитетом к лекарствам.

И напоследок: убить может аллергия любая, не только на собак или на божьих коровок. Если говорить о собаках, то тут основным аллергеном является шерсть. Если шерстинки – даже микрочастички шерстинок – попадут в дыхательные пути, то могут вызвать такой приступ, что мало не покажется. Кроме того, запах шерсти конкретной породы может одному аллергику нравиться, а другого вгонять в ступор.

Когда доктор провёл сеанс ликбеза, я взглянул на смерть мамы по-новому. Если учесть, что собачья шерсть – основной аллерген, то аллергия у мамы была вовсе не на собачий лай. Аллергия на лай у меня, когда бродячие псы заходят под балконом концерт в два часа ночи.

Наверняка в детстве мамашу доставала аллергия на шерсть немецких овчарок. Да не просто доставала, а – со слов Кати – пару раз чуть не убила. С возрастом недуги обостряются, а давно забытые детские болячки возвращаются, да ещё зачастую в обострённой форме.

О детской болезни мамы убийца как-то прознал. Как? Мог из дневников лёвиной бабушки, мог из истории болезни, что хранится в поликлинике. Мог и из воспоминаний знакомых, друзей семьи. Главное не в том, откуда узнал, а в том, как использовал.

Убийца сработал чище некуда. Что для убийцы может быть безопаснее, чем дать аллергику понюхать аллерген? К тому же мамаша наверняка о своей аллергии не помнила. Кто в пятьдесят лет так уж чётко помнит свои болячки, что

донимали в детсадовском возрасте?

Как мамаше нюхнуть собачьей шерсти? Суём собаку мамаше под нос! Как? Шлём мамаше эсэмэску: “В твоей кровати бомба”. А дальше приезжают сапёры. С сапёрами – немецкие овчарки.

В поисках взрывчатки собачка обнюхала кроватку. От овчарки до носа мамашы – сантиметры, ведь мамашу с кровати не снимали. Мамаша и захотела бы с заминированной кровати дать дёру, да мамашины ноги забыли как ходить ещё за месяц до прихода эсэмэски. К тому же милиция запретила трогать мамашу ещё по телефону, когда Лёва позвонил сообщить об эсэмэске, потому как взрыватель мог быть рассчитан на подъем тела с кровати. Убийца в эсэмэске потому и указал, что бомба не “под”, не “рядом”, а “в” кровати.

Волей-неволей мамаше нюхнуть собачьей шерсти пришлось. Со слов Лёвы, мамаша умерла всего через пять минут после прибытия сапёров. Другими словами, мамаша умерла наверняка от аллергии на шерсть овчарок, потому как до приезда сапёров перенесла далеко не один приступ астмы, и выжила. Доктор, что прибыл с сапёрами, обвинил в смерти мамашы приступ астмы. Ведь спутать смерть от аллергии со смертью от астмы хоть и сложно, но можно.

Пока мои мысли резвились, время на месте не стояло. Когда я поднял взгляд на настенные часы, стрелки показывали двенадцать. До обеда оставался час.

Я уж было решил, что за час успел бы смотаться на ры-

нок, к Димону и Серому. Я даже выбрался из кресла. Так бы и поехал, если б не вспомнил, что в понедельник рынки, включая вещево́й, закрыты. По понедельникам у торговцев выходной.

От нечего делать я зашёл на сайт “Андреевских новостей”. Сюжет, в котором овчарки обнюхивали каждый угол супермаркета после звонка шутника-бомбера, я помнил чуть не до деталей. И всё же решил убедиться: с сапёрами прибыли овчарки, или всё же мегапекинесы. Кроме овчарок, хороший нюх ещё у сотни пород. Моя память могла сыграть злую шутку. С раннего детства, с советских фильмов про стражей порядка я привык ассоциировать милиционера только с овчаркой, и ни с каким другим спаниелем. А если в супермаркете шастали боевые болонки?

Катя сказала, что в дневниках лёвиной бабушки упоминались именно немецкие овчарки. Согласно катиной версии, заказчик эсэмэски видел по телеку репортаж из супермаркета, где рыскали не доберманы, а немецкие овчарки. И, с катиных слов, убийца решил вызвать сапёров к мамаше только потому, что из репортажа “Андреевских новостей” узнал: у сапёров именно та порода овчарок, на которую у мамыши аллергия. Если Катя ошиблась, и по супермаркету носились спаниели, то версию можно было хоронить.

Я порылся в архиве “Андреевских новостей”. Сюжет про обыск супермаркета я нашёл на странице с новостями за второе июня. По времени подходило. Эсэмэска-убийца заказа-

на восьмого. Времени на изобретение способа убийства у заказчика было навалом.

Не успел я запустить видео про переполох в супермаркете, как в голове завертелись кадры с немецкими овчарками в роли пусть и не главных, но всё же незаменимых актёров. И собачки мне припомнились вовсе не в связи с супермаркетом.

Я чуть поднапряг память, подымил извилинами. Через минуту вспомнил, что видел овчарок с сапёрами ещё в одном репортаже “Андреевских новостей” – накануне звонка шутника-бомбера, первого числа. Тогда в вечернем выпуске “Андреевские новости” дали длиннющий репортаж с площади Ленина, где праздновали День защиты детей, и где проводились показательные выступления сапёров.

Оба выпуска новостей я просмотрел по диагонали за пять минут.

Как в сюжете о поисках бомбы в супермаркете, так и в репортаже с показательных выступлений сапёров засветились овчарки, не спаниели. Причём овчарки не кавказские, а немецкие. Именно те, на которых у мамы аллергия.

Итак, версия Кати получила продление жизни. Заказчик эсэмэски вполне мог знать, что у сапёров на службе не мопсы. При условии, конечно, что первого-второго июня вечерние выпуски “Андреевских новостей” заказчик смотрел.

После просмотра записей из архива “Андреевских новостей” я решил, что послеобеденный сон – самое оно для рас-

кладывания мыслей по полочкам и отдохновения мозгов. А перед сном не мешает перекусить.

Я отправился готовить обед.

Чтобы даром время не терять пока жарю-шкварю, я продумывал вопросы, что собирался задать Лёве. Ведь импровизация по месту только вредит. Сочинением вопросов я увлёкся настолько, что пережарил отбивную.

*

*

В половине четвёртого я подкатил к мамашиному дому. Я съехал с дороги, приткнул джипчик бампером к воротам, звякнул сигнализацией. Оксана открыла калитку за мгновение до того, как я поднёс палец к пуговке дверного звонка.

После дежурной улыбки, приветствия, брошенной в небо фразы “Ну и жара, а?”, Оксана пригласила гостя во двор. Жестом указала на ансамбль “садовый столик плюс четыре кресла”, что стоял в тени ореха.

Между воротами и спасительной тенью пылился лёвин жигуль-четвёрка, прям посреди дорожки. Чтобы добраться до кресла, гостю пришлось сойти с дорожки на клумбу, иначе пыль с крыла жигулёнка осталась бы на свежестираной штанине.

Когда расселись в креслах, Оксана предложила минералки, после моего отказа приняла вид внимательной слушательницы. Вместо рассказа я задал вопрос.

– Лёва дома?

– Дрыхнет. У него сиеста. В такую жару Лёву на улицу не вытащишь. Так что ещё с полчасика мы можем поболтать без Лёвы. Ну, что узнали?

В первую очередь я рассказал, что нашёл сайт-отправитель эсэмэски и неткафе, откуда эсэмэску заказали. Добавил, что узнал день и час заказа.

Оксана наградила меня званием “молодец”, и с воодушевлением заявила, что в своём выборе сыщика не ошиблась. То, что я нашёл за день, милиция искала почти неделю. Я за казённых сыщиков вступился: мол, у них дел по горло, не то, что у меня – всего одно. Оксана отмахнулась.

Затем я сказал, что в неткафе в день заказа эсэмэски ни Оксану, ни Лёву среди посетителей припомнить не смогли. Оксана вздохнула с облегчением. Я добавил, что припомнить не смогли не потому, что мамашины детишки в неткафе в тот день не заходили, а потому, что в том неткафе народу из числа студентов за день проходит столько, что всех не упомнишь, а камер слежения в неткафе нет.

Кроме того, тот факт, что посетители неткафе в основном студенты, – то есть возрастом как Оксана и Лёва, – и объясняет, почему шанс затеряться в толпе у мамашиных детишек был, и шикарный. Даже не надо менять привычный макияж и нахлобучивать парик в такую жару, если говорить об Оксане.

Оксане моя последняя речь не понравилась.

Я переключил Оксану на то, что хотел узнать: спросил, где

живёт мамашин реализатор Димон. Не в районе автовокзала, часом? Оксана напрягла память, закатила глаза, порылась в поисках ответа в листве ореха, затем сообщила, что Димон живёт рядом с птицефабрикой. Я констатировал, что птицефабрика чёрт знает как далеко от автовокзала.

На немой вопрос Оксаны я ответил, что по моим данным Димон в момент заказа эсэмэски находился в районе автовокзала. Потому я и подумал, что Димон в тот понедельник сидел дома. Ведь по понедельникам рынки выходные. Но раз Димон живёт не в районе автовокзала, а рядом с птицефабрикой, то в тот выходной Димон решил дома не торчать. Может, на автовокзале Димон кого-то встречал-проводил, или сам куда-то отъезжал-приезжал. Вывод: очень похоже на то, что Димон эсэмэску не заказывал.

Оксана после коротких раздумий постановила Димона из списка подозреваемых исключить. Почему? В виновность Димона Оксана не верит. К тому же Оксаной оплаченное время транжирить на отработку заведомо провальных версий... Я сказал, что хочет Оксана или нет, а исключать кого-либо из подозреваемых буду только я. Оксана отступилась, хоть и всем видом показала, что со мной не согласна.

Я переключил внимание Оксаны на мамашиного конкурента Серого. Сказал, что за полчаса до заказа эсэмэски Серый шлялся недалеко от дома мамы, а затем след Серого терялся. Не заказывать ли эсэмэску отправился тот, кому мамаша дважды отказалась продавать будку? И что, как на

взгляд Оксаны, мог делать возле мамашиного дома Серый?

Оксана улыбнулась, словно хотела сказать: “Как вы любите всё усложнять!..”. Затем рассказала, что в тот злосчастный понедельник Серый приезжал к мамаше насчёт продажи будки. Это и был тот второй приезд Серого к мамаше, в который мамаша Серому отказала навсегда. Приехал Серый в начале одиннадцатого, и уехал минут через пятнадцать. То есть Серый уехал примерно в половине одиннадцатого.

После слов Оксаны очередь улыбаться перешла ко мне. Неужели Оксана не связала мамашин отказ Серому с заказом эсэмэски всего-то получасом позднее? Ведь Серый мог заказать эсэмэску со злости, в отместку за отказ. Что, если Серый ушёл от мамы с отказом и желанием напоследок насолить хоть как-то? Двукратный провал деловых переговоров мог подвигнуть Серого на подлянку запросто. Так простейшая пакость обернулась мамашинной смертью.

На моё предположение Оксана пожала плечами: мол, может, так и было. Исключать Серого из списка подозреваемых Оксана не потребовала. То ли учла мой ультиматум, то ли сочла Серого достойным кандидатом в заказчики эсэмэски.

Затем я попросил припомнить, почему в тот понедельник, восьмого числа, Катя рядом с мамашей не сидела. В ответ Оксана подробно – чуть не до минуты – расписала вечер седьмого июня и утро восьмого. В рассказ вошёл как ответ на вопрос заданный, так и ответ на тот вопрос, что я приберёг за закуску: чем занималась в момент заказа эсэмэски

Оксана.

В воскресенье вечером мамаше позвонил Серый. Попросил разрешения прийти в гости. Причина прихода? У Серого только одна причина: уговорить мамашу на продажу будки. Мамаша решила дать Серому окончательный отказ. Как мамаша может продать будку, если с дохода от торговли из этой будки живёт вся семья?

По телефону такие дела не решаются, потому мамаша сказала Серому, что ждёт его в гости. Серый сказал, что заедет около десяти, плюс-минус час, а то и два. Как проснётся, как управится с завтраком, так и приедет. Серый – он такой, по нему сверять часы нельзя.

Мамаша попросила Оксану при деловых переговорах с Серым быть рядом, а то вдруг придётся помочь, воды подать. При сиделке Кате мамаша обсуждать дела не хотела. В прошлый раз, когда приезжал Серый, мамаша отправила Катю во двор. Тогда мамаша осталась одна, чувствовала себя скованной, для жёсткого разговора с Серым мамаше не хватало поддержки. Когда мамаша разбиралась с конкурентом на рынке, да здоровая – это одно. Дома, больная, считай без ног – это другое.

Точное время визита Серого осталось загадкой, потому как где у Серого десять утра, там запросто может оказаться полдень. Потому Оксана решила в колледж не идти вовсе. Если бы знала точно, что Серый приедет в десять, то Оксана пропустила бы одно, ну пусть два занятия, а так пришлось

учёбу пропустить полностью. Если Оксана в колледж не пойдёт, то зачем лишний раз платить сиделке? Потому Оксана в воскресенье вечером позвонила Кате и назначила сиделке выходной.

В понедельник утром, в начале одиннадцатого, Серый удивил и мамашу, и Оксану: приехал почти в то время, как и договаривались. Наверняка Серому мамашина будка приглянулась позарез, раз нарушил свои традиции, и приехал вовремя. Хотел мамаше показаться хорошим.

Но не тут-то было. Мамаша при поддержке Оксаны дала Серому от ворот поворот. Да так дала, с такими эмоциями, что у мамыши на нервной почве начался один из тех мощнейших приступов астмы, при которых Оксана не знала кому молиться, лишь бы мамаша выжила. Так что Серый умотал несолоно хлебавши. Впрочем, мамышиных нервов хлебнул, гад, сполна.

Оксана даже не провела дорогого гостя до ворот. Серый ушёл из дому сам. Как Оксана могла бросить мамашу, когда приступ в самом разгаре?

Как ни странно, а приступ, хоть вначале зубы и показал, но закончился быстро. Уже через пять минут после ухода Серого мамаша пришла в себя.

Само собой, ни о каком отъезде Оксаны в колледж после такого приступа не могло быть и речи. Тем более что Кате дали выходной. Не вызывать же девчонку на работу, когда та могла настроить себе планов на весь день! Да и Оксана

всё равно уже в колледж не пошла. Потому Оксана осталась дома.

Так и получилось, что весь понедельник, восьмого, Оксана просидела с мамашей. После отъезда Серого Оксана из мамашинной комнаты не отлучалась до самого обеда. Не ходила даже в туалет. Боялась: вдруг приступ повторится, а помочь мамаше некому. Сидела рядом с кроватью, читала. Мамаша пару раз провалилась в сон, но спала недолго, минут пять-десять. Вот такое у Оксаны алиби.

Я качнул головой.

– Оксана, алиби у вас не фонтан.

– Я уже поняла. Кроме мамаша, никто не подтвердит, что я в неткафе не ездила, да? Ведь раз вы говорите, что Серый после того, как ушёл от нас, заказать эсэмэску мог, то могла и я. Типа, села девочка на такси, смоталась в неткафе, заказала эсэмэску... Вы хотите сказать это?

Я кивнул.

– Ян, вы не подумали о том, что если бы я уезжала, то мамаша наверняка рассказала бы Лёве, что я бросила её сразу после тяжёлого приступа? Спросите Лёву, такое мамаша ему сказала бы обязательно.

– Спрошу.

– Неужели вы мне не верите?

– С какой стати мне вам верить?

Оксана закатила глаза, шевельнула губами. Наверняка матернулась в адрес моей подозрительности.

Доставать Оксану подозрениями и расспросами я счёл лишним. От того, что я завалил бы Оксану кучей вопросов, Оксане бы не добавилось ни алиби, ни обвинений. Из того, что Оксана рассказала, улик не нацедишь и на напёрсток. Если Оксана виновна, то мне преподнесла заготовленную, продуманную сказку. Оксана наверняка придерживалась бы того, что сочинила, и вытянуть из неё лишнее слово было бы нереально. К тому же кроме Оксаны на пост заказчика эсэмэски метили и другие претенденты, с куда большими шансами.

Я обратил внимание Оксаны на приступ астмы, которым закончился визит Серого. Ведь, зная о такой маминой реакции на нервное потрясение, Серый мог запросто заказать эсэмэску из чувства досады: мол, “не съем, так хоть понадыкусываю”. Вдобавок Серый приезжал к мамаше на машине. Значит, добраться от маминого дома до неткафе Серому раз плюнуть.

Мои слова Оксана обдумала за пару секунд, затем сказала, что согласится с версией “заказчик – Серый” только после того, как я объясню, почему Серый поехал именно в то неткафе, а не в любое другое. Почему Серый выбрал неткафе, до которого надо добираться – если Оксана поняла меня правильно – около получаса на машине, когда рядом, в пяти минутах ходьбы, таких неткафе полным-полно?

Я жестом выразил восхищение полётом оксаниной мысли: мол, я до такого и не додумался. Оксана комплимент приня-

ла как должное. Даже не зарделась, не загордилась.

На оксанин вопрос я так и не ответил. Пообещал подумать. Хотя что там было думать? И так было ясно, что Серому мотаться за тридевять земель куда накладнее, чем заказать эсэмэску в ближайшем неткафе. Ответить на этот вопрос мог только Серый, а спрашивать такое не станет даже дурак, ведь Серый ответом подпишет себе приговор. Поэтому ломать голову над ответом на вопрос Оксаны я передумал сразу после того, как пообещал Оксане над вопросом подумать. Однако версию “заказчик – Серый” я отбрасывать не стал.

Затем я сказал, что Серый и Димон если эсэмэску и заказывали, то наобум, без жирного мотива и уверенности в смертельном эффекте от эсэмэски.

Оксана после коротких раздумий согласилась, затем отоварила меня взглядом из серии “и к чему вы это сказали?”.

Я обошёлся без выкрутасов. Сказал, как думал.

– Оксана, я подозреваю Лёву. Похоже, эсэмэску заказал ваш брат. Проверю и остальных, но Лёва...

Оксана мотнула головой, словно отгоняла наваждение.

– Ян, почему? Почему он? У вас есть... улики?

– Вы знали, что Лёве на учёбу в Париже срочно понадобились деньги?

– Знала.

– Заплатить за учёбу девяносто тысяч долларов Лёве надо до этого августа. Это мотив, Оксана. Это жирный мотив. А

вы его скрыли. Почему?

– Ну... Мне надо подумать.

– Заодно подумайте над тем, что неткафе, в котором заказали эсэмэску, стоит на углу Никольской и Наваринской. На том же перекрёстке – колледж Лёвы. На втором этаже, над неткафе, есть магазин. Камеры наблюдения того магазина засекли Лёву всего через полминуты после того, как заказана эсэмэска.

Под конец моей тирады Оксана напряглась. Я замолчал, дал Оксане переварить то, что наговорил. Затем я добавил, что Оксана, если ей есть что рассказать о Лёве, может не стесняться. Я выслушаю всё, и указывать на Оксану пальцем “она сдала родного брата!” не буду. А вот Оксана сэкономит, причём немало, если я не буду тратить оплаченное Оксаной время на то, чтобы искать факты, известные всем.

Оксана жестом взяла тайм-аут, ушла в раздумья.

Через пару минут Оксана очнулась, заговорила.

Да, Оксана о письме от мсье Дидье говорить не хотела. Да, Лёва говорил, что пришло письмо из Парижа, и в письме поторапливают с оплатой за учёбу. Да, Оксана сумму знала.

Но в то, что Лёва ради учёбы во Франции способен заказать мамаше эсэмэску, Оксана поверить до конца так и не смогла. Потому Оксана и скрыла всё, что связано с мсье Дидье. Мол, если я инфу о Франции найду, то так тому и быть, и дальше всё зависит от меня. Если б я о лёвиной нужде в сотне штук баксов не узнал, то Оксана сдавать брата и не со-

биралась. Если б узнал, но не уцепился, то Оксана вздохнула бы с облегчением: мол, брата подозревала зря.

Раз уж я всё знаю, то что Оксана может добавить? Разве что лёвины просьбы взять кредит на обучение под залог дома, да мамашины отказы.

Я сказал Оксане, что нового не узнал. Оксана сказала, что большего не знает и она.

С минуту мы посидели в тишине.

Затем я спросил, где мамашина больничная карточка. Та, которую, если не ошибаюсь, ещё называют историей болезни, и которая обычно хранится в поликлинике того района, где больной прописан.

Мамашина история болезни оказалась у Оксаны дома. Когда мамаша слегла, тот частный доктор, что мамашу наблюдал и заодно прописывал дорожные пилюли, попросил предоставить ему мамашину историю болезни. Оксана историю из поликлиники принесла, да так и оставила дома.

Я попросил историю болезни одолжить. Оксана согласилась, даже встала, чтобы принести. Я попросил, чтобы Оксана даром туда-сюда не моталась, захватить с собой и бабушкины дневники. Оксана грохнулась в кресло с такой скоростью, что можно было подумать, будто у неё от страшной новости подкосились ноги. Глаза Оксаны чуть не выпрыгнули на стол.

– Ян, вы... Вы собираетесь читать бабушкины дневники?! Это ж дневники! Читать дневники всё равно, что письма. Это

некрасиво, вы не знали?

– Если искать убийцу вашей мамы не красиво...

– Но это же личное! Это же дневники!

– Когда именем закона вам прикажет следователь казённый, вы принесёте ему не только бабушкины дневники, но и свои любовные письма. Но я не следователь. Я не приказываю. Не хотите – не надо.

– Я принесу. Но что можно найти в дневниках? Кстати, откуда вы о них узнали?

Я сказал, что о дневниках узнал от Кати. Мол, когда Катя сидела с лёвиной бабушкой, то читала старушке дневники вслух. На вопрос, что можно узнать из дневников, я разразился пространством ответом.

Для начала посоветовал Оксане почаще читать детективы. Там нередко говорится, что причина убийства, как правило, кроется в личности жертвы. Когда знаешь, кем была жертва, убийцу искать куда проще. Бабушка могла написать такое, что сразу откроет глаза всем. Может, в дневниках какая-то страшная семейная тайна? Или найдётся древний враг семьи, которому мамаша в бесшабашной юности насолила, оставила незаживающую сердечную рану... О том, что я хотел лишь подтвердить инфу Кати об аллергии, я умолчал.

Закончил я словами: “Считайте это моей блажью, но без бабушкиных дневников я не уйду”.

Оксана пожала плечами, ушла в дом. Вернулась с тонкой

книжицей и виновато-растерянным выражением лица. Книжицу положила передо мной.

– Ян, с дневниками я поторопилась. Вот, возьмите, это история мамашинной болезни. А с дневниками... Я и не думала, что их так много. Сама я их не утащу.

– Вместе осилим?

– Думаю, хватит и вас одного. Просто их там столько... Когда же вы будете их читать? Там надо минимум месяц. Так вы все мои деньги потратите на...

– Не волнуйтесь. Буду читать по-диагонали, быстро.

– Тогда пошли.

Я захватил с собой историю болезни мамы, прошёл вслед за Оксаной в дом.

В коридоре нос к носу я столкнулся с заспанным Лёвой. Мне показалось, что Лёва так и не понял, с кем разминулся – настолько сонным выглядел. Во всяком случае, приветствия от Лёвы я не услышал. Оксана взглядом показала мне, что удивляться нечему, обронила: “Сиеста!”, продолжила путь. Я последовал за Оксаной. Лёва всласть зевнул, потопал к ванной комнате.

В комнате бабушки Оксана достала из-под кровати чемоданище, в который поместилось бы полное собрание сочинений Ленина, уложила туда дневники – пухлые тетради в клеточку. Поначалу я подумал, что столь немаленькую ёмкость Оксана приготовила зря, и чемодан останется наполовину пустым.

Ошибся. Оксанина бабушка накатала дневников столько, что здоровенного чемодана едва хватило. Оксана на чемодан ещё и села, чтобы придавить крышку. Иначе замки застёгнуться отказались. Чемодан весил столько, что у меня затрещала спина. Я похвалил себя за то, что приехал на машине, хотя собирался прошвырнуться пешочком.

Уже после того, как погрузил чемодан в машину, меня посетила умная мысль из тех, что приходит опосля: чтобы не рвать чемоданом спину, можно было взять только те дневники, что написаны в годы, когда мамаше было от трёх до пяти. Вслед за умной мыслью пришла ещё более умная: как бы я Оксане объяснил интерес к конкретным годам в мемуарах бабушки, если об аллергии до поры до времени говорить не хотел?

Когда я вернулся во двор после погрузки чемодана в багажник, Лёва уже продрал глаза, выглядел вменяемым. Сидел в тени ореха, в компании запаха детского крема, хлестал минералку.

Оксану я попросил удалиться, потому как разговор с Лёвой во многом касался только Лёвы. Оксана во взгляд сожаления вложила немую тираду: “Ну, раз надо, так надо. Нельзя ли остаться? Интересно ведь – жуть! Нельзя? Ну, я пойду...”.

Я заговорил не раньше, чем Оксана вошла в дом.

– Лёва, представьте, что у вашей мамашы случился приступ астмы. Приступ такой силы, что мамаша чуть не умер-

ла. В момент приступа рядом с мамашей – и вообще во всём доме – была только Оксана. Через пять минут после того, как приступ закончился, Оксана оставляет мамашу одну в доме, и уезжает по дел...

– Этого не может быть. Оксана мамашу одну, да ещё после приступа, не оставляла.

– Вы даже не дослушали.

– Вы сказали представить. Я и постарался. Но вы начали говорить такое, чего я представить не смог.

– Ну, хорошо. Тогда допустите, что после сильного приступа Оксана оставляет мамашу одну в доме, и уезжает по делам. Вопрос вот в чём: мамаша бы вам рассказала, что Оксана её бросила сразу после приступа, или вы бы об этом не узнали?

– Хм... Думаю, что мамаша пожаловалась бы мне по-любому, даже если бы Оксана оставила её одну в доме безо всяких приступов. Мамаша в последнее время жаловалась постоянно. А если бы Оксана бросила мамашу сразу после приступа...

– Вы бы об этом узнали?

Лёва кивнул. В глазах Лёвы я прочёл желание узнать, зачем я спрашиваю про такую чепуху. Я поспешил увести разговор в сторону: я спросил, когда в последний раз и по какому поводу Лёва скандалил с мамашей. В ответ получил твёрдый взгляд прямо мне в душу, и возмущение на тему “Не твоё собачье дело!”.

Тогда я спросил, когда Лёва собирается платить за учёбу в Париже девяносто штук баксов. Челюсть Лёвы шмякнулась об лёвино толстое пузо.

Лёва захлопнул хлебальник секунды через три. Чуть позже Лёва обрёл дар речи. Лучше бы Лёва остался немым: я выслушал столько обвинений в свой адрес, да таких пафосно-книжных, что впору было просить у Лёвы тетрадку, чтобы завести цитатник. Все обвинения вились вокруг лёвиного права не отвечать на провокационные вопросы.

На вопрос Лёва так и не ответил. Я вопрос напомнил. Лёва спросил, откуда мне известно о цене учёбы. Я сказал, что порылся где надо, и нашёл письмо от мсье Дидье, да заодно узнал, что срок льготного тарифа истечёт первого августа. Вместо ответа Лёва засыпал меня обвинениями во вторжении в частную жизнь, в незаконном просмотре почты, во взломе электронного почтового ящика, и ещё в семи или восьми – точно не помню – смертных грехах.

Когда Лёва наговорился, я сказал, что лёвины песни меня не трогают ни капельку, и если Лёва будет продолжать в том же духе, то свои соображения я передам следователю казённому. Жирный мотив Лёвы – как раз то, что следователю только дай. Лёва не успеет и оглянуться, как станет подозреваемым номер один со всеми вытекающими. Потому я предложил Лёве выбор: беседовать в тени ореха со мной, или отвечать на вопросы в душном кабинете следователя.

Лёва потёр затылок, выбрал беседу под орехом, прило-

жился к бутылке с минералкой.

Когда планировал разговор, я хотел посмотреть, как Лёва среагирует на то, что о письме-торопилке от мсье Дидье я знаю. Посмотрел. Лёва отреагировал бурей эмоций, но страха в его глазах я не нашёл, как ни старался. Взгляд Лёвы спрашивал, каким же надо быть недоноском, чтобы рыться в чужой почте. Кроме того, Лёва своим видом показывал, что вины не чувствует. Мол, да, Лёва не хотел, чтобы о его мотиве стало известно, но это и всё. Наличие мотива – это ещё не вина. Лёва-то знает, что не убивал.

Манера держаться и мимика подозреваемого говорят, конечно, о многом. Вот только если подозреваемый с отличием окончил курсы актёрского мастерства, то нужные манеры и мимики может сострять в секунду и без труда, и тогда даже самый опытный сыщик, прежде чем уловит фальшь, обломает себе глаза.

Когда минералки Лёва нахлестался, я спросил, что Лёва делал в понедельник, восьмого, в одиннадцать утра. Лёва сказал, что сидел на занятиях в колледже. Я пожурил Лёву за наглое вранье, рассказал о зорких камерах охраны “Женских штучек”. Под конец моего рассказа Лёву чуть не трясло. Колбасило не по-детски, как сказала бы Катя.

Затем я озвучил подозрения, что легли с моей лёгкой руки на Лёву. Лёву чуть не хватил удар.

Фактов, чтобы Лёву добить, у меня не хватило, потому я переключил разговор на Катю. Я спросил, где была Катя, ко-

гда Лёва подошёл к “Женским штучкам”. Лёва для приличия покочевряжился, напомнил мне о своём праве на мои вопросы не отвечать. Я напомнил Лёве о возможности допроса в кабинете следователя казённого. Ещё через минуту пререканий я узнал, что Катя ждала Лёву на втором этаже, в фойе, перед входом в “Женские штучки”.

Я решил добить Лёву Катей. Зачем? Чтобы посмотреть, как будет выкручиваться. Всё-таки они могли заказать эсэмэску и вдвоём. Я надеялся найти расхождения в показаниях. С другой стороны, искать несостыковки в сказках, которую Лёва и Катя могли сочинить вдвоём, и отработать до мелочей... И всё же я решил попробовать.

В двух словах я объяснил Лёве, какой мотив у Кати. Мол, Катя знала, что Лёва мечтал уехать во Францию, и наверняка знала, что удовольствие это не из дешёвых, а таких деньжищ у Лёвы нет. Катя хотела, чтобы Лёва получил наследство, и оплатил учёбу в Париже. Старалась ради лёвиного будущего. Мамаше-то всё равно умирать, рано или поздно. А вот Лёве второй шанс учиться у самого мсье Дидье судьба может и не подкинуть.

Потому Катя и заказала мамаше эсэмэску в надежде на нервы мамы и на приступ астмы. Ради любви Катя – как и все женщины – готова на всё. Даже на убийство.

Я обратил внимание Лёвы на то, что когда Лёва поднялся на второй этаж, ко входу в “Женские штучки”, то Катя уже там стояла. Где гарантия, что Катя не поднялась на второй

этаж за две секунды до того, как пришёл Лёва?

Лёва обратил моё внимание на то, что приступов было сто, а умерла мамаша от последнего. Как Катя могла быть уверена, что именно катина эсэмэска мамашу убьёт?

Я сказал, что на этот счёт у меня есть намётка, но она требует проверки, потому озвучивать её пока рано. Лёву мои слова насторожили. Во всяком случае, Лёва сузил глаза, склонил голову набок, приклеил маскировочную улыбку.

Напоследок я сказал, что кроме прочего, Катя могла заказать мамаше эсэмэску в отместку за потерянную весну. Ведь катин отец общаться с парнями Кате запрещал. Вечером контролировать дочурку папаша мог, но что мог сделать днём? Пока отец на работе, Катя могла бы встречаться с парнями, гулять, веселиться. На катино горе, сидеть с мамашей приходилось именно днём, когда могла бы гулять. А вечером домой приходил папаша, и у Кати начинался домашний арест. Так что повод приблизить мамашину смерть у Кати был.

Лёва улыбнулся, выпятил грудь, расправил плечи.

– Ян, вы ошибаетесь. Катя с другими парнями не встречалась, только со мной. Так что последний мотив отпадает. Общения с парнями Кате хватало.

– Вы уверены? Откуда вы знаете? А если Кате для полного счастья вас одного не хватало? Думаете, вы бы узнали, если бы Катя кроме вас хотела бы встречаться ещё и с парочкой других молодых и красивых?

Лёва фыркнул. Я улыбнулся.

– Лёва, не прикидывайтесь наивным. Если Кате хотелось кроме вас встречаться с кем-то ещё, то ей мешала только ваша мамаша со своими утренне-дневными посиделками. И не забывайте, что у Кати кроме мотива была ещё и возможность. В общем, если не вы, Лёва, то Катя. Если не Катя, то вы.

– Или третий. Ни я, ни Катя эсэмэску не заказывали.

– Вы можете говорить только о себе. Катю вы могли увидеть уже после того, как она заказала эсэмэску. Утверждать, что Катя не заказывала, вы не можете. Катя заказать могла. У Кати был мотив, и была возможность. Точка.

Вдогонку я Лёве напомнил, что рядом с неткафе в полуминуте от момента заказа эсэмэски Лёва и Катя засветились вместе. Что, если Лёва с Катей в сговоре? Чтобы всё было тип-топ, эсэмэску заказала Катя. Если на Катю подозрения и падают, то где мотив? Для судьи у Кати мотивдохлый. У Лёвы мотив есть, но Лёва в неткафе не заходил. Если кого в неткафе и опознают, то Катю. Другими словами: у Кати была возможность, но не было мотива, а у Лёвы был мотив, но не было возможности. Классика.

Лёва с ехидной ухмылочкой сказал, что в случае лёвиного с Катей сговора что-либо доказать практически невозможно.

Я ответил, что докажу. Ловил хитрецов и похлеще. Буду рыть носом, и как только найду хоть малейшую зацепку, то докажу. Сядут оба. Не поможет и то, что у Кати мотива как

такового не было, а Лёва в неткафе не заходил.

Лёве мои последние слова понравились, как подсудимому приговор.

Лёва встал, опёрся пальцами о стол, крикнул в сторону дома: “Оксана, проводи гостя!”. Протягивать мне руку для прощания Лёва не захотел. Я и не настаивал, ведь в прошлый раз после лёвиных рукопожатий от ладони разило детским кремом за версту до тех пор, пока не выдраил с мылом. А мне ещё братья за руль...

Когда Оксана появилась на пороге дома, Лёва с любезной улыбкой спрятал руки за спину, указал мне подбородком на выход: мол, пшёл вон!

На ответной улыбке я сэкономил, выбрался из кресла. Оксана подошла к нам, взглядом спросила, что случилось. Я пожал плечами. Пока не забыл, сказал, что на завтра собрался смотаться на рынок, к мамашиному реализатору и конкуренту. Спросил, когда Димон и Серый начинают торговать. Оксана сказала, что раньше десяти мне на рынке делать нечего. Если подъеду к половине одиннадцатого, то будет в самый раз.

Я кивнул Лёве в знак прощания, ответного кивка не заметил, улыбнулся лёвиному детскому поведению, потопал к воротам.

Оксана меня провела до калитки. Я уже подошёл к машине, когда терпение у Оксаны лопнуло.

– Ян, как вы поговорили с Лёвой? Что узнали?

– Всё, что рассказал Лёва, я знал и раньше. Так что нового Лёва не добавил.

– А почему вы поцапались? У Лёвы был такой вид...

– Лёве понравилось не всё, что я сказал.

– Ян, если Лёва вас чем-то обидел... Вы на него не злитесь, а? Ведь ему сейчас нелегко.

– За что злиться-то? Он ещё держится молодцом. Я бы на его месте меня ещё бы и послал.

– Что ж вы ему такого наговорили?

– Если захочет, расскажет сам.

Я сделал Оксане ручкой, клацнул сигнализацией. Оксана улыбнулась, клацнула калиткой, дважды провернула в замке ключ, зашаркала тапочками в глубь двора.

Джипчик покати́л меня домой. В дороге я подытожил: разговор с Лёвой провалился. А чего я ожидал? Что Лёва от моих подозрений наделает в штаны, и накатает признание в убийстве?

Раскатывать рукава я не спешил. Ведь в багажнике меня ждал чемодан пухлых тетрадок в клеточку.

*

*

По пути домой я заехал к знакомому доктору. Оставил ему историю болезни мамы и монетку за работу. Попросил поискать, что в мамашиной “книге нездоровья” сказано об аллергии на собак. А то я мог читать ту книженцию хоть год, а понял бы ровным счётом ноль. Всё же книжица хоть и

тонкая, но исписана неразборчивыми каракулями, да на латыни, а если русское слово где и попадалось, то это был заумный термин, понятный только врачу, пусть и ветеринару.

Доктор сослался на дикую занятость, книжицу мамашиного нездоровья оставил себе, пообещал позвонить, как управится с клиентами и моим заданием.

Дома я засел за дневники лёвиной бабушки. Я разложил пухлые тетрадки по годам, что вензелями красовались на обложках. На один год приходилось две тетрадки, на другой – три, а то и четыре. Если учесть, что лёвина бабушка покинула нас сразу после юбилея в семьдесят лет, а вести дневники начала в пятнадцать... До ровного счёта – двух сотен – бабуля не дописала всего три тетрадки.

Чтобы не перечитывать все дневники, – так можно было просидеть вечность, – я нашёл тетрадки, где на обложке лёвина бабушка написала год, когда дочурке стукнул трёшник. Со слов Кати аллергия оставила мамашу в покое к пяти годкам, потому я отобрал ещё и те дневники, что описывали следующие после трёшника два года мамашинной жизни.

Итого вышла стопка в восемь толстых тетрадей. Поначалу я запаниковал: читать немало. Затем я вспомнил, зачем дневники брал, и паниковать перестал.

Ведь я хотел проверить, говорила ли Катя насчёт записей в дневниках правду. Если Катя не врала, то я хотел узнать, какая именно порода собак вызывала аллергию, и насколько сильную. Верить на слово Кате – значит играть в испор-

ченный телефон. Катя могла ошибиться, а я из-за своей доверчивости увёл бы следствие в лучшем случае в сторону, в худшем завёл бы в тупик. В обоих случаях потеря времени – причём колоссальная – гарантирована. В сравнении с той потерей один вечер, отведённый на чтение восьми – пусть даже толстых – тетрадей, я счёл пустяком.

На упоминания аллергии я наткнулся в третьем дневнике. Память Катю не подвела. Аллергия у лёвиной мамы появилась после того, как трёхлетнюю девочку испугала немецкая овчарка. Лёвина бабушка предполагала, что у дочурки аллергия на нервной почве, от страха. Врачи установили, что аллергия не нервная, а на шерсть, причём на шерсть овчарки именно немецкой, а не среднеазиатской или шотландской. Несколько раз за два года приступы аллергии мамашу прихватывали так, что девочку с трудом откачивали в реанимации. А после пятилетнего юбилея аллергия исчезла. Ушла так же, как и пришла: вдруг, без расклейки афиш.

При первом упоминании аллергии лёвина бабушка отвела напасти всего один лист, зато в запись вошли и первый вызов “скорой”, и диагноз, и порода собачек, и возможные последствия вплоть до летального исхода.

Чтобы прочесть запись об аллергии полностью, надо было страницу перевернуть. В том месте, где страницу берут пальцами, чтобы перевернуть, я заметил жирное пятно. Такие пятна появляются, когда страницу переворачивают свежвыпачканными пальцами. К примеру, иные читатели обо-

жают жевать истекающий жиром беляш, а пальцы вытирать о страницу.

Или страницу переворачивали пальцами не такими уж и жирными, но часто. То есть страница вызвала интерес, и её перечитали пару-тройку раз. Соседние страницы дневника жирными пятнами похвастать не могли.

Затем меня привлёк знакомый запах. Я прикрыл глаза, включил поиск по памяти. Несколько минут мне казалось, что ещё чуть-чуть – и я вспомню, чем пахнет страница бабушкиного дневника. Ан нет, воспоминание вертелось перед забором, что отделяет забытое от сознания, причём вертелось со стороны забытого.

Когда почувствовал, что извилины задымились, я мозголомку отбросил, принялся укладывать в чемодан те дневники, что отборочный тур не прошли. Не успел уложить и десятка тетрадок, как память выдала на-гора результат поиска: страница об аллергии пахла детским кремом. Причём не каким-то импортным, с ведром отдушек на сто граммов крема. Страница пахла кремом нашим, отечественным, рецептура которого сохранилась с советских времён. Тем кремом, которым мазал руки Лёва.

Я задал себе вопрос: почему страница про аллергию пахла детским кремом Лёвы? Ответ напросился один: потому, что ту страницу читал Лёва. Вряд ли в доме мамыши нашёлся ещё один фанат детского крема. Даже если бы и нашёлся, то почему этот фанат читал только ту страницу, где об

аллергии?

Лёва мог проходить мимо спальни бабушки, когда Катя читала об аллергии, да услышать, о чём речь. Затем, после смерти бабушки, когда припекло платить за учёбу мсье Дидье, Лёва вспомнил, что слышал кое-что интересное. Порылся в бабушкиных дневниках, да нашёл запись об аллергии, как нашёл я.

Иначе почему детским кремом пахла только одна страница? Лёва мог читать любой дневник, заинтересоваться любой страницей, но крем со своих рук оставил только на той, где бабушка рассказала про аллергию мамы на шерсть немецких овчарок.

Сначала Лёва узнал про аллергию. Затем в дом к мамаше вломились сапёры с немецкими овчарками. Всё просто.

С чего я взял, что Лёва знал о том, что у сапёров не утконосы, а овчарки, причём немецкие? Допустил. За неимением доказательств пришлось всего лишь допускать. Вряд ли Лёва не видел те выпуски “Андреевских новостей”, где показывали обыск супермаркета после звонка шутника-бомбера. Те новости смотрел весь Андреев. Шоу года. Гвоздь программы. Для тех, кто проспал, те супервыпуски повторили. А в тех новостях главные роли разобрали сапёры да немецкие овчарки.

Да и Лёва, когда пришёл ко мне с приглашением от Оксаны, сказал, что о шутнике-бомбере знал. Пусть Лёва сказал и не прямо, но я понял из контекста. Ведь, когда мама-

ше пришла эсэмэска-убийца, Лёва позвонил в милицию без раздумий именно потому, что слышал и о шутке с бомбой в супермаркете, и о милицейских призывах к бдительности.

Я отложил раздумья в сторону, позвонил Оксане. Спросил, каким кремом для рук Оксана пользуется. Оксана назвала знаменитую немецкую марку. Я спросил, пользовалась ли Оксана детским кремом. Оксана аж расхохоталась. Когда смех уняла, пояснила: “Если я намажусь детским кремом, то парни будут от меня шарахаться за квартал. Детский крем... он ведь такой вонючий! Я ж не Лёва...”. Когда я спросил, пользовались ли детским кремом оксанины бабушка и мамаша, в ответ услышал: “Мы ведь женщины. Нам важно, чтобы от нас пахло хорошо. А детский крем даже не пахнет – воняет!”.

Кате я позвонил тоже. Спросил, как давно Катя наносила на руки крем, и какой. В ответ получил почти возмущение: “Разве мне уже пора мазать руки кремом? Я думала, у меня кожа ещё молодая...”.

Достоверности ради из кипы пухлых тетрадок в клеточку я наугад вытянул десяток, пролистал. Жирных пятен на страницах не нашёл. Детским кремом страницы других дневников не пахли.

Я вернулся к дневнику, где было написано про аллергию, присмотрелся к жирному пятну на странице. Как ни старался, а разглядеть отпечатка пальца не смог.

В голове завертелась парочка вопросов. Почему жирное

пятно красовалось только на одной странице? Лёва знал заранее, какой дневник открывать? Откуда Лёва знал, что запись об аллергии именно на той странице?

Ответ на три вопроса я нашёл лишь один: Лёва мог пролистывать дневник без остановок, а на странице с аллергией задержаться надолго. Перечитал два-три раза, то есть два-три раза перевернул страницу туда-сюда, и каждый раз пальцами, что в детском креме. Если теми же пальцами страницу переворачивать однократно, то ни пятна, ни запаха крема не останется. Если душок от крема и останется, то мизерный. А вот если страницу в пальцах задержать надолго, да два-три раза повторить, то наверняка останутся и пятно, и запах.

Я решил провести эксперимент. Для этого надо было купить детский крем, причём точно такой, каким пользовался Лёва. К сожалению, упаковки лёвиного крема я не видел. Звонить Лёве и спрашивать, какой марки у него крем, я и не думал: раньше времени настаивать Лёву не хотел. Звонить с тем же вопросом Оксане как по мне, так было равносильно звонку Лёве. Я сомневался, что Оксана сумела бы сохранить в тайне мой интерес к марке лёвиного крема.

В итоге я на ближайшее время запланировал визит к Лёве, чтобы под благовидным предлогом выведать, крем какой марки Лёва предпочитает наносить на руки.

Позвонил доктор. Сказал, что в мамашиней истории болезни об аллергии не нашёл ни слова. Доктор предположил, что мамаша если аллергией и страдала, то до двадцати лет.

Почему доктор так предположил? Потому, что первая запись в книге мамашиного нездоровья появилась, когда мамаше стукнуло двадцать. Наверняка старую историю болезни в поликлинике потеряли, вот и завели новую. Такое бывает.

Когда доктор откланялся, я сделал вывод: бабушкин дневник, где запись об аллергии, получил статус бесценной улики. Почему? Даже если доказать, что мамаше немецких овчарок на дом заказал Лёва, то как доказать, что Лёва хотел мамашу убить аллергией? Для этого надо как минимум доказать, что мамаша аллергией страдала хотя бы в детстве.

Как доказать, что мамаша в трёхлетнем возрасте страдала аллергией, если в истории болезни не хватает записей за первые двадцать лет жизни мамы? Единственное упоминание мамашиней аллергии сохранилось в дневнике. По почерку графологи установят, что дневник писала лёвина бабушка. Бабушка поводов для вранья не имела, потому за улику дневник сойти мог.

Я сунул драгоценный дневник в сейф. Уж оттуда-то улика пропадёт только если меня попросит взвод автоматчиков. Сейф я приварил к арматуре стены так, что вырвать не получится. Придётся вырывать полдома. Вскрывать же замок – дело долгое. Не успеют. Только к сейфу прикоснутся, как на мой мобильник отправится извещение: мол, пора домой, мил человек, ибо грабят.

Перед сном я глянул на календарь, убедился, что через два часа к концу подойдёт не иначе как понедельник – вы-

ходной день на всех рынках Андреева. Методом дедукции я установил, что утром будет вторник – день для торговцев рабочий. Другими словами, я смогу заглянуть на рынок, чтобы познакомиться с очередными подозреваемыми.

Лёва Лёвой, а мамашин конкурент Серый и реализатор Димон отдельного разговора заслужили не меньше мамашиных детишек и сиделки.

Серый побеседовал с мамашей так, что ту долбануло нервное потрясение вкупе с чуть не смертельным приступом астмы, и всего через полчаса некто заказал мамаше эсэмэску-убийцу. Димон же заслуживал встречи с сыщиком только потому, что качеством работы вызывал у мамыши крайнее недовольство. Потому Димон – равно как и Серый – мог заказать мамаше эсэмэску не ради убийства, а как мелкую пакость. Если так, то поиски убийцы среди наследников и тех, кому выгодно, я мог свернуть, чем сэкономить кучу времени.

*

*

Оксана сказала, что с раннего утра на рынке делать нечего, и если подъеду на рынок к половине одиннадцатого, то будет в самый раз. Я покинул квартиру в десять, чтобы не спешить.

Я вышел из подъезда, потопал к моему джипчику. От соседнего подъезда отъехал белый жигуль-четвёрка.

Жигуль ехал в мою сторону со скоростью пешехода, потому особого внимания я на жигуль не обратил, опасности не

увидел. Да и какую я мог увидеть опасность? Наоборот, за рулём жигуля водитель осторожный, в пешеходной зоне как иные идиоты не гоняет, ползёт со скоростью от силы пять километров в час.

Я продолжил вразвалочку топать к джипчику. Жигуль остался за спиной.

В пяти метрах от джипчика я клацнул сигнализацией. Джипчик мигнул поворотами. Сзади взревел мотор. Не успел я обернуться, как спинным мозгом почувал, что если так и буду топать вразвалочку, то через мгновение белый жигуль-четвёрка припечатает меня к асфальту.

Я дёрнулся в сторону. Надо было дёрнуться на четверть мгновения раньше. От прямого удара я таки увернулся, но крылом по ноге всё же получил. Да как хорошо получил! Я аж свалился. Хорошо, что жигуль не сдал назад, иначе как бы мне пришёл, как два пальца переехать.

Белый жигуль сдавать назад не собирался. Наоборот, принялся набирать скорость.

Из отличительных примет жигуля я успел заметить только госномер, покрытый высохшей грязью так, что различить символы я не смог.

Я подбежал – скорее подхромал – к своему джипчику, прыгнул в салон, единым движением завёл мотор, выжал сцепление, включил вторую, придавил газ к полу. Моторчик взвыл. Я перед моторчиком извинился. Бедняга, на холодную да такое издевательство! Я отпустил сцепление как учи-

ли: плавнее некуда. Джипчик рванул с места, аж подпрыгнул. В тот же миг грохнули покрышки. Четыре хлопка слились в один. Я матернулся, вдавил в пол педальку тормоза, заглушил мотор, матернулся ещё раз, затем ещё разок, и так я разговаривал матом всю ту секунду, пока выбирался из машины.

После смачного плевка под ноги я бросил взгляд на колесо подстреленного джипчика. Гвоздь в покрышке нашёл с первой попытки.

Я посмотрел белому жигулю-четвёрке вслед. Почти в то же мгновение жигуль зажёг стоп-сигналы. Ещё через миг до меня донёсся скрип тормозных колодок. После того скрипа в моей памяти что-то завертелось, но в мысль не превратилось.

Жигуль застыл в сотне метров от меня: узкую дорогу перегородил мусоровоз, которому на моё счастье приспичило развернуться. Жигуль принялся сигналить что есть мочи.

Я рванул к жигулю, на ходу утопил кнопку на брелке сигнализации. Мой джипчик пиликнул: мол, порядок, я под охраной. Моё ушибленное бедро отчиталось: если не сброшу скорость, то через миг упаду от боли. Я сбавил обороты, но на шаг не перешёл, продолжил бежать, хоть и со скоростью нетрезвой черепахи.

Мусоровоз почти закончил разворот. Белый жигуль сигналить так и не перестал.

Позади меня заревел мотор. Я обернулся мигом.

Ко мне подкатывал полудохлый на вид чёрный форд, весь в наклейках и спойлерах. Аппарат дырчал громче шумахерской феррари.

Когда форд поравнялся со мной, то слова, которые прокричал в окно молодой пацан, что рулил фордом, из-за грохота мотора я еле разобрал.

– Садись! Я видел, как он тебя гахнул, поехали!

Водила открыл дверь, я прыгнул на сидение. Форд тронулся. Вернее будет сказать “взлетел”. Мусоровоз тем временем освободил жигулю дорогу. Миг спустя жигуль скрылся за поворотом.

Через девять секунд я узнал, что водилу форда звать Юриком, и Юрик только вчера кинул на тачку трёхлитровый моторчик вместо вялого двухлитрового, и теперь у реального пацана появился реальный шанс испытать тачку в деле.

Педаль газа у Юрика, похоже, от пола отрывалась лишь на стоянке. Улыбка гонщика-победителя с губ Юрика не сходила даже во сне.

Юрик повернулся ко мне, на дорогу – ноль внимания.

– Я этого жигуля уделаю в две минуты, отвечаю!

Я спорить не стал, ведь на спидометре уже замаячила сотня, а нам как раз подоспело время входить в поворот. Я вжался ногами в пол, руками упёрся в бардачок, пожалел, что не пристегнулся.

Поворот мы прошли почти юзом, но прошли. Вдали мелькнул задок белого жигуля. Юрик хмыкнул.

– Я тут знаю каждую ямку. Я на этой дороге вырос. Куда он денется!

Юрик давил на газ, сигналил попутчикам, чтобы дали проехать, разъезжался со встречными с зазором в сантиметр – в общем, старался задок белого жигуля из виду не упускать.

Через три минуты мы вырвались за город. На трассе Юрик выжал из нового трёхлитрового мотора всё, что смог. До этого момента мы ползли.

Задок белого жигуля приближался с каждой секундой. Я уже потирал ладони, как вдруг жигуль свернул с трассы на грунтовку.

Мой шумахер матернулся.

– Что он творит, придурок?! Кто ж на грунтовке гоняется? Я ж тут всю подвеску убую!

На грунтовку вслед за жигулём наш форд не съехал. Юрик кивнул на кучку ёлок, что маячила впереди справа от дороги.

– Хочет оторваться от нас в лесу, урод. Там есть грунтовка. Ну, ничего. Я здесь все дороги знаю. Машину гробить не будем, пообедем этого придурка по трассе.

Юрик дал газу. Форд вынырнул из облака дыма от горячей резины, помчал нас вдоль кучки ёлок, что Юрик обозвал лесом. Через минуту кучка ёлок превратилась таки в нормальный лес, а моя надежда догнать белый жигуль испарилась.

Моё уныние Юрик заметил, поддал газу. Спустя минуту шумахер остановился у съезда с трассы на грунтовку, указал

на грунтовку пальцем.

– Командир, ту тропинку видишь? Это та грунтовка, по которой едет тот жигуль. Мы его обогнали. Сейчас появится. Выхать раньше нас он не мог ну никак. Отвечаю! Мда... А почему он до сих пор не показался? Должен бы уже выехать.

– Может, проедем навстречу?

– Неохота гробить подвеску, командир. Я её настраивал на город, а не на колею. Убью в пять секунд. Я тебя лучше высажу, а ты пешочком, а? А я ему перекрою выезд с той стороны. Идёт?

– Годится. Загоню его как мамонта. Один раз он меня уже сбил. Дам ему второй шанс.

– Хм! И то правда. Я и не подумал. Чем же ты его остановишь?

– Ничем. Хоть рассмотрю номер. А то он так заляпан грязью, что я ни черта не увидел.

– Слушай, придумал! Бери пару булыжников, и когда он будет проезжать – вали ему прямо в лобовуху! Он по этой грунтовке быстро не погонит. Попадёшь нефиг делать!

– Тоже вариант.

– Номер запомни. И булыжником – в лобовуху. Будет лишняя примета.

– Так и сделаю.

– Слушай, а если он в машине не один? Если их там полная машина, и все обдолбанные? Тебя и так помяло нехило.

– Выживу. Жди меня на той стороне. Если через полчаса

не выйду – звони по бесплатному.

– Ментам, что ли?

– А кто ж ещё сюда попрётся?

Я вылез из форда, и даже успел закрыть дверь до того, как Юрий вжал газ в пол. Форд развернулся в облаке дыма, дал мне надышаться палёной резиной. Через минуту я скрылся в лесу, форд – за поворотом трассы.

Просёлок, вдоль которого я вышагивал, популярностью у водителей не пользовался. Если судить по следам, то следы от моих мокасин на том просёлке выглядели на пару недель свежее последнего следа от трактора.

Ни одного булыжника, чтобы треснуть по лобовухе жигуля по совету Юрика, на просёлке я не нашёл. Ни одного инородного – отличного от лесных – звука я не услышал. Хотя звук жигулёвского мотора услышать бы не помешало.

Тогда я подумал: а если белый жигуль-четвёрка в тот просёлок, где я топал, не въезжал? Ведь жигуль только свернул с трассы на грунтовку. Ни я, ни Юрий видеть, как жигуль въехал в лес, не могли. Я лишь принял предположение Юрика на веру. И если жигуль на просёлок, по которому я топал, не свернул, то перед тем, как выйти с другой стороны леса, я мог повесить на грудь табличку с надписью: “Доверчивый и безмозглый олух”.

Вдобавок я подумал, что Юрий мог быть с водилой белого жигуля заодно. Почему нет? Посадил меня в свой форд, и с гарантией ехал позади жигуля. Куда я денусь? Да и в мили-

цию звонить не стану, ведь уже вроде как за обидчиком гонюсь, чего ещё надо? Так и вёз меня Юрик чуть позади жигуля, затем дал жигулю уйти, меня отвёз подальше, высадил посреди пустой трассы, поставил к лесу передом, и смылся.

Я улыбнулся, подумал, какой же я дурачок, если так и было.

Топать мне предстояло минут десять-пятнадцать при условии, что с жигулём не встречу, и пройду лес насквозь. Встретиться хотелось, но и свербила мыслишка, что жигуль в лес не въезжал. Проверить, въезжал или нет, можно было только одним способом: протопать просёлок ножками.

Чтобы не терять времени даром, я приступил к любимому занятию – к размышлениям. Не успел я раскочегарить мозги, и протопать полсотни метров, как заныло ушибленное бедро. Попросило шагать помедленнее. Я растёр бедро на ходу. Боль чуть поутихла.

Ладонь, которой растирал бедро, передала сознанию ощущение запыленной кожи. Захотелось отряхнуть ладонь от пыли. Отряхнул. Затем подумал, откуда на ладони могла появиться пыль после того, как я вовсе не опирался ладонью о пыльный предмет, а всего лишь растёр бедро.

Когда я рассмотрел ладонь, то заметил в складках кожи белёсые частички. Я рассмотрел штанину в том месте, где растирал бедро. На штанине красовалось белое пятно в пол-бедро. Пятно походило на те, которые остаются, когда с силой потрёшься о стену, только-только выбеленную известью.

Я остановился, попытался пятно отряхнуть. Удалось вытряхнуть всего лишь треть белого вещества, что окрасило штанину.

Я задал мозгам задачку, потопал дальше. За минуту я сочинил миллион версий насчёт того, как на штанине могло появиться белое пятно, напоминающее пятно от известковой побелки. Остановился на версии “белый жигуль вовсе не белый”. Другими словами жигуль, который пытался меня вдавить в асфальт, перекрасили. Причём перекрасили легкосмываемой краской типа гуаши. Такой краской к концу декабря на машинах рисуют ёлочки, снег, и пишут “С Новым Годом!”.

Я вспомнил, что в тот момент, когда жигуль треснул меня крылом по бедру, я коснулся жигуля ладонью. Наверняка на автомате выбросил руку в сторону жигуля, чтобы защититься. Я вспомнил ощущения в ладони, которые ещё в момент контакта с жигулём показались странными. Крыло жигуля показалось шершавым как кожа судака, если погладить рыбину против шерсти. Краска на крыле жигуля показалась не гладкой, а шершавой. Наверняка потому, что поверх гладкой заводской краски жигуль покрыли шершавой на ощупь гуашью.

Я пожалел, что вовремя не разул глаза и не сообразил разглядеть цвет кузова в том месте, где моя штанина стёрла с жигулёвского крыла белую краску.

Вдобавок я прошляпил жигулёвский госномер. Засохшая

грязь покрывала номер жигуля таким густым слоем, что разглядеть символы я не смог ни с первого взгляда, ни со второго.

Откуда на номере взялась грязь? Где тот, кто рулил жигулём, нашёл лужу? На дворе стояла такая сушь, что лужа – какой бы глубокой она ни была – испарилась бы ещё до того, как надумала появиться. Последний дождь прошёл аж за недели три до моего контакта с жигулём. Да и то не прошёл, а так, асфальт окропил, чуть прибил пыль, и был таков.

И если жигуль таки въехал в лужу, то почему грязью заляпался только номер?

Напоследок я припомнил гвозди под колёсами моего джипчика. Дядька Некто сыграл со мной в ту шутку, в какую я играл с вредными соседскими дядьками, когда мне было лет семь, и я гонял по району в шайке детишек в коротких штанишках. Дядька Некто подложил под все колёса моего джипчика гвозди, согнутые так, что когда машина трогается, то остриё гвоздя впивается в покрывку. И я тронулся, когда хотел догнать жигуль.

Дядька Некто мог подложить гвозди ночью, мог рано утром. Кто ж знал, что надо не сводить с машины глаз всю ночь!

Зачем понадобилось подкладывать под мои колёса гвозди? Чтобы я догнать обидчика не смог, зачем же ещё? Отсюда следует: дядька Некто знал, что подкладывал гнутые гвозди под джипчик мой, а не моего соседа. Могли, конечно, по-

шалить и дворовые детишки, да только эту версию я отбросил сходу. Уж слишком детвора напакостила бы вовремя для того парня, что рулил жигулём.

Откуда дядька Некто знал мою машину? Ха! Кто мог знать мою машину? Да мало ли кто! Меня знает полгорода, в том числе и всякой швали наберётся столько, что не счесть.

Перекрашенный гуашью кузов и заляпанный грязью номер жигуля вкупе с гвоздями под колёсами моего джипчика наводили только на одну мысль: белая четвёрка на меня наехала не с бухты-барахты.

Какому дураку приспичило вдавить меня в асфальт, я спрашивать не стал ни себя, ни того, кто сидит на небесах и видит всё. У меня врагов – что у дворняги блох. Каждое дело приносит как минимум одного недруга и очень редко друга. Из когорты тех, кому я перешёл дорогу, я мог навскидку назвать с десятков лихих парней, кому переехать меня жигулём – мечта всей жизни. Попробуй угадай с трёх раз, кого тут подозревать! Проще забыть.

Пока думал-гадал, я чуть не забыл, почему шагаю по просёлку. Я напомнил себе, что иду навстречу жигулю, который должен был уже давным-давно появиться. Я остановился, прислушался. Звуком жигулёвского мотора и не пахло.

Взамен я увидел, что к просёлку, на котором я стоял, слева, в полусотне метров впереди примыкала узкая дорожка.

Когда я подошёл к лесному перекрёстку, то увидел на узкой дорожке свежие следы. Судя по ширине колеи, следы

вполне мог оставить жигуль. Я рассмотрел следы с усердием, достойным звания Великого Следопыта.

Через полминуты осмотра следов я понял, что жигуль в лес таки въехал, и въехал по тому же просёлку, по которому навстречу жигулю топал я. Тут Юрик – водитель форда – в предположении не ошибся. Вот только выезжать из лесу по тому же просёлку, по которому въехал, дядька Некто не захотел, а свернул посередине леса на узкую дорожку.

Моих мозгов хватило только на то, чтобы подумать: тот, кто рулил жигулём, наверняка сообразил, что преследователи на шустром форде лес могут объехать по трассе, и въехать в лес с другой стороны просёлка, жигулю навстречу. Зачем дядьке Некто рисковать, если куда безопаснее смыться по узкой дорожке, что примыкала к просёлку посередине леса?

Однако у версии “жигуль свернул на узкую дорожку, и был таков” нашёлся недостаток, и сильный. Узкая дорожка, что примыкала к просёлку, со стороны выглядела уж очень ненадёжной как для машины класса жигуля. Трактору такая дорога не страшна, но жигуль мог запросто увязнуть в песке. На первый взгляд хвоя, что укрывала дорожку толстым слоем, прятала под собой рыхлый песок. На таком песке посадить жигуль на брюхо – раз плюнуть. Нормальный водила на такую ненадёжную дорожку, да ещё за рулём жигуля, а не джипа, не свернул бы ни в жизнь.

Оставалось допустить, что жигулём рулил или ненормальный, или тот, кто со страху свернул бы куда попало, лишь бы

уйти от погони.

Я прошёл с десяток шагов по узкой дорожке в сторону от просёлка, взгляделся в следы, убедился, что следы свежие, наверняка от жигуля, и жигуль по узкой дорожке уехал в сторону выезда из лесу.

Уже когда возвращался к просёлку, осознал, что мои мокасины в песке не вязли. Другими словами, под ногами, под хвоей, назвать песок рыхлым я не смог. Я поковырял песок носком мокалина. Песок оказался плотным. Иначе говоря, узкая дорожка такой уж опасной для жигуля не была. Посадить жигуль на мосты на таком плотном песке надо было суметь.

Напросился вопрос: а если о том, что под хвоей, которая устилала узкую дорожку, скрывался не рыхлый, а плотный песок, водила жигуля был в курсе? Что, если дядька Некто знал, что не завязнет, и безо всяких опасений свернул с просёлка на узкую дорожку, чем и оставил меня с носом?

Я сделал вывод: дядька Некто, что рулил жигулём – местный. Иначе откуда он мог знать тонкости окрестных лесных дорожек? Городскому жителю такие детали неведомы. Разве что городской житель – заядлый грибник. Или натуралист. Или юннат. Или... Перечислять возможных подозреваемых я мог до скончания века, потому глупое занятие прекратил.

Я зашагал по просёлку к выходу из леса, где меня обещал поджидать Юрик на форде. По пути я принялся распутывать клубок с другой стороны. Ведь я из числа тех, кто лёгких

путей не ищет.

Итак, на меня наехал белый жигуль-четвёрка. У кого из связанных со мной одним делом имелась такая машина? У Лёвы.

Но у Лёвы жигуль зелёный, а на меня наехал белый. С другой стороны, Лёва мог машину перекрасить гуашью. На автомойке из шланга с высоким давлением отмыть ту гуашь раз плюнуть. Ведь если краску смогла стереть моя штанина, то смыть такую краску на автомойке проще простого. С другой стороны, если Лёва машину и перекрасил, то как это доказать? Наверняка уже через десять минут после выезда из лесу Лёва краску смыл.

В моём арсенале остались гвозди. Кто как не Лёва знал, под колёса какой машины подкладывать гнутые гвозди? Лёва мой джипчик знал. Ведь когда Лёва в воскресенье вечером привёз приглашение Оксаны, после разговора с Лёвой я собрался ехать в гости к Оксане на своём джипчике. Когда я и Лёва вышли на улицу, я даже успел снять джипчик с сигнализации. Тогда Лёва сказал, что доставит меня к Оксане на своей машине, и после встречи отвезёт обратно. Я тогда вернул джипчик на сигнализацию. Какая машина отзывается миганием поворотов на моё колдовство с брелком от сигнализации, Лёва видел.

После того как допустил, что на меня наехал Лёва, я поискал Лёве мотив. Ведь если бы не мой ангел-хранитель, и от удара жигуля я бы не увернулся, то наверняка мне можно

было заказывать панихиду. В мире стало бы одним частным сыщиком меньше, а у Лёвы одной решённой проблемой стало бы больше. Мотив готов.

У меня возникло желание найти Лёву и надраить парню нюхальник. Мой пыл остыл через пару секунд. За что Лёву рихтовать? Как доказать, что на меня наехал именно Лёва? Да и где Лёву найти? Вряд ли он после наезда сразу покати́л домой.

Я оставил встречу с Лёвой на вечер. Понадеялся, что Лёва домой ко сну, к получасовому сеансу вечернего душа, и к детскому крему таки вернётся.

Звонить Лёве я счёл тупостью. Какой в том звонке смысл? Не станет же Лёва только потому, что я позвонил, трястись от страха и по телефону признаваться в наезде!

Под занавес я подумал, что если на меня наехал таки Лёва, то у парня мозги набекрень. Лёве бы на меня не наезжать, а молиться. Ведь доказать невиновность Лёвы – если он эс-эмэску не заказывал – мог на тот момент только я. Следовательно казённому доказывать невиновность главного подозреваемого всё равно что портить статистику раскрываемости.

Юрик меня ждал, где условились. Когда я подошёл к форду, Юрик посмотрел на меня с сочувствием.

– Неудача, командир?

– Там, в лесу, от просёлка отходит дорожка. По ней он и смылся.

– Значит, лес он знает. Я и понятия не имел, что там есть

ещё одна дорога. Тебя в город подбросить?

Я кивнул, забрался в салон, пристегнулся. До города Юрик домчал меня быстрее, чем я мог представить, так что о пристёгнутом ремне я не жалел ни секунды.

Юрик высадил меня возле моего джипчика. Я попытался поблагодарить Юрика зелёным полтинником. Юрик от гоно-рара отказался, сказал, что ему всё равно надо было провер-ить новый мотор в деле, а благодаря мне подвернулась та-кая незабываемая возможность. Шутка ли – настоящая по-гоня! Да Юрика знакомые пацаны от зависти удавятся!

Когда Юрик отчалил, я ещё с минуту стоял в клубах ды-ма от горелой резины. Затем я отдышался, обошёл джипчик, оценил масштаб трагедии. Джипчик сидел на дисках, пото-му как все колёса испустили дух. Я позвонил пацанам из со-седней шиномонтажки, пригласил в гости к подстреленно-му джипчику. Пацаны приползли аж через четверть часа. Я заплатил двойной тариф, попросил не растягивать процесс до вечера. Пацаны надбавку за срочность взяли, вывесили джипчик на деревянных чурках, колёса забрали с собой.

Пока пацаны выковыривали из колёс гвозди да заделыва-ли от гвоздей дыры, я смыл с себя пыль-грязь, принял на грудь горячего чаю.

Пацаны с шиномонтажки работали в режиме “плати хоть сколько, а лень – она ведь к телу ближе”, потому всего через полтора часа после вызова шиномонтажников мой джипчик встал в строй. Той смене спорых мастеров я платить за сроч-

ность зарёкся.

После отъезда шиномонтажников я уселся за руль, взглянул на часы, насчитал тридцать две минуты после полудня. До обеда осталось всего полчаса, потому планы я перекроил. К претендентам в заказчики эсэмэски-убийцы – реализатору Димону и конкуренту Серому – я решил до обеда не заезжать. После обеда я мог уделить Серому и Димону времени куда больше. На сытое брюхо я мог беседовать с чувством, с толком, с расстановкой, а не гнать лошадей потому, что желудок зовёт к столу.

Всё, что я успел до обеда – это заехать к ветеринару за историей болезни мамыши. Заодно проверил балансировку колёс. Придраться к шиномонтажникам не получилось: колёса катились без шума и вибраций.

Дома я упрятал книгу описаний мамышиного нездоровья в сейф.

После трапезы я вздремнул. Приснились Димон и Серый. Оба твердили, что виновны по всем статьям.

*

*

Вещевой рынок “Южный” встретил тишиной, редкими покупателями и хмурыми продавцами. В будний день, когда торговля практически стоит, очень повезёт, если увидишь улыбку продавца. Большая редкость.

Будку номер сто я нашёл в конце первого ряда, в тупике. Топать пришлось метров триста. Пока дошёл, настроение

разговаривать пропало. Появилось желание присесть и выпить минералки. Какой покупатель доползает до конца ряда, я так и не понял. Как мамаша умудрялась на такой неудачной точке делать деньги?

В будке номер сто работник торговли играл на мобильнике в игрушку. Между работником и стулом лежала стопка новёхоньких джинсов. Свежесшитые штанины подметали пол. Ноги работник задрал на прилавок. Под пыльные, ни разу не стиранные кроссовки не забыл подложить две пары джинсовых курток без упаковки. Таких работничков надо скармливать домашним рыбкам ещё зародышами.

Глаза работника торговли смотрели кто куда. Я вспомнил оксанины описания того, кто завалил мамаше всю торговлю, и понял, что передо мной сидел реализатор Димон.

Я кашлянул. Димон натянул дежурную улыбку, сверкнул золотой фиксой. Левый Димона глаз смотрел мне в грудь, правый искал на моём лице желание без промедления купить джинсы.

Как ни старался, а экспресс-покупателя во мне Димон не разглядел. Улыбку Димон скомкал, фиксу спрятал. Через секунду реализатор вернулся к общению с мобильником.

Товар Димона я рассматривал минуты три. За это время реализатор даже не удосужился оторвать от мобильника взгляд, от стула задницу. Что уж тут говорить о том, чтобы предложить мне к примерке что-нибудь из того, на чём я задержал взгляд дольше всего.

Когда Димон оторвался от игрушки, и поднял недовольный взгляд на меня, я поздоровался кивком. Затем я протянул Димону визитку, чтобы понять, в какой глаз смотреть. Оксана сказала смотреть в правый, но я не уточнил, в правый глаз Димона, или правый относительно меня.

Димон рассмотрел визитку правым глазом, кивнул.

– Ксюха говорила, что вы придёте. Смотрите мне в мой правый глаз. А то многие теряются.

– Дима, на мам...

– Димон. Дима – это для моей мамы.

– Димон, на мамашу Оксаны работаете давно?

– Как слегла, так и работаю. С третьего мая. Скоро будет два месяца. Только работой это называла мамаша.

– А как это называете вы?

– Издевательством. Эксплуатацией. За работу платят деньги. А мамаша платила копейки. Я тут пашу как негр, за товаром мотаюсь, торгую, а она платила...

– Если вы торгуете хорошо, план выдаёте, то почему же она так плохо платила?

– Потому, что жлобиха. Я тут как негр...

– Значит, платила плохо. Почему ж вы не ушли? Разве нет хозяина, который бы платил лучше? Если вы такой классный работник, то и шефа хорошего для вас найти – раз плюнуть.

Димон замялся. Правый глаз Димона поссорился с левым, и они разбежались подальше друг от друга.

К будке под номером сто подошёл пацан. Окинул взгля-

дом товар Димона. Я посторонился, чтобы пацан мог подойти к прилавку вплотную. Пацан кивком выразил мне благодарность, перевёл взгляд на Димона.

– Почём у вас самые дешёвые джинсы?

Димон напустил на себя вид богатого купца. Так надулся, что чуть не лопнул. Когда корчить крутого надоело, Димон снизошёл до ответа.

– Дешёвыми джинсами здесь не торгуют. Иди на распродажу.

Пацан пожал плечами, спросил меня взглядом: “Что вы делаете возле этого придурка?”, отчалил с фырканьем.

Я вернулся на своё место у прилавка, улыбнулся реализатору-стахановцу.

– Димон, о том, что у мамы астма, вы знали?

– Кто ж этого не знал? Да она этой астмой и приступами задолбала! Когда я пришёл с первым отчётом, она начала орать, что я ей весь бизнес угроблю, если буду торговать так хреново. Тут и начался приступ. Чуть не склеила ласты.

Я начал рассказывать Димону, какую эсэмэску прислали мамаше. Димон остановил меня на седьмом слове, сказал, что передовицу в “Вечернем Андрееве” читал, в курсе дела, пересказывать не надо. Тогда я сказал, что узнал, когда и откуда эсэмэску заказали. Во взгляде Димона блеснул интерес.

Затем я спросил, где был Димон в понедельник, восьмого числа, в одиннадцать утра. Во взгляде Димона интерес сменился беспокойством. На вопрос Димон не ответил, лишь

пробубнил о праве каждого честного гражданина на личную жизнь.

Я пояснил, что раз Димон откровенничать не желает, то я могу решить, что Димону есть что скрывать. Если так, то мне не остаётся ничего другого кроме как сообщить о подозрительном поведении Димона следователю казённому. Следователь наверняка захочет в памяти Димона поковыряться. Будет ковыряться до тех пор, пока Димон не вспомнит, какого цвета памперсами козырял в роддоме.

У Димона в горле застряла небольшая стопка матов, не выше трёхэтажного дома сталинской постройки. Оба глаза чуть не начали смотреть в одну точку. Я уж было подумал, что излечил парня от косоглазия.

Димон спросил, не пора ли мне восвояси. Мол, жадные хозяева и так ни черта не платят, а тут ещё шляются всякие сыщики, да работать мешают! Я ухмыльнулся, выдал встречный: мол, когда я подошёл, Димон полчаса не мог оторваться от игрушки на мобильнике. Если Димон так работает со всеми клиентами, которые доползают до будки номер сто, то понятно, почему мамаша Димону платила так мало. С чего платить больше?

Димон встрепенулся, как петушок перед боем.

– Сами бы здесь весь день просидели, а потом...

– Вот именно, “просидели”. Как я понял, мамаша умела продать снег эскимосу, а вы ленитесь оторвать задницу от стула, даже когда здесь стоит очередь. Вы – тунеядец, Димон.

Работать не хотите, а зарплату вам подавай как у министра. О вашем отношении к работе я расскажу Оксане и Лёве. Пусть знают, какого дармоеда кормят.

– Стукачок!

Я бросил на прилавок визитку. Сказал, что на обратной стороне Димон найдёт мой адрес на тот случай, если захочет меня обозвать ещё раз. Тогда Димон может приехать ко мне домой, и обзывать, сколько душевнышке будет угодно. У меня дома свидетелей мало, потому сможем поговорить как мужик с мужиком. Я выразил надежду, что после беседы у меня дома с глазу на глаз Димон фильтровать базар научится.

Димон замер с раскрытым ртом.

Пока Димон не очухался, я посоветовал поискать свидетелей димонова алиби, ведь у Димона на то, чтобы послать мамаше эсэмэску, есть жирный мотив. Кто знает, быть может, Димон решил подкинуть мамаше невинную подлянку? Нет, убивать мамашу Димон не собирался. Нерадивый работник всего-то и хотел, что вогнать вечно недовольную хозяйку в очередной приступ на нервной почве. Однако эсэмэска вызвала смерть, и за простую шалость придётся ответить как за убийство.

Димон забегал косыми глазами туда-сюда. Я вспомнил, как выглядит хамелеон, когда смотрит в разные стороны. Мне показалось, что Димон готов к нормальному разговору, безо всяких выбрыков. Я решил момент не терять.

– Димон, что вы делали в понедельник, восьмого числа, в

одиннадцать утра, на автовокзале?

Глаза хамелеона бегать перестали, правый глаз воткнул острый взгляд мне в переносицу.

– Вы знаете и про автовокзал?

– Только это и знаю. Будет надо – узнаю больше.

– Как?

– Обойду автовокзал с вашей фоткой. Кто-нибудь да признает.

– Хм... Я... я там встречал родственника. Он живёт...

– Почему мне кажется, что вы врёте?

– До свидания!

Димон сделал вид, что я – пустое место. Я решил беседу с Димоном свернуть до той поры, когда найду, чем Димона прижать.

Напоследок я щёлкнул Димона на камеру мобильного. Разрешения у модели я не спросил. Если бы модель начала возмущаться, то я бы предложил подать на меня в суд.

Я повернулся к Димону спиной. Интерес к парню-хамелеону я на время потерял.

*

*

Димон позади меня сопел на весь рынок. Из будки напротив на меня смотрел мужик. Улыбался одной из тех улыбок, которые означают: “Классно ты ему выдал!”.

Мы поздоровались взглядами. Когда я подошёл, мужик через прилавок протянул мне руку. После обмена рукопо-

жаниями мужик чуть наклонился ко мне, обдал меня ароматом чеснока вперемешку с подмышечным потом, заговорил негромким баритоном.

– Я так понимаю, вы хотите поговорить и со мной?

Я кивнул. Мужик указал взглядом на проход между будками, забитыми товаром и продавцами.

– Может, отойдём?

– На кого оставите товар?

– Лучше спросите, от кого его защищать. Вы видите здесь хоть кого-нибудь, кроме продавцов?

Мужик вышел из будки, представился: “Серый, злостный конкурент мамыши”. Так и сказал. Безо всяких выкрутасов на тему “я был лучшим другом мамыши, потому я её не убивал”.

Мы двинулись по проходу между будками прогулочным шагом. Серый сказал, что мой разговор с Димом слышал до последнего слова, потому я могу время не терять, и сразу переходить к делу. Под конец Серый добавил, что на момент заказа эсэмэски алиби у злостного конкурента мамыши нет.

Я спросил, зачем Серому приспичило покупать у мамыши будку. После пятиминутного монолога Серого я узнал, что мамашину торговлю реализатор Димон практически завалил. Чтобы хоть как-то заработать, мамаша могла дать Димону команду, чтоб продавал дешевле Серого. Товар одинаковый, будки напротив. Зачем Серому с мамашей воевать? Одни проблемы и убытки. Проще будку выкупить.

Потому Серый и ходил к мамаше за согласием на продажу будки. Однако с мамашей договариваться было сложно. Серый ходил два раза, и оба раза получал отказ. Мамаша была упёртая, не то что её детишки – всем балбесам балбесы.

Под конец монолога Серый улыбнулся.

– У этих балбесов я куплю мамашину будку ещё дешевле, чем хотел купить у мамыши.

– Откуда такая уверенность?

– Ведь всё держалось на мамаше. Через пару недель у них бизнес завянет. Димон поможет, он тупой как валенок, торговать не умеет. Он мамашин бизнес завалит. После этого мамышины балбесики прибегут ко мне сами. А я начну вертеть носом. Собью цену до невозможности.

– Не бойтесь, что я передам ваши слова детишкам мамыши?

– Передавайте. Так они прибегут ко мне ещё быстрее. Всё равно они покупателя на мамашину будку не найдут. Разве что отдадут даром. Здесь все друг друга знают. Мне никто мешать не станет. Мы тут все повязаны. Будка мамыши считай уже моя.

– Другими словами, смерть мамыши сэкономила вам немало денег.

– Не столько, чтобы ради этого посылать ей эсэмэску. Так что подлавливать меня не надо. Да, после того, как мамаша умерла, проблем у меня стало меньше. Конечно, детишки могут цены скинуть, но это ненадолго, выдохнутся быстро.

Так что через месяц мамашина будка будет у меня. Хороший мотив, а?

– Куда уж лучше!

Затем я попросил Серого припомнить окончание последней встречи мамашы со злостным конкурентом. Серый дурачка не включал, сообразил, куда клоню, рассказал про приступ астмы, который прихватил мамашу в конце делового разговора с Серым. Причём приступ Серый описал в красках и деталях. Приступ со слов Серого выглядел таким диким, что Серый хотел вызвать “скорую”, но Оксана сказала, что управится сама, а вот Серому уже пора уходить. Серый упираться не стал, ушёл.

Я Серого выслушал, затем взял слово.

– Мамашу колотило ещё минут пять после вашего ухода. Вам повезло. Умри она тогда, пятно легло бы на вас. Ведь приступ начался из-за вас.

– За такое не садят. Вы говорите, что мамашу отпустило через пять минут? А где была Оксана?

– Рядом с мамашей.

– И никуда не отходила? Даже в туалет?

– Если верить Оксане, то нет. Я спрашивал.

– Надо же, какая терпеливая! Я бы не выдержал.

– У вас такой вид, будто вы что-то вспомнили. Что-то интересное для нашего дела?

– Нет, ничего я не вспомнил. Если я ушёл где-то в половине одиннадцатого, а мамашу колотило ещё пять минут, то

получается, что мамашу отпустило где-то без двадцати пяти, верно? А когда в неткафе заказали эсэмэску? В одиннадцать?

Я кивнул. Серый посмотрел в небо.

– Хм... А где находится неткафе? Сколько туда ехать от дома Оксаны на такси?

– Минут пятнадцать, если не в рабочую перевозку.

Серый задумался. Через минуту улыбнулся, только радости в той улыбке было как задорных ноток в похоронном марше. Причину мрачной улыбки Серый пояснил. Мол, понял, что попал под подозрение. Ведь Серый ушёл от мамашы за полчаса до заказа эсэмэски. Времени, чтобы доехать до неткафе, у Серого было навалом. Где Серый гулял в момент заказа эсэмэски, доказать не сможет. Что бы Серый ни сказал, нужны доказательства, свидетели. У Серого нет ни тех, ни других. Потому и говорить, где был, Серый не станет. Какой смысл?

Я напомнил, что у Серого наклюнулся неслабый мотив. Ведь Серый знал, что если мамаша умрёт, то детишки торговлю завалят. Значит, будку продадут Серому. Чужой в такой глуши будку не купит, а Серому выгодно иметь два магазина друг напротив друга с разными ценами на одинаковый товар. Как ни крути, а от смерти мамашы Серый выигрывал. Потому лучше бы Серому подумать, и свидетелей своего алиби таки найти.

Серый потёр затылок, предложил разговор закончить.

Алиби от пустой болтовни Серому всё равно не добавится, ну а мотив... Серый уверен, что такой мотив судью в худшем случае рассмешит. И по большому счёту Серому волноваться не о чём. Серый знает, что эсэмэску не заказывал, а потому спокоен.

На моё предложение оставить изображение фейса на память камеры моего мобильного Серый согласился без раздумий. Сказал, что я могу щёлкать мобильником хоть до вечера, и совать фотку Серого кому угодно. Мол, опознать в Сером заказчика эсэмэски сможет лишь больной на голову.

После фотосессии я с Серым расстался.

На выходе из рынка я подумал, что поход за уликами не удался. Как пришёл, так и ушёл: с одними подозрениями. Разве что подозрений добавилось. Димон оказался столь отпетым тунеядцем, что ненавидеть требовательную мамашу мог не только до эсэмэски, а и до открытого саботажа. Серый кроме досады на отказ мамыши продать будку получил ещё один мотив: смерть мамыши сделку не только ускорила, а и удешевляла.

Мотивов добавилось, вот только и Серый, и Димон навряд ли знали о мамышиной аллергии. Потому если эсэмэску и заказывали, то наобум, авось сработает. Даже минимальной уверенности в смертельном эффекте от эсэмэски ни у Серого, ни у Димона быть не могло. Со столь ненадёжным способом убийства ни один казённый следователь связываться не станет.

С другой стороны, ни у Серого, ни у Димона алиби на момент заказа эсэмэски не нашлось.

*

*

Для очистки совести я смотался в неткафе, показал админу фотки Серого и Димона. Ни того, ни другого админ не видел. Насчёт Димона админ заметил, что уж парня с такой свирепой косинкой во взгляде запомнил бы наверняка.

На выходе из неткафе я позвонил Оксане, спросил, когда дома будет Лёва. Оксана сказала, что Лёва подъедет к шести, и что ей надо со мной срочно переговорить. Я пообещал быть к шести. Оксана пообещала ждать с нетерпением.

Не успел я нажать на красную кнопку мобильного после разговора с Оксаной, как позвонил Димон. Когда Димон пролепетал “Драсьте!” я понял, что собеседник взволнован не на шутку. Я счёл разговор важным, попросил Димона секунду обождать, припарковался, затем разговор продолжил.

– Димон, что у вас стряслось? Голос у вас не ахти.

– Вы не могли бы на автовокзал с моей фоткой не ездить?

Или вы уже...

– Не успел.

– Отлично! Вы понимаете... Там, на автовокзале, есть миллиардная. У меня там должок. Если вы начнёте тыкать им мою фотку и про меня спрашивать, они могут подумать, что меня ищут и по другим долгам. Тогда они могут мне сказать, чтобы я вернул им долг срочно. А у меня денег нет.

– Хотите сказать, что восьмого в одиннадцать вы были в той бильярдной? Свидетели есть?

– Там есть камера. Они каждую партию, которую играют на деньги, записывают, чтобы потом лишних вопросов было поменьше. На записи есть время игры, чтобы напомнить тому, кто задолжал, когда он попал.

– Записи хранят долго?

– Пока не расплатится тот, кто проиграл. А я ещё не расплатился. Так что можно проверить по записи. Но... эээ... Как же вы проверите? Что скажете? Что ищете меня? Так ведь они сразу и подумают, что я должен кому-то ещё...

– Димон, выбирайте: или на вас падает подозрение в убийстве, или вы просите своих кредиторов показать мне запись той игры.

Димон думал секунд десять, затем дал адрес бильярдной. Добавил, что о моём приходе предупредит. Я спросил, почему Димон не сказал о бильярдной сразу, а тянул резину. Перед тем, как ответить, Димон пару секунд сопел, затем выдал длинную тираду. Если в двух словах, то Димон не хотел, чтобы о тяге Димона к игре в бильярд на деньги узнали машины детишки. За такое могут уволить, ведь у Димона на руках всегда есть хозяйские деньги. Как бы не спустил на игру... Но когда Димон понял, что обвинение в убийстве ему не улыбается ещё больше, чем увольнение, то решил позвонить мне.

Я спросил, что Димон делал в бильярдной в такую рань.

Ведь те, кто играет на деньги, в одиннадцать утра ещё спят. Димон ответил, что я не в теме. Та бильярдная на автовокзале, а там играют круглосуточно. Ведь на любом вокзале приезжих лопухов полно – так чего терять бабло, которое идёт в руки само?

Под конец разговора Димон с минуту упрашивал мамашиним детишкам о бильярде не говорить. Я сказал, что подставлять Оксану и Лёву не хочу, ведь рано или поздно Димон доиграется до того, что потянет денежки из хозяйской кассы. Если Димон работу потерять не хочет, то пусть либо в бильярд на деньги не играет, либо играет без долгов.

В ответ на моё предложение Димон скис, обвинил меня в жестокости, отсутствии милосердия... и если б Димон знал, что я чужие тайны хранить не умею, то про бильярдную бы мне не рассказал. На том Димон – чуть не в слезах по грудь – повесил трубку.

Я покатил в бильярдную, что на автовокзале.

Злачное местечко я нашёл в два счёта. Ещё бы не найти! По всей территории автовокзала на каждом дереве висели указатели для лопухов, у которых денег поди много, а ума поди мало.

Хитромордые держатели бильярдной принялись меня выспрашивать, зачем мне записи камер, не сборщик ли я долгов, и не задолжал ли постоянный клиент Димон где-нибудь ещё. Я сказал, что долги Димона меня не волнуют, а расследую я убийство. Слово “убийство” на мелких жуликов ока-

зывает магическое влияние: через две минуты после того, как я произнёс волшебное слово, я уже рассматривал запись, где Димон с кием в руке и без мозгов в голове сражался с бильярдистом-профи.

Судя по часам, что тикали рядом с датой в углу экрана, партию Димон начал в девять минут двенадцатого. Я решил, что если у Димона нет личного вертолёта с разрешением на полёты над городом, то заказать эсэмэску в одиннадцать, и затем вернуться на автовокзал Димон не успел бы даже при огромнейшем желании.

Я сказал держателям бильярдной, что если запись не подделка, то по моему делу Димон уже не проходит. Другими словами, я и моё расследование убийства оставляем Димона в покое. Так что камера Димону не светит, и должок Димон вернуть сможет. После моих слов заправили бильярдной выдохнули с облегчением.

В шесть я подкатил к седьмому дому по Конопатной, где Оксана пообещала ждать меня с нетерпением.

*

*

Не успел я подойти к воротам, как Оксана открыла калитку, пригласила во двор. Мы обошли лёвин жигуль, прошли к столу и стульям из пластика, стоявшим в тени ореха... И тут мне в голову шибанула умная мысль.

Я вспомнил, что в мой первый приход в комнате Лёвы на стене видел грамоты. Если верить Оксане, то до круассанов

Лёва обожал спортивное ориентирование. Мол, оббегал все окрестные леса.

Кто мог знать об узкой дорожке посреди леса? Тот, кто на той дороге, в том лесу бывал. Чего уж проще!

Вдогонку я вспомнил момент, когда белый жигуль-четвёрка после наезда на меня затормозил перед мусоровозом, которому приспичило разворачиваться и перегородить жигулю путь отхода. Тогда белый жигуль скрипнул тормозами, а в моей памяти завертелось нечто, что в мысль так и не превратилось. Что именно тогда завертелось в моей памяти, я, наконец, вспомнил: точно такой же скрип тормозов я слышал, когда тормозил жигуль не чей-нибудь, а лёвин.

Напоследок память прокрутила мне эпизод, когда Оксана говорила, что мне лучше подъехать на рынок к половине одиннадцатого. Тогда Лёва стоял рядом. То есть Лёва оксанины слова слышал.

Значит, Лёва знал, когда я примерно выеду из дому, чтобы отправиться на рынок. Знал, когда подкладывать под колёса моего джипчика гнутые гвозди. Имел кучу времени для превращения зелёного жигуля в белый с помощью легкосмываемой краски наподобие гуаши.

Всё это: лёвины грамоты, визг лёвиных тормозов да то, что Лёва знал время моего выхода из дому, я вспомнил за полтора мгновения.

В следующий миг я развернулся, услышал за спиной оксанино “Вы это куда?”, ответил: “Я на секунду”, подошёл к

лёвиному жигулю, в узком зазоре между фарой и кузовом нашёл труднодоступное для мытья место.

Присматриваться с лупой не пришлось. Белую краску на зелёном фоне мог не увидеть лишь слепой. Я подобрал с земли хворостинку, просунул в узкий зазор между фарой и кузовом, потёр белую краску. На хворостинку я даже не давил, лишь слегка прижал к кузову. Краска соскреблась без единого усилия.

В этот момент из дома вышел Лёва. С наглой мордой подошёл ко мне, ухмыльнулся, спросил, чего это я ковыряюсь в его машине ветками. Мол, не царапаю ли полировку?

В ответ я двинул кулаком по лобовухе жигуля. В месте удара триплекс покрылся густой сеткой трещин. Лёва отпрянул, выкатил глаза. Оксана вскрикнула. Я улыбнулся.

– Лёвушка, дурачок ты наш! В следующий раз, когда решишь придавить меня к асфальту, вспомни это стекло и представь на месте этого стекла свой череп. Как думаешь, что останется от твоей бестолковки?

Лёва сглотнул. Оксана подошла поближе, но не так близко, чтобы попасть под горячую руку Злого Сыщика, смерила меня взглядом человека, удивлённого до крайности.

– Ян, вы что творите? Зачем разбили Лёве стекло?

– Спросите своего братика.

Я подумал, что было бы поучительно настучать Лёве по балде, чтобы завязать узелок на память: мол, таранить людей машинами нехорошо, приводит к травмам головы, запомни,

баран. Затем я решил, что силы уж очень не равны. Потому для острастки всего лишь отвесил Лёве знатный подзатыльник.

В тот же миг я пожалел, что дал рукам волю: у Лёвы из носа хлынула кровь.

Кто бы мог подумать, что простой подзатыльник может вызвать фонтан кровищи!

Оксана вскрикнула, бросилась на меня с кулачками.

– Что вы делаете?! У него же с детства слабые сосуды!

Я увернулся от оксаниных кулачищ, помог Лёве лечь спиной на капот. Лёва запрокинул голову. Оксана убежала в дом, вернулась с пакетом ваты и пузырьком спирта. С проворностью медсестры Оксана свернула из ваты два тампона, сбрызнула тампоны спиртом, передала Лёве. Лёва воткнул тампоны в нос, застонал. На мой вопрос, зачем совать в нос спирт, ведь можно обжечь слизистую, Оксана сказала, что по-другому у Лёвы кровь не остановить, а на моём месте Оксана вместо того, чтобы умничать, поменьше бы распускала руки.

Когда страсти поутихли, и Лёва жестом дал понять, что всё в порядке, я заметил, что в пылу борьбы за лёвин нос я измазался в крови по самые уши. Я попросил разрешения вымыть руки. Оксана фыркнула, указала взглядом на дом: мол, иди, туалет найдёшь сам.

В туалете, когда вымыл руки, я вспомнил, что хотел узнать марку детского крема, которым пользовался Лёва.

Я осмотрел ванную комнату. Лёва мазал руки кремом сразу после душа. Значит, крем наверняка в ванной комнате. Вряд ли Лёва шёл после душа через весь дом к себе в комнату, чтобы там, и только там, намазать руки кремом.

Я угадал. Под умывальником, в столике, на нижней полке стояла початая коробка на двадцать тюбиков. Было похоже, что Лёва закупал детский крем ящиками.

Тюбик я сфотографировал камерой мобильного телефона.

Когда я вернулся во двор, Лёва сидел в кресле под орехом, мял в руке окровавленные ватные тампоны, смотрел в стол. Оксана стояла рядом, смотрела на меня взглядом из серии “Чтоб ты сдох, скотина! И зачем я только с тобой связалась?!”.

Я улыбнулся Оксане самой обаятельной улыбкой, на которую способен.

– Оксана, оставьте нас на пару минут.

– Нет! Вы его будете бить.

– Не буду. Обещаю. Идите.

Оксана взглянула на Лёву, тот кивнул: мол, иди. Оксана пожала плечами, ушла в дом.

Я сел напротив Лёвы.

– Лёва, ты хоть понимаешь, осёл, что мог меня убить? Я не о себе, мне было бы уже всё равно. А вот тебя, балбеса, могли из окон видеть сто человек. Ты бы сел, и надолго. Ты хоть об этом подумал, герой?

Лёва молчал, с усердием разглядывал столешницу.

До меня вдруг дошло, что Лёва наездом на меня спасал наверняка не себя, а Катю. Ведь я в последний разговор с Лёвой навесил на Катю довольно веские подозрения. Будь я на месте Лёвы, и люби Катю, то ради Кати я бы меня пере-ехал не только жигулём, а ещё бы и сделал контрольный пе-реезд катком, которым укатывают асфальт.

Я высказал догадку Лёве. Лёва перевёл взгляд на меня, затем потупился точнёхонько как на допросе у жены муже-нёк, что под утро приполз домой на рогах, весь в помаде и пропитанный запахами кабака, водки, и парфюмов.

Попытки вернуть Лёву к жизни я оставил. Не щёлкать же пальцами перед носом у человека, который забрался в скор-лупу да задраил все люки!

Я сказал, что Лёва свободен, и может позвать Оксану.

Лёва ушёл в дом.

Через минуту ко мне вышла Оксана. Села напротив, при-нялась сверлить меня взглядом злой гадюки. Я решил рас-ставить все точки над “ё”.

– Оксана, вам Лёва рассказал, за что я его стукнул?

– За что б вы его ни стукнули, вы не правы.

– Лёва хотел меня убить.

Оксана вскинула брови. Я в двух словах описал наезд на меня белого жигуля и те подозрения, что легли на Лёву. По-сле моего рассказа Оксана сменила личину злой гадюки на маску всё ещё злой, но уже Оксаны. Затем из-под маски злой Оксаны выглянуло смущение из разряда “я не знала, что всё

так серьёзно”.

Спустя пару секунд Оксана вернула себе прежний вид деловой клиентки, взяла слово.

– Ну, как там бабушкины дневники? Прочитали?

– Прочёл. И нашёл там кое-что интересное.

– Что?

– Говорить пока не буду. Сначала надо проверить.

– Вы мне не доверяете?

– Оксана, мы об этом уже говорили. С какой стати вам доверять? Согласитесь, будет гораздо объективнее относиться к вам как к рядовому подозреваемому. Тогда, если установлю вашу невиновность, то это будет невиновность настоящая, а не за ваши красивые глазки.

– Согласна.

– Другого вам не остаётся. По телефону вы сказали, что хотели со мной срочно переговорить. О чём?

– Лёва решил продать наш дом.

– Следовало ожидать. Когда сказал?

– Утром. Говорит, что если о письме от Дидье знают все, то и скрывать смысла нет. А заплатить за учёбу надо до августа. Потому решил пока не поздно продать дом и умотать в свою любимую Францию.

– Вполне трезвое решение.

– И где я буду жить?

– У вас на наследство права равные. Лёва может со своей половиной делать всё, что захочет. Вам придётся это принять

как есть. С другой стороны... Вы можете судиться с братом до скончания века. Выбирать вам.

Оксана ушла в астрал. Я уже почти спал, когда Оксана выпала из раздумий и сказала, что ей звонил Димон. Оксанин реализатор выказал крайнее недовольство частным сыщиком, что приходил на рынок после обеда. Димон сказал, чтобы Оксана сыщику не верила, если тот гад будет о Димоне что-то рассказывать. Мол, сыщик Димона достал, за что Димон сыщика послал подальше, и теперь сыщик может Димону исподтишка отомстить, и наговорить Оксане про Димона небылиц.

Я предложил Оксане гнать Димона в шею. Мол, таких реализаторов надо отстреливать за километр от рынка. Добавил, что Димон играет в бильярд на интерес, причём в долг. Что Димон сделает, если сумма долга зашкалит, или кредиторы потребуют вернуть должок немедленно? Где гарантия, что Димон не стырит у Оксаны и Лёвы товара на сумму долга? Если и попадётся, то скажет, что денег нет. Мол, вернёт с полочки. А сам смоемся в тёплые края. Оксане такой работник нужен?

Оксана закатила глаза в стиле “Мало мне проблем, так теперь ещё и это!”.

Затем Оксана замялась.

– Ян, я... Я подумала... Может, будку таки продать?

– На что собрались жить?

– Пойду в дворники.

– Вы даже знаете, с какой стороны держать метлу?

– Не издевайтесь, Ян. Мне не до шуток.

– Что случилось?

– Мне... Мне звонил Серый. Скотина, хотел меня шантажировать!

– Чем?

– Сказал, что восьмого числа был под нашим домом без десяти одиннадцать, и меня дома не застал. Намекает, скотина, что я могла в это время заказывать эсэмэску!

– Что хочет в обмен на молчание?

– Мамашину будку бесплатно.

– Хм, губа у Серого не дура. Вы согласились?

– Пока нет. Хотела посоветоваться с вами.

– Ну-ка, перескажите ваш разговор.

Оксана сказала, что Серый позвонил в половине пятого. Я подумал, что Серый времени даром не терял: позвонил Оксане сразу после того, как я покинул рынок.

Что Серый делал у дома Оксаны всего через двадцать минут после того, как получил последний мамашин отказ? Решил пойти обходным путём. Решил повлиять на мамашу с тыла, через Оксану. Хотел любыми путями уговорить Оксану на продажу будки, собирался даже предложить Оксане деньги. Ведь с мамашей говорить сложно: если упрётся, то её с места не сдвинешь и танком.

Если бы Оксана на продажу будки согласилась, то у Серого в стане противника появился бы свой человек. Если бы

Оксана изо дня в день капала мамаше на мозги “а не пора ли нам задуматься о продаже будки”, то у Серого появился бы шанс. Особых надежд на успех затеи Серый не питал, но вдруг получится?

Серый придумал переманить Оксану в то время, пока ехал от мамыши домой. Серый хотел Оксане позвонить, да как по Закону Бутерброда на мобильнике Серого разрядилась батарея. Потому Серый развернулся с полдороги, вернулся к дому мамыши. Начал звонить в дверной звонок. Когда дверь не открыли и на тридцать третий звонок, Серый подумал, что его видеть не хотят. Серый махнул на затею рукой, развернул оглобли, покатил домой. Раз открывать не захотели, то и говорить с Оксаной Серый передумал.

О том, что восьмого числа поцеловал замок мамышиной калитки, Серый не вспоминал аж до тех пор, пока от меня не узнал, что эсэмэска-убийца заказана именно восьмого числа, и всего через десять минут после того, как Серому не открыли на тридцать три звонка в дверь.

Тогда Серый подумал: а что, если на звонки Серого не открыли не потому, что не хотели видеть именно Серого, и даже не потому, что не хотели открывать кому бы то ни было другому, а потому, что в тот момент никого, кто бы мог открыть, в доме попросту не было? Ведь мамыша парализована, а Оксана могла не сидеть с мамашей, как утверждала, а ехать в неткафе.

Вот тут Серый и решил отщипнуть нехилый кусочек от

жирного пирога. Вдруг получится? Серый позвонил Оксане, разложил всё по полочкам, по минутам, чтобы у Оксаны сомнений не осталось. Затем сказал, что жадничать не станет, согласится в обмен на молчание всего-то принять мамашину будку в дар. Мол, что Оксане лучше: куковать в камере неизвестно сколько лет, или потерять будку, что приносит и без того никакой доход?

Когда Оксана закончила, я спросил, почему Серый, когда восьмого числа звонил в дверной звонок тридцать три раза, не додумался позвонить Оксане на мобильник? Ведь чего проще набрать номер и попросить Оксану выйти да открыть дверь. А вдруг у Оксаны в доме выбило пробки? Тогда на кнопку дверного звонка можно давить хоть до посинения пальца.

Оксана посмотрела на меня с немалым удивлением, затем напомнила, что у Серого на мобильнике разрядилась батарея, потому позвонить не мог. Оксана добавила, что сказала об этом в самом начале рассказа, и чем я слушал, Оксана уже догадалась.

Я потёр затылок, признал, что слушал боком. Я не стал говорить Оксане, что переспросил для того, чтобы проверить, не ослышался ли насчёт разряженной батареи.

Когда Оксана подтвердила, что со слухом у меня порядок, я подумал, что Серый по поводу севшей батареи мобильника наверняка не врал. Ведь мобильник Серого ответил на запрос оператора в десять тридцать, затем отключился. Теле-

фонист, когда мне это сообщал, решил, что или трубку выключили, или села батарея.

Конечно, Серый мог трубку выключить, и смотреться в неткафе. Но тогда откуда взялись основания для шантажа? Если эсэмэску заказал Серый, то как он мог Оксане утверждать, что ему не открыли на звонки в мамашину дверь за десять минут до заказа эсэмэски? Если Серый тридцать три раза в дверь не звонил, то шантажировать Оксану нечем.

Позвонить в калитку мамыши, и затем заказать эсэмэску Серый – если он не волшебник – не мог. Если Серый стоял у дома Оксаны без десяти одиннадцать, то до одиннадцати – момента заказа эсэмэски – долететь до неткафе на машине без мигалки и сирены Серый не успел бы ни за какие коврижки. А ведь надо не только до неткафе добраться, но и обменяться парой слов с админом неткафе, получить разрешение сесть за конкретный комп, войти на нужный сайт, набрать текст эсэмэски, да под конец эсэмэску заказать – итого минуты три-четыре как минимум, а то и пять-шесть.

Если Серый эсэмэску заказывал, то с шантажом блефовал. Если шантаж Серого основан на реальных событиях, то Серый в смерти мамыши не виновен. Если Серый в мамашину дверь за десять минут до заказа эсэмэски таки звонил, да ещё не раз и не два, то где в тот момент околачивалась Оксана?

Я решил вокруг да около не ходить, а спросить Оксану в лоб: мол, где была? Спросил. В ответ получил насмешливый взгляд и длинный рассказ о дверном звонке.

Для начала Оксана заметила, что, несмотря на моё доверие наговорам Серого, Оксана восьмого числа сидела рядом с мамашей. Даже в туалет, и в тот не отлучалась аж до обеда. Если бы Серый звонил, то Оксана бы услышала. На то он и дверной звонок, чтобы его слышать по всему дому, а не только с трёх сантиметров да со слуховым аппаратом. А вот с улицы звонка не слышно. Потому тот, кто давит на кнопку звонка, не знает, звякнул в доме колокольчик или нет.

Если Серый и утверждает, что в дверь звонил, то это всего лишь означает, что Серый давил пальцем на кнопку звонка. Звякнул ли при этом в доме колокольчик, Серый ни знать, ни тем более утверждать не может. Давить на кнопку Серый может хоть с утра до вечера, а те, кто в доме, звонка не услышат. Ведь звонок-то с секретом, о котором Серый не знал.

Когда-то, в то время, когда оксанин отец ещё был жив, по району, где живёт Оксана, слонялись бродяги. Звонили в двери, просили то водицы, то обедков. Отцу эта катавасия со звонками по десять раз на дню и беготнёй к воротам – вдруг пришёл в гости кто из знакомых? – надоела, и тогда отец кнопку дверного звонка модернизировал.

Отец установил в кнопку дополнительные контакты и вторую пружину, более мощную, чем та, заводская. С тех пор чтобы позвонить, надо давить на кнопку звонка сильнее. Даже не сильнее, а довольно-таки сильно. Иначе, если нажимать кнопку по-старому, то новые контакты не замкнутся, и звонка не будет. При этом звонящий будет уверен, что зво-

нит, ведь кнопка упёрлась. Кто додумается давить ещё сильнее?

В итоге бродяги жали на кнопку звонка по-старому, звонок не срабатывал, и нервы домочадцам по десять раз на день не трепал.

Соседи о хитром звонке знают, знакомые тоже, а посторонние могут звонить хоть до опупения. Если в доме мамыши ждут кого-то постороннего, то просят гостя, чтобы звонил с мобильного: мол, я пришёл. Если у гостя мобилки нет, то гостя встречают у ворот.

Закончила Оксана вопросом.

– Вот вы, Ян, заметили, что я вас всегда встречала?

Я кивнул. Оксана продолжила.

– Это потому, что вы могли не дозвониться. Оба раза, когда Серый приезжал, его встречали. В первый раз Серому открывала Катя, во второй – я. Можете у него спросить. О том, что у нас звонок с секретом, Серый не знал. Так что пусть впаривает свои сказки кому-нибудь другому.

– Бедняга Серый! Мужик раскатил такую губищу, а вы его так жестоко обломили! Не жалко?

Оксана улыбнулась. Затем посерьёзнела.

– Ян, вы теперь меня подозреваете ещё больше?

– Потому, что вы не открыли Серому?

– Что могла быть не дома, а в неткафе.

– Это я мог допустить и раньше. Вот если у вас ещё был бы мотивчик такой же жирный, как у Лёвы... А ваш мотив

до лёвиного не дотягивает. К тому же вы на меня машиной не наезжали.

– Что, с Лёвой всё так серьёзно?

– Будем посмотреть. Пока сказать не могу.

– Ян, что мне делать с Серым?

– Если хотите, я могу с ним поговорить.

– Да, пожалуйста. Если этот урод доставать меня перестанет, я вам доплачу.

– Я у вас на службе, так что доплачивать не надо.

– Как мне с вами повезло!

Пока меня не перехваляли, я засобирался.

Оксана провела меня до ворот. Я вышел на улицу, взглянул на кнопку звонка. Кнопка как кнопка. В жизни бы не сказал, что с секретом. Оксана мой взгляд перехватила, улыбнулась, жестом предложила утопить пуговку звонка. Я отказываться не стал. Утопил. Навострил уши. Услышал тишину. Утопил пуговку ещё раз. Та же тишина.

Оксана сказала мне обождать, ушла в дом, через несколько секунд то окно, что было к воротам ближе всех, распахнулось. В проёме показалась Оксана, предложила позвонить. Я нажал кнопку звонка. В ответ – тишина. Я вдавил пуговку с силой куда большей, чем надо бы. Почувствовал, как кнопка ушла на пару миллиметров глубже, чем прежде. В тот же миг из раскрытого окна до меня донеслась трель звонка.

Достоверности ради я нажал кнопку ещё пару раз: как жмут обычные люди, и как жмут те, кто о секрете звонка зна-

ет. В первый раз ответом мне прозвучала тишина, во второй – трель звонка.

Оксана улыбнулась, сказала, что так и думала, что я звонок проверю. Я развёл руками: мол, такой уж я Фома.

Я махнул Оксане на прощание, сел в джипчик, покати́л домой. Посередине пути вспомнил, что обещал Оксане поговорить с Серым. Чтобы не отвлекаться от дороги, я прижал джипчик к бордюру, заглушил мотор, позвонил Серому.

Серый снял трубку без промедления. Я попросил Серого вспомнить: когда он приезжал к мамаше первые два раза, то звонил ли в дверной звонок? Серый вспоминал секунд десять, затем ответил, что за первый раз сказать не может, потому как не помнит, а во второй приезд его встречала Оксана. Открыла калитку ещё до того, как Серый подошёл к воротам. Сказала, что услышала, как подъехала машина Серого, потому и пошла открывать.

Я вкратце объяснил Серому секрет мамашиного звонка, и посоветовал в следующий визит к Оксане давить на кнопку посильнее, иначе не откроют.

Затем я Серому напомнил, что шантаж – штука наказуемая. Кроме того, дал Серому понять, что если эсэмэску заказала таки Оксана, то за попытку скрыть инфу о преступлении Серому светит ещё один неслабый нагоняй. В конце сеанса ликбеза я поинтересовался, насколько у Серого сильно желание следующие несколько лет разглядывать небо сквозь маленькое зарешёченное окошко. В ответ Серый меня немедля

заверил, что номер Оксаны забыл напрочь. На том точку и поставили.

Я покатил в магазин мыльно-рыльных принадлежностей. Зря, что ли, память моего мобильника хранила внешность тюбика с лёвиным детским кремом?

В магазине – после того как я показал девчонкам-продавицам фотку тюбика – меня послали в аптеку. Мол, в тот крем добавляют специальные заживляющие компоненты, и продаётся такой крем только в аптеках.

Вдогонку продавицы спросили, на кой чёрт мне покупать именно тот – архидорогой – крем в аптеке, если народ берёт обычный – дешёвый – в магазине, и результатом доволен. Я ответил, что у моего клиента дико сохнет кожа. Тогда продавицы хором заявили, что в таком случае мне надо только в аптеку. Мол, тот – аптечный – суперкрем создан специально для заживления трещин на чрезмерно сохнувшей коже.

В ближайшей аптеке за тюбик крема со спецдобавками с меня содрали как за два тюбика крема, замешанного по обычной рецептуре.

С одной стороны вышел убыток, зато с другой я мог выиграть, ещё и как! Ведь если на дневнике лёвиной бабушки следы именно того крема, который я купил по спеццене, то ткнуть Лёву носом в улику труда не составит. Таким дорогущим кремом пользуются далеко не все, и в число редких почитателей лечебного крема, как ни странно, входит Лёва.

Как Лёва объяснит, что именно такой редкий для простого обывателя крем оказался именно на том дневнике, где сказано про мамашину аллергию?

*

*

Дома после душа, ужина и чая я взялся за эксперимент.

Я вынул из сейфа сокровище – дневник лёвиной бабушки. Раскрыл на странице, где упоминалась аллергия, и где в уголке страницы красовалось жирное пятно, положил дневник на стол.

Когда я склонился над дневником, чтобы ещё раз поблизи рассмотреть жирное пятно, то у меня возникло чувство, будто чего-то не хватало. Я повертел дневник, рассмотрел и так и эдак. Дельных мыслей не добавилось, а чувство нехватки чего-то важного только усилилось.

Я оставил в памяти зарубку: мол, что-то вертелось в голове насчёт дневника, а что, я не понял.

Затем я достал из чемодана дневник, датированный тем же годом, что и дневник с жирным пятном на странице, раскрыл где раскрылось. Бумага в обеих тетрадках по качеству совпадала. Я решил, что в общих чертах чистоту эксперимента соблюсти удастся.

Я нанёс на руки крем, поморщился от резкого запаха, потёр ладони, дал крему впитаться в кожу. Затем я начал листать страницы того дневника, что достал из чемодана. На третьей странице я убедился, что мои пальцы жирных пя-

тен не оставляют. Я перевернул одну страницу туда-сюда три раза. Там, где держал страницу пальцами, появилось едва заметное пятнышко. Я сравнил пятно, оставленное моими пальцами, с пятном, что оставили чужие пальцы в дневнике, где говорилось про аллергию. Чужое пятно выглядело куда ярче. Я решил нанести на руки слой крема потолще.

Схожести пятен от пальцев моих с пятном от чужих я таки добился. Для этого пришлось намазать руки кремом так, что страница чуть не выскользнула из пальцев. Я подумал: это ж как должна сохнуть кожа, чтобы мазать руки таким толстым слоем крема! С таким слоем крема на руках можно перепачкать всю одежду. Всю жизнь работать на порошок для стиралки... Бедный Лёва!

Эксперимент завершился выводом: Лёва пролистывал дневник без остановок, потому как за исключением одной все страницы дневника остались без жирных пятен. На странице с аллергией Лёва задержался. О мамашинной аллергии Лёва читал без спешки, потому и оставил на странице приличное жирное пятно. Ведь если страницу в пальцах, намазанных кремом, задержать надолго, то пятно на бумаге останется.

Я стёр крем с рук, скомкал салфетку, и уже собрался салфетку выбросить, как вспомнил, что меня смутило, когда я вынул дневник из сейфа и раскрыл на странице с жирным пятном. Я понюхал салфетку. Понятное дело, салфетка пахла детским кремом. Затем я понюхал дневник, что вынул

из сейфа. Я почувствовал запах. Я обнюхал всю страницу с жирным пятном, пятно обнюхал трижды. Запаха детского крема пятно не источало.

Я задал себе вопрос: почему накануне от дневника разлило детским кремом за версту, а всего через сутки я не смог уловить ни единой молекулы запаха?

На всякий пожарный я выдраил руки с мылом, вышел с дневниками на балкон, где воздух уличный да кремом не пропахший. Я понюхал страницы того дневника, который вымазал кремом в ходе эксперимента. Запаха крема учуял немедленно. Я понюхал дневник с жирным пятном от чужих пальцев. Запаха не ощутил ни на грамм. Прошлым вечером запах был, а всего через сутки запах уже выветрился?

Можно было бы не удивляться, если бы дневник сутки пролежал раскрытым на странице, где жирное пятно. Ан нет, дневник лежал закрытым. Мало того, дневник провёл почти сутки в сейфе. Другими словами, дневник лежал в закрытом пространстве, без сквозняков, способных выветрить запах.

Как же в таком случае запах сохранился, когда я привёз дневники домой? Ведь если дневник листал Лёва, то листал вряд ли позже восьмого числа, то есть не позже момента заказа эсэмэски. Значит, запах на странице с жирным пятном должен был сохраниться в течение минимум двух недель. Но, судя по дневнику из сейфа, запах испарялся куда быстрее, чем за две недели. С момента, когда я сунул дневник в сейф, и когда страница ещё пахла кремом, и до момента,

когда я вынул дневник из сейфа, прошли всего лишь сутки.

Не читал же Лёва дневник каждый день вплоть до того вечера, когда дневники забрал я! Если читал, то зачем?

В голове, в районе, где зарождаются умные мысли, что-то шевельнулось. Я попытался ухватить зародыш мысли за хвост, но тот исчез.

Я выгрузил из мозгов лишние думы, взамен загрузил вопрос “Зачем Лёва читал дневник после заказа эсэмэски?”. Чтобы время, пока скрипят извилины, использовать с толком, я принялся готовить ещё один эксперимент. Я решил проверить свою память. Зачем? Я засомневался, слышал ли я запах крема накануне, когда впервые листал дневник, где про аллергию. Ведь мне могло почудиться. Бывает всяко. Утверждать, что от дневника несло кремом, я не мог. Вдруг показалось?

Со мной могло сыграть злую шутку обыкновенное предубеждение. Я помнил резкий запах крема от рук Лёвы, знал о письме-торопилке от мсье Дидье, держал в уме катину версию об аллергии, подозревал Лёву по всем статьям, и тут на странице дневника, где сказано об аллергии, я увидел жирное пятно! Не мудрено, что запах лёвиного крема я таки услышал. Что, если я услышал всего лишь то, что услышать захотел?

Конечно, я мог поклясться, что накануне, когда я нюхал дневник, мне сверлил нос запах крема, и крема лёвиного. Но запах исчез. Как я смог бы доказать, что у меня с нюхом

порядок, если бы запах понадобился в качестве улики?

Я должен был убедиться, что страница дневника кремом таки пахла, и моё предубеждение поправок в реальность не вносило. Заодно решил узнать, если запах конкретного крема выветривается, то за сколько часов. Особой нужды в такой точности я не видел, но унять зуд исследователя не смог.

Из чемодана я вынул двадцать четыре дневника – по числу часов в сутках. Ведь запах – если он был – выветрился за то время, пока дневник лежал в сейфе, то есть примерно за двадцать четыре часа.

В уголок одной страницы в каждом дневнике я посадил по жирному пятну. Я старался пятна оставлять примерно одинакового размера и степени жирности. В образцы для бумагомарания я взял то пятно, что красовалось на странице с упоминанием аллергии.

Когда управился, сложил дневники стопкой. Затем я понюхал жирное пятно на странице того дневника, что лежал поверх всех. Запах показался ярким и сочным. Я уложил стопку подопытных дневников в сейф, закрыл дверцу. Я планировал каждый час доставать из сейфа одну тетрадку и нюхать жирное пятно. Если, к примеру, на седьмом дневнике запах пропадёт, то примерное время, за которое запах выветривается – семь часов.

Уже когда закрыл сейф на замок, я понял, что с количеством дневников переборщил. Мог вместо двадцати четырёх обойтись и восемнадцатью, ведь я бодрствую не круглые сут-

ки. Я ведь ещё и сплю, а вставать среди ночи каждый час и нюхать дневники мне что-то не улыбалось.

Даже если использовать всего восемнадцать тетрадок, то и в этом случае я, как обычно, всё усложнил. Мог и не заводить канитель с двумя десятками тетрадок, а обойтись и одной. Но тогда я рисковал получить не реальное время выветривания запаха, а меньшее. Ведь запах мог выветриваться в процессе эксперимента с каждым разом, когда я открывал бы дневник для понюшки. То есть погрешность в результат измерения я вносил бы самим процессом измерения – древняя проблема всех исследователей.

Пока возился с тетрадками и кремом, перед глазами то и дело всплывала страница дневника, где говорилось о мамашиней аллергии. Я не мог понять, с какой стати ко мне прицепилось то видение. Та страница с жирным пятном всплывала перед глазами раз за разом, и хоть ты её тресни!

Наконец я вспомнил, что такие наваждения бывают, когда нечто из моей памяти пытается ко мне достучаться. Я сел, расслабил тело, напряг мозги, на время напряга выгрузил прежнюю задачу – вопрос “Зачем Лёва читал дневник после заказа эсэмэски?”.

Свято место пусто не бывает, и взамен выгруженного вопроса автоматом загрузился следующий: “Откуда к Лёве пришла уверенность в том, что мамашу аллергия убьёт?”. Да, когда мамаше стукнуло три года, аллергия чуть мамашу не прикончила, но то было сто лет назад. Откуда Лёва узнал,

что детские болячки возвращаются? Спросил врача?

Когда подумал о враче, мелькнула мысль: где-то я вопросы врачу уже видел, и те вопросы моя память каким-то образом увязала с Лёвой.

С минуту в голове вертелись страница дневника, аллергия, запах псины, собачья шерсть, медсайт... Когда сознание добралось до медсайта, я остановился, начал припоминать, где за последнее время я мог встречать сайт про медицину. Смутное предположение переросло в уверенность, что имя Лёвы в связи с чем-то интернетно-медицинским где-то уже мелькало.

И тут я вспомнил про ссылку на медсайт, которую видел, когда просматривал копию диска с ноута Лёвы. Что-то такое про медбратьев...

Я присел к компу, запустил эмулятор операционки, подключил виртуальную копию винчестера лёвиного ноута, в поле для ввода пароля ввёл “с-е-к-р-е-т-н-ы-й-п-а-р-о-л-ь-л-ё-в-ы”, вошёл в лёвину систему, открыл журнал посещённых сайтов.

Через пару секунд поисков я откопал ссылку на страницу сайта “Медбратия-точка-ру”. Я подключился к интернету, прошёл по ссылке на страницу, что посещал Лёва.

Сайт “Медбратия-точка-ру” оказался форумом медбратьев, “курилкой для своих”, где трепятся о работе, и иногда отвечают на вопросы залётных дилетантов от медицины. Ответить вопрошающему мог любой желающий, а не толь-

ко медбрат из числа коренных форумчан, достаточно зарегистрироваться на форуме.

На той странице, что посещал Лёва, висели вопросы тех, кто в медицине ни бум-бум, но хотели узнать у спецов о том о сём. Вопросы задавались по принципу “у кого что болит – тот о том и говорит”. Спрашивали кто о чём: кто о способе выведения бородавок, кто о препаратах для заживления глубоких порезов на родинках, кто о влиянии интенсивности солнечных протуберанцев на пол свежезачатого – всего-то час назад! – ребёнка.

Почти в конце длиннющей страницы, после вопросов о способах выведения юношеских угрей меня ждал сюрприз. Когда в воскресенье я перелопачивал ссылки в лёвином журнале посещённых сайтов, я на ту страницу заходил. Тогда дочитать до конца страницу с вопросами о прыщах да методах борьбы с глистами у меня терпения не хватило. Я не мог и представить, что в вопросы о гнойничках да жировичках мог затесаться вопрос об аллергии на шерсть немецких овчарок.

Таки затесался. Посетитель форума с ником Пёсик пожелал узнать, что будет с тёткой пятидесяти лет от роду, которая слегла с дикими приступами астмы, если дать тётке понюхать клочок шерсти немецких овчарок при условии, что тётка в детстве страдала от сильнейшей – пару раз чуть не умерла – аллергии на шерсть немецких овчарок.

Ответ пользователю с ником Пёсик пришёл пространный: “Что за садистский вопрос? Ваша тётка покинет этот мир

через несколько минут. Аллергия вызовет приступ астмы и усилит его многократно. Спасти тётку не успеете. Приступ будет короткий, но мощный. Держите овчарок от тётки подальше! Плюс к этому с возрастом подобные болячки обостряются. Если в детстве ваша тётка от аллергии не умерла только чуть, то уж в пятьдесят-то она умрёт точно. В общем, встреча с девушкой в чёрном балахоне и с остро заточенной косой вашей тётке гарантирована”.

Хочувсёзнайка с ником Пёсик задал вопрос вечером шестого июня. Ответ Пёсику пришёл утром седьмого. Вопрос об овчарках задан в субботу, ответ пришёл в воскресенье, а эсэмэску-убийцу кто-то заказал в понедельник. Вот и вся недолга.

Я проверил время создания на ноуте Лёвы ссылки на страницу с вопросом об овчарках. Ссылка появилась на лёвином ноуте в восемь вечера. Другими словами, Лёва впервые зашёл на ту страницу за три минуты до появления вопроса. Почти двухсот секунд вполне хватит, чтобы зарегистрироваться на форуме, а затем заготовленный вопрос набрать на клавиатуре и отправить на форум.

Вопрос задан в три минуты девятого. В восемь вечера по традиции Лёва идёт плескаться в душ. Задал вопрос на тему “как прикончить мамашу?”, и потопал купаться. Почему нет?

Всё сходилось. Плюс ко всему Лёва объявил о решении продать мамашин дом. Мамаши нет, наследство в руках, что

Лёве для полного счастья надо ещё? Только продать дом и отхватить свою половину. Ведь Лёве нужны деньги. Лёва рвётся в Париж.

Я подумал, что продать мамашин дом Лёва решил задолго до мамашиной смерти.

Мелькнула мысль: а не залезть ли в лёвин почтовый ящик ещё разок? Вдруг Лёва консультировался со спецами не только на форуме медбратьев, а я такую жирную улику прозевал? Лёвину почту я уже проверял, но на подобное письмо мог тогда не обратить внимания: не знал, что искать.

На просмотр лёвиной корреспонденции ушёл чуть ли не час. Как я ни старался, а письма-компромата на тему “овчарки и аллергия” не нашёл. Я решил, что если письмо и было, то Лёва мог такую явную улику стереть. Письмо стёр, а про ссылки в журнале посещённых сайтов не подумал.

Я так увлёкся, что чуть не прозевал первую понюшку подопытного дневника. Я глянул в угол монитора, на часы. Цифри показывали девять вечера. Я загрузил дневники в сейф в восемь. Стало быть, пришла пора проверить нюх.

Я отложил лёвину корреспонденцию в сторону, достал из сейфа дневник, понюхал подопытную страницу. Запах детского крема если чуть и выветрился, то я этого “чуть” не заметил. Интенсивность запаха осталась на том же уровне, что и в тот момент, когда я мазал дневник кремом. Другими словами, за час лежания дневника в сейфе запах со страницы не испарился.

Отработавший своё дневник я отправил в чемодан, затем вернулся к вопросу-ответу на форуме “Медбратия-точка-ру”.

Подозрения, что я навесил на Лёву, оставались всего лишь подозрениями. Фактов, подтверждающих, что вопрос об овчарках задал именно Лёва, я не имел. Да, я знал, что на ноуте Лёвы сохранена ссылка на страницу с вопросом об овчарках. Но я не знал, задавал ли вопрос Лёва.

Ведь Лёва мог на страницу с вопросом наткнуться случайно. Или не случайно. Спросил у поисковика, как связать немецких овчарок с мамшиной аллергией, да в результатах поиска получил ссылку на страницу форума “Медбратия-точка-ру”. Случайно Лёва наткнулся на страницу или нет, а если вопрос задавал не Лёва, то мою улику мне засунет куда следует любой студент первого курса, что только-только начал изучать адвокатское дело.

Тот факт, что вопрос об овчарках задан почти в тот же момент, когда на ноуте Лёвы сохранилась ссылка на страницу с вопросом, мог говорить о том, что вопрос задал Лёва.

Тот же факт мог говорить и о том, что произошло роковое совпадение: в момент, когда Лёва случайно зашёл на страницу форума, кто-то задал вопрос об овчарках, затем Лёва страницу обновил, ведь могла зависнуть недозагруженной. В итоге на ноуте Лёвы временем первого посещения страницы значилось время первого захода, а не время обновления страницы. А вопрос об овчарках – пока Лёва обновлял стра-

ницу и ждал новой загрузки – задавал какой-нибудь Пупкин из Гондураса.

Как доказать, что вопрос задавался с ноута Лёвы?

Я засел за письмо админу форума “Медбратия-точка-ру”. В двух словах объяснил, кто я да что я: мол, так и так, тружусь частным сыщиком, хочу знать адрес компа, с которого в такое-то время на такой-то странице “Медбратии” задали такой-то вопрос. Я предположил, что адрес компа-вопросителя наверняка временный, потому меня интересует хотя бы зона, из которой пришёл вопрос, а там я разберусь. В постскриптуме я добавил, что готов за инфу заплатить аж десять баксов.

Мне показалось, что с письмом я управился быстро. Когда глянул на часы, то с удивлением узнал, что на сочинение послания админу “Медбратии” ушло полчаса.

Я отправил письмо, вышел на балкон подышать свежим вечерним воздухом.

На моё счастье мимо проходил подвыпивший сосед. Увидел меня, подошёл к балкону, сел на уши. Я не сопротивлялся: надо ж когда-нибудь послушать и за жизнь, а то всё улики да доказательства...

Когда сосед душу излил да потопал восвояси, я глянул на часы. Насчитал сто двадцать минут до полуночи. С момента загрузки дневников в сейф прошло два часа. Я понюхал очередной дневник. Запах детского крема ослаб, но лишь на мизер. Я проверил почту. Великому Сыщику прислали два

письма спама.

Спать на удивление не хотелось. Зуд нетерпежа – когда же запах выветрится? – отгонял не только сон, но и желание думать о чём-либо кроме дневников, что парились в сейфе. Да и ответ от админа “Медбратии” так и не пришёл.

Я провёл ревизию мыслехранилища. В голове носилась пустота, со звоном отражалась от стенок черепа. Умные мысли мою гениальную голову оставили в полном покое. Не долго думая я плюнул на реал, ушёл в виртуал: загрузил любимую стрелялку, отдался во власть кукловодов, что придумали для меня сказочку, где я – герой, и у меня всё получается, а если что-то идёт наперекосяк, то я всегда могу переиграть.

Из стрелялки я вывалился в одиннадцать. Проверил почту. В папке “Входящие” насчитал ноль писем. Даже спама – и того не нашёл. Затем я понюхал очередной дневник из сейфа. Запах крема потускнел чуть не вдвое, если можно определить двукратное ослабление запаха. Затем я вернулся к участию в боевых действиях на виртуальных полях сражений Второй Мировой.

В полночь я решил, что играть два часа кряду – это чересчур. Так можно забыть, где живёшь – в игре или в реальной жизни.

Я проверил почту, поглазел на нолик напротив папки “Входящие”, выключил компьютер, понюхал четвёртый дневник. Через четыре часа томления тетрадки в сейфе от запаха остались далёкие воспоминания. Я смог уловить уже

не запах, а дохлую отдушку.

Когда я впервые открыл дневник накануне, то слышал запах не слабый, а довольно-таки ядрёный. То есть тому запаху от роду было всего-то около трёх часов, но наверняка меньше. Накануне я открыл дневник после того, как вернулся от мамашиних детишек с чемоданом тетрадок в клеточку, то есть около шести вечера, может, даже чуть позже. Значит, Лёва открывал дневник не раньше трёх дня, перед самым моим приходом, если не в то самое время, когда я разговаривал с Оксаной. Но в тот момент Лёва, со слов Оксаны, давил храпака. И зачем Лёве перечитывать дневник перед самым моим приходом?

Быть может, Лёва листал дневник перед тем как отправиться на боковую? У Лёвы почитать о мамашиней аллергии перед сном – некий ритуал? Иначе не заснёт? Если для того, чтобы заснуть, Лёва читал дневник бабушки, где та описывала смертельную болячку лёвиной мамы, то снотворное у Лёвы довольно оригинальное.

Я понял, что запутался. Захотелось со злости сплюнуть. Хорошо, хоть вовремя сообразил, что сию дома, а под ногами чистый пол. И на кой чёрт мне сдалось выяснять, за сколько часов запах выветрится из дневника?! Только потерял кучу времени!

Я тряхнул головой. Говорят, помогает распутать извилины. Мне не помогло. Наоборот, я вспомнил вид заспанного Лёвы, которого встретил в коридоре, когда я и Оксана шли за

дневниками. Лёва выглядел не читателем дневников, а любителем придавить массу часика этак два-три подряд.

Мусорное ведро с шелестом полупустого пакета приняло мой плевок Злого Сыщика, а я вновь загрузил в мозги вопрос “Зачем Лёва читал дневник после заказа эсэмэски?”. Затем я вопрос переиначил: “Зачем Лёва читал дневник перед моим приходом?”.

Я отложил мозголомку на утро. Всё же вечер утра тупее.

*

*

Эксперимент закончился в пять утра. Сразу после подъёма я достал из сейфа очередной дневник, понюхал страницу с пятном от крема. Чуда не произошло. Кремом страница не пахла, как не пахло в моих мозгах ответами на вопросы, поставленные вечером. Варить лучше вчерашнего котелок не начал, и утро – что вечера мудренее – не помогло.

Я запустил комп, проверил почту. Во “входящих” меня ждало письмо от админа “Медбратии”. Настроение чуть приподнялось. Через три секунды, когда я открыл письмо и прочёл, настроение вернулось восвояси: где-то на уровень плинтуса. Админ “Медбратии” меня послал. Причём послал куда подальше, а заодно лишил меня права на дальнейшую переписку.

Админ блеснул в письме знаниями таких матосочетаний, что у меня – а я считал себя знатоком матерного слова – перехватило дух. Из кучи ругательств я выудил смысл письма:

мол, у нас свобода информации, а частные сыщики, которые хотят узнать, кто в интернете что и кому сказал, все поголовно сволочи.

Я плюнул на вопли админа “Медбратии”, приступил к утренней тренировке.

Через час, мокрый от пота, я влез под душ, врубил воду на полную. Спустя пару секунд я чуть было не подпрыгнул. Хорошо, хоть не выпрыгнул из ванны и не закричал “Эврика!”. Прыгать мне было от чего, ведь ко мне пришёл ответ на вопрос “Зачем Лёва читал дневник перед моим приходом?”.

Дело оказалось в не Лёве. Лёва к дневнику мог и не прикасаться. Страницу могла намазать кремом Оксана.

Пока принимал душ, голова едва не распухла от наплыва мыслей. Я так увлёкся перебором версий, что голову мылил трижды.

Если дневник мазанула кремом Оксана, то какой дневник мазать, и какую страницу, Оксана знала. Но я помнил, что когда пришёл к Оксане за дневниками, то реальную причину, по которой хотел прочесть дневники, я Оксане не называл. Спел песенку о страшной семейной тайне, которую могли скрывать бабушкины дневники.

В таком случае о мамашиной аллергии кроме Кати и, возможно, Лёвы, могла знать и ещё Оксана. Откуда узнала? Быть может, услышала, когда проходила мимо бабушкиной спальни, где Катя вслух читала бабушке дневники. В таком случае Оксана понимала, что Катя могла мне про дневники

рассказать, а я – когда попросил Оксану дать мне дневники почитать – говорить Оксане истинную причину интереса к дневникам не захотел.

Быть может, Оксане интуиция подсказала, что за дневниками я пришёл не просто так. Ведь если об аллергии Оксана знала, то и заказать эсэмэску могла, потому как алиби на момент заказа эсэмэски у Оксаны нет. Если эсэмэску заказала Оксана, а я пришёл за дневниками, то Оксана могла понять, что я напал на верный след. Оксана сообразила, что вовсе не помешает намазать дневник лёвиным кремом. Зачем? Чтобы навести подозрения на Лёву. Чтобы спихнуть со своей больной головы на здоровую лёвину. Чтобы, когда я раскрою дневник на странице с упоминанием аллергии, увидел жирное пятно и учуял запах лёвиного крема.

Оксана перестаралась. Мазнула крема с запасом, не пожалела. Потому пятно и вышло жирным настолько, что я подумал, будто Лёва мазал руки кремом в три слоя. Получалось, что пятно на дневнике такое яркое не потому, что Лёва мазал руки кремом без экономии, и не потому, что держал страницу жирными пальцами полчаса, а потому, что пятно намазали специально, чтобы я его заметил. Кто намазал? Оксана, ясное дело!

Кроме того, Оксана намазала именно ту страницу, где упомянута аллергия. Если Оксана всего лишь слышала из-за двери, как читала об аллергии Катя, то найти нужную страницу в ворохе дневников за то время, пока ходила в дом яко-

бы за дневниками и историей болезни мамыши, Оксана не могла, потому как искать ей пришлось бы полгода.

Другое дело, если Оксана знала, где искать. Знать, где лежит конкретный дневник, Оксана могла только потому, что ту злосчастную страницу читала. Если читала, то о мамышиной аллергии знала не понаслышке. Значит, знала, как на мамашу может подействовать приезд сапёров с немецкими овчарками.

Когда я навесил всех собак на Оксану, то решил, что дело в шляпе. Через пару секунд я вспомнил, как кто-то умный сказал нечто вроде “если вам всё ясно, то вы плохо искали”. Затем меня посетила мысль из разряда кайфоломных: как версия “эсэмэску заказала Оксана” вяжется со ссылкой на вопрос об овчарках, что я нашёл на ноуте Лёвы, а не Оксаны?

Кроме того, почему Лёва хотел меня переехать жигулём? Из-за дневников? Оксана сказала Лёве, что я забрал дневники, и Лёва – если виновен – занервничал? Лёва допустил, что в дневниках я найду инфу об аллергии, и соображу, что к чему? Или то была глупая мальчишеская выходка ради спасения любимой Кати от нападков частного сыщика?

Чтобы котелок от чрезмерной нагрузки не лопнул, я решил все вопросы скопом в думалку не загружать. Находить ответ на один вопрос за раз куда результативнее, чем сидеть без единого ответа, но с миллионом вопросов в распухшей голове.

Первым делом я захотел узнать, кто спрашивал медбра-

тьев об овчарках: Лёва из Андреева или Вася из Гондура-са. Адрес компа-вопросителя мне мог запросто сообщить админ, который заправлял “Медбратией”, но он, гад, меня послал. Вот они, прелести частного сыска: тебя посылают, а ты не горюй.

Пока я не горевал, а посылал админу пожелания скорейшей встречи с сыщиком казённым, чтобы не выкобенивался, в голове что-то завертелось. Назойливое, как ночной комар над ухом. И не поймаешь, и не прогонишь.

Я отложил все мысли, принялся ловить комара. Поймал через пару минут. Я вспомнил, как Оксана рассказывала про африканского мэра: мол, парня уволили за аморалку. Я вспомнил и то, что порылся в интернете и узнал, что мэра уволили не за аморалку, как сказала Оксана, а за нецелевое использование рабочего времени. Под конец я вспомнил, что мэра вычислили по файлам-отчётам на сервере провайдера, которые положено хранить не знаю как в Африке, а у нас – не меньше трёх лет. В тех файлах-отчётах и прочли, когда и сколько времени мэр зависал на каких сайтах.

Я решил навестить провайдера, что продавал Лёве доступ к интернету. У провака на сервере, через который лёвин ноут выходил в интернет, меня должны были ждать файлы-отчёты. В тех файлах-отчётах я мог узнать с точностью до секунды, когда и на какие страницы форума “Медбратия-точка-ру” заходил Лёва.

В журнал посещённых Лёвой сайтов, где я нашёл ссылку

на страницу с вопросом об овчарках, ссылки на некоторые страницы, где Лёва бывал, могли попросту не записаться. К примеру, ссылки на страницы, связь с которыми велась по защищённому протоколу, в журнале могли не сохраниться.

Если Лёва вопрос об овчарках задавал, то наверняка заходил на страницу регистрации нового пользователя форума. Тогда Лёва – как новый пользователь – вводил пароль, а пароли передаются в сети в основном по протоколу, защищённому от посторонних глаз шифровкой. Ссылки на такие страницы в журнале посещённых сайтов обычно не сохраняются.

Кроме того, Лёва мог заходить на страницу, что содержит окошко для ввода вопроса форумчанам. Информация, введённая пользователем в форму для передачи на сайт, зачастую тоже шифруется. Следов на компе пользователя заход на такую страницу нередко не оставляет.

На копиях винчестеров Лёвы и Оксаны я заглянул в папки, где операционка позволяет создавать сетевые подключения. В программке, что соединяла ноут Лёвы с интернетом, значилось имя того же провайдера, что продавал интернет и Оксане. В Андрееве провайдеров раз-два и обчёлся, услуги всех торговцев интернетом я перепробовал ещё сто лет назад, потому рыскать по желтым страницам и звонить по справочным в поисках адреса лёвиного провака мне не пришлось.

Я проглотил завтрак, прыгнул в джипчик, покатыл к лёви-

ному проваку.

*

*

До провайдерского офиса добирался полчаса. Началась рабочая перевозка, маршрутки чуть не парализовали главную магистраль, пробки – это в крохотном Андрееве! – растянулись на квартал. Народ нахватался кредитных машин, и теперь в городе куда ни плюнь – новенькое авто. Попробуй тут не попади в пробку!

Полусонный Главный Смотритель Сервера проснулся akurat к тому моменту, когда я раскрыл кошелёк. До того, как увидел зелёный червонец, администратор лёвиного провайдера отказывался понимать, чего мне надобно, наотрез. Словно я говорил на китайском.

Трудности перевода остались в прошлом, когда в кармане админа исчезло две моих бумажки в десять баксов каждая.

Я напомнил админу просьбу выдать мне файл, где записаны выходы в интернет с номера стационарного телефона, что числился за мамашиним домом. Я добавил, что меня интересовали похождения по интернету за последние полгода. Под конец я протянул админу дежурную флэшку.

Админ поелозил мышью по коврику, пощёлкал клавишами. Светодиодик на моей флешке помигал синим огоньком: мол, принимаю инфу.

Минуту спустя я вышел от админа с файлом-отчётом и довольной улыбкой.

Я уселся в джипчик, раскрыл походный ноут, воткнул флешку в разъём, принялся изучать купленную инфу.

Как и полагалось, компы, которые выпускал в интернет, лёвин провайдер различал по аппаратным адресам. Другими словами, я мог быть уверенным, что вот эту страницу посещали с ноута Лёвы, а вон ту – с ноута Оксаны.

Перед тем как нырнуть в сеть, я поймал себя на мысли: какое всё-таки облегчение – иметь мобильный интернет! Времени экономит столько, что кажется, будто прожить можно вдвое больше. Я улыбнулся, поймал себя на второй мысли: точно так же я думал, когда появились мобильники. Теперь экономии времени от мобильной связи не замечаю, принимаю как должное.

Для начала я посетил те страницы форума “Медбратия-точка-ру”, куда заходил Лёва. Как я и предполагал, ссылки на самые интересные страницы в журнале посещённых сайтов лёвиного ноута не сохранились. Потому как передавались по защищённому протоколу.

Я проверил всё трижды, потому мог утверждать, что за три минуты до появления на форуме “Медбратия-точка-ру” вопроса об овчарках Лёва на том же форуме медбратьев посетил страницу регистрации нового пользователя. Через несколько секунд после регистрации Лёва зашёл на страницу с окошком, в которое положено вводить текст вопроса. Почти в то же время на форуме медбратьев появился вопрос об овчарках. Я решил, что об овчарках спрашивал не Вася

из Гондураса, а Лёва из Андреева.

Вопрос Лёва задал шестого числа, в субботу. В воскресенье, седьмого, тоже в восемь вечера, Лёва заглянул на страницу с вопросом ещё разок. Судя по всему, читал ответ. Иначе зачем было задавать вопрос?

Выходило, что вначале Лёва из бабушкиного дневника узнал о мамашиней аллергии. Затем на форуме медбратьев Лёва узнал о том, что немецкие овчарки могут укоротить мамаше жизнь. Шестого числа Лёва задал вопрос, седьмого получил ответ, а восьмого дядька Некто заказал лёвиной мамаше эсэмэску-убийцу. Причём Лёва оказался рядом с неткафе аккурат в тот момент, когда заказывалась эсэмэска.

Осталось передать дело следователю казённому. Тот без особых усилий заставил бы админа “Медбратии” представить отчёт о том, с какого адреса задавался вопрос об овчарках. Затем можно было брать Лёву за жабры и спрашивать, спрашивать, спрашивать...

Из файла-отчёта лёвиного провайдера я также узнал, что кроме Лёвы на форум медбратьев заглядывала ещё и Оксана. Во всяком случае, я нашел заход на главную страницу “Медбратии” с оксаниного ноута. Если Лёва заходил на форум в субботу, то Оксана – в четверг.

Как объяснить тот факт, что первой форум медбратьев посетила Оксана, а вопрос об овчарках задан с ноута Лёвы?

Было бы желание, а объяснить можно всё что угодно. К примеру, Лёва проходил мимо Оксаны, когда та сидела с но-

утом во дворе, да глянул на экран оксаниного ноута. Оксана в то время что-то читала на форуме медбратьев. Может, что-нибудь про то, как выводить юношеские прыщи. Лёва увидел, что сайт про медицину, перекинулся с Оксаной парой слов, понял, что у медбратьев можно спросить и об аллергии, запомнил адрес сайта. Через день Лёва набрал в строке браузера адресок “медбратия-точка-ру”, зарегистрировался, задал вопрос об овчарках.

Дальше – больше. Я вспомнил, что шестого числа примерно в половине второго ночи Оксана перезаписала на своём ноуте операционку, чем стёрла с ноута историю походов по интернету. Четвёртого числа Оксана заходит на форум медбратьев, а шестого стирает с ноута историю походов по интернету. Зачем? При этом Оксана знала, что африканского мэра застукали, когда нашли на компе мэра в журнале посещённых сайтов ссылки на порнуху.

На той странице “Медбратии”, на которую заходила Оксана, крамольных вопросов вроде того, что об овчарках, я не нашёл. Зачем Оксана стёрла историю прогулок по интернету? Не потому ли, что кроме безобидной странички “Медбратии”, Оксана посещала другие, более крамольные? Какие?

Я нырнул в файл-отчёт провайдера. Вынырнул через полминуты с трофеем: в четверг, четвёртого числа, Оксана кроме форума медбратьев посетила ещё один медсайт. По адресу “электродоктор-точка-инфо” Оксана нашла сайт бесплат-

ных консультаций, работающий по принципу “спроси врача и получи совет”.

Я прогулялся по страницам “Электродоктора”, которые посетила Оксана. Сначала Оксана загрузила страничку регистрации на сайте. Затем загрузила страницу с окошком для ввода вопроса. В конце “Электродоктор” показал Оксане одну из страниц с вопросами-ответами. В переводе на русский всё это означает, что Оксана после регистрации задала на “Электродокторе” вопрос, после чего Оксане показали страничку с заданным вопросом.

На страничке, где “Электродоктор” сохранил вопрос Оксаны, сразу после того, как Оксана отослала свой вопрос, появился первый вопрос от пользователя с ником “Татата”. Я решил, что Татата – это ник Оксаны. Проверку я отложил на потом, уж слишком меня увлёл вопрос Татата.

Что Татата спрашивал у “Электродоктора”? Как вывести юношеские прыщи, пользователя с ником Татата не интересовало.

Татата пожелал узнать, что будет с тёткой пятидесяти лет от роду, которая слегла с дикими приступами астмы, если дать тётке понюхать мёд при условии, что тётка в детстве страдала от сильнейшей – пару раз чуть не умерла – аллергии на мёд.

Само собой, я вспомнил, что точно такой же вопрос Лёва задал медбратьям об овчарках. На всякий пожарный я свою память проверил: зашёл на страничку “Медбратии”, где ви-

сел вопрос об овчарках.

Вопрос об овчарках отличался от вопроса о мёде только упоминанием немецких овчарок вместо мёда. В остальном тексты вопросов совпадали до буквы. Словно кто-то скопировал текст вопроса об овчарках, а фразы “клок шерсти немецких овчарок” и “шерсть немецких овчарок” попросту заменил словом “мёд”.

Таким же макаром отличались ответ на вопрос об овчарках с ответом на вопрос о мёде.

Вопрос о мёде Татата задал на “Электродокторе” в четверг. Ответ пришёл в субботу, в половине первого ночи. С момента появления вопроса от Татата на сайте “Электродоктора” и до прихода ответа Оксана прямо оборвала провода: заходила на страницу с вопросом о мёде одиннадцать раз. В пятницу зашла три раза с шести до половины девятого утра, затем наступил перерыв на учёбу в колледже, и семь раз Оксана отметилась на “Электродокторе” с шести вечера до полуночи. Все визиты короткие, на одну минуту и меньше. В последний раз Оксана зашла на страницу с вопросом о мёде в субботу, в час ночи. Визит растянулся на три минуты.

Зачем человек задаёт вопрос? Чтобы получить ответ. Как узнать, пришёл ли ответ на вопрос, заданный на форуме? Надо заглянуть на страницу с вопросом, или на почту, куда форум обычно шлёт сообщения о новых сообщениях в ветке. Оксана выбрала первое. В ожидании ответа можно заглядывать на форум каждую минуту, что глупо. Можно заглядыв-

вать каждый день, что довольно разумно. А можно заходить на форум каждый час. Вот и объяснение ежечасным коротким визитам с ноута Оксаны на страницу с вопросом о мёде. Пользователь с ником Татата ждал ответ. Другими словами, ответ на вопрос о мёде ждала Оксана.

Визиты короткие потому, что загрузить страницу с вопросом и узнать, пришёл ли ответ – дело минуты, а то и меньше. Ответа нет? Страницу закрываем, ждём дальше. Другое дело, если ответ пришёл. Тогда ответ надо прочесть. Потому Оксана в последний визит на “Электродоктор” сидела на странице с вопросом-ответом целых три минуты. Читала ответ.

Когда прочла, страницу закрыла, решила, что на ноуте глючит операционка. Примерно через четверть часа после того, как Оксана в последний раз посетила страницу с вопросом о мёде, на ноуте Оксаны загрузилась новенькая, с пылу с жару, операционка. От старого журнала посещённых сайтов на диске оксаниного ноута остались воспоминания. В итоге с ноута Оксаны ссылки на страничку с вопросом о мёде исчезли. А на ноуте Лёвы ссылки на страничку с вопросом об овчарках дождались меня.

Я отпустил мысли в свободный полёт. В первую очередь я решил понять, зачем Оксана стёрла со своего ноута следы заходов на “Электродоктор”. Что страшного в вопросе о мёде, даже если установят, что вопрос задан с ноута Оксаны? Вопрос об овчарках опасен, потому как мамаша от аллергии на

овчарок могла умереть. Но чем грозил Оксане мёд? Ни один следователь не пришил бы Оксане обвинение, построенное на том, что Оксана под ником Татата спрашивала о мёде.

Зато следователь мог обратить внимание на то, что тексты вопросов о мёде и об овчарках – равно как и ответы – почти совпадают. Тут не докумекал бы только ленивый.

Я допустил, что Оксана спросила электродокторов о мёде для маскировки, на случай провала затеи. За вопрос о мёде не посадят. Позже Оксана поняла, что сглупила, решила подстраховаться: стёрла со своего ноута упоминания даже мёда.

Почему не стёрла заодно свой вопрос о мёде на “Электродокторе”? Не знаю, не спрашивал. Наверняка подумала, что доказать авторство вопроса не смогут. А может, спешила. Или пыталась, да не смогла. Почему не смогла? В правилах сайта “Электродоктор” сказано, что стирать вопросы может только модератор, простому пользователю такой привилегии не дано, я проверил.

После того как почистила свой ноут от компромата, Оксана с ноута Лёвы задала вопрос об овчарках. Причём об овчарках Оксана спросила на форуме медбратьев, а не на сайте электродокторов, чтобы понатуральнее. Уж слишком было бы не смешно, когда следователь увидел бы рядом два вопроса-ответа, которые отличаются лишь мёдом да овчарками.

Вопрос об овчарках задан в три минуты девятого, а с восьми Лёва по традиции плещется в душе. Самое время. Но Лё-

ва может вернуться в любой момент, потому у Оксаны на счету каждая минута.

Чтобы не попасться – набор текста на ноуте Лёвы требует драгоценного времени – Оксана заранее скопировала текст вопроса о мёде на флэшку, только заменила мёд овчарками. Вот и объяснение тому, что тексты совпадают чуть не до буквы. Сочинить новый вопрос Оксана поленилась.

Когда Лёва ушёл в душ, Оксана воткнула флэшку в ноут Лёвы, вошла на форум медбратьев, зарегистрировалась под ником Пёсик, скопировала текст вопроса об овчарках с флэшки, вставила текст в окошко для введения вопроса, отослала вопрос на форум, выдернула флэшку... На всё про всё – от силы три минуты.

Если Оксана могла намазать лёвиным кремом бабушкин дневник, то почему не могла с лёвиного ноута задать вопрос об овчарках? Зачем? Для пущей убедительности: мол, дневники читал Лёва, вопрос об овчарках задавал тоже Лёва, значит, и эсэмэску мог заказать Лёва.

Затем Оксана наняла меня, рассказала, как африканского мэра застукали, когда нашли на компе мэра в журнале посещённых сайтов ссылки на порнуху. Когда меня нанимала, Оксана чуть не открытым текстом дала мне понять: “Проверьте наши ноутбу!””. Буквально ткнула меня носом в лёвин ноут. Надеюсь, что я найду ссылки на вопрос об овчарках. Свои же похождения по интернету стёрла, когда перезаписала операционку.

Остался один вопрос: зачем Оксане эти выкрутасы? Чтобы посадить Лёву за убийство мамы, это понятно. Но что дала Оксане смерть мамы? С Лёвой всё ясно, потому как мотив у Лёвы жирный. Лёва умотает в Париж, станет там великим кулинаром. Но какой мотив у Оксаны? Продать мамин дом, деньги пропить, а после протянуть руку?

Под занавес я вспомнил маленькую деталь. Как Оксана могла задать вопрос об овчарках с ноута Лёвы? Ведь ноут Лёвы охранялся паролем, и тот пароль Оксана не знала.

В следующий миг память выдернула из хранилища и сунула мне под нос один за другим с десятков способов узнать чей-то пароль.

Затем я подумал, что ценных улик у лёвиного провайдера не купил. Только и того, что узнал о существовании на “Электродокторе” вопроса о мёде. Установить, кто спрашивал о мёде, я не мог. Мог лишь утверждать, что с невысокой долей вероятности вопрос о мёде задан с ноута Оксаны.

Как увеличить долю вероятности до хотя бы девяноста пяти процентов? Спросить админа “Электродоктора”. Сказать, с какого конкретно айпишника задан вопрос, мог только админ “Электродоктора”. Если вопрос задан из зоны, где обитают провайдеры Андреева, то я мог запросто установить, с какого компа спрашивали о мёде. Если же айпишник компа-вопросителя прописан в Гваделупе... Ну, Гваделупа так Гваделупа. На нет и суда нет.

Я написал админу “Электродоктора” письмо наподобие

того, что отправил админу “Медбратии”.

Ответ пришёл через три минуты. Именно столько админу “Электродоктора” понадобилось для того, чтобы сочинить послание в духе того, что я получил от админа “Медбратии”. Мне показалось, что медсайты объявили частному сыску бойкот.

Вслед за тем меня посетила мыслишка: если верить файлу-отчёту лёвиного провайдера, то Оксана заходила на форум медбратьев всего один раз. Как же тогда Оксана ответила на вопрос об овчарках? Задать задала, причём с ноута Лёвы, а кто ответил? Ответы на вопросы о мёде и об овчарках совпадают чуть не до буквы. Тут голову ломать не надо: ответ на вопрос об овчарках слизан с ответа на вопрос о мёде. Кто слизал?

Некий доброжелатель увидел вопрос об овчарках на “Медбратии”, наткнулся на такой же вопрос, только о мёде, на “Электродокторе”, скопировал ответ с сайта электродокторов в форму для ответа на форуме медбратьев, заменил мёд овчарками, и так показал себя умным?

Я подумал, что процесс усложняю, причём чересчур. Привлекать к делу посторонних, когда под боком есть те, кому смерть мамы выгодна – это ли не глупость?

Ведь есть Оксана, которая догадалась стереть со своего ноута все похождения по интернету. Почему та же Оксана не могла додуматься до того, чтобы ответить на вопрос об овчарках не со своего ноута, а с любого другого компа? С

какого? Да мало ли в Андрееве компов? Взять хотя бы то неткафе, из которого мамаше заказали эсэмэску-убийцу.

Если предположить, что эсэмэску-убийцу заказала Оксана, то почему бы Оксане не ответить на вопрос об овчарках из того же неткафе, из которого заказала эсэмэску? Ведь то неткафе удобное до невозможности: в зале полно студентов, затеряться в толпе проще простого. Заодно Оксана проверила что да как в том неткафе, где собиралась заказать мамаше эсэмэску. К примеру, Оксана могла узнать, есть ли в неткафе камеры наблюдения.

Если бы я мог установить, что ответ на вопрос об овчарках пришёл из неткафе, то я мог Оксану спросить, что она в тот момент делала, да где была.

В предвкушении близкой развязки я облизался как кот на сметану.

Через десять минут я вошёл в неткафе, из которого мамаше заказали эсэмэску.

*

*

Админ неткафе меня узнал, улыбнулся, взглядом спросил, с чем я пожаловал. Когда я положил на стол перед админом зелёную пятёрку, админ растянул улыбку до затылка.

Я попросил файл-отчёт с сервера неткафе за седьмое число – день, когда на форуме медбратьев появился ответ на вопрос об овчарках. За секретную инфу ушлый админ содрал с меня ещё одну пятёрку. Взамен я получил здоровен-

ный файл с похождениями по интернету со всех компов неткафе. Я подумал, что надо было попросить только те записи, что касались сайта с адресом “медбратия-точка-ру”.

Я показал админу фотку Оксаны, попросил напрямч память ещё разок. Админ припомнить Оксану не смог. Сослался на постоянные толпы студентов из кулинарного колледжа. Мол, в таком месиве кого-то запомнить – проще застрелиться.

Я попрощался с админом, влез в джипчик, скачал купленный файл-отчёт с флэшки на диск ноута, приступил к поискам.

Нашёл почти сразу, не прошло и минуты. Что там искать? Указал нужный адрес, нажал кнопку, да знай себе сиди, разгребай результаты поиска.

Из результатов поиска я узнал, что кто-то из прихожан неткафе несколько раз посетил форум медбратьев. Первый визит пришёлся на одиннадцать. Некто зашёл на главную страницу “Медбратии”. Затем всё тот же Некто с того же компа загрузил страницу регистрации нового пользователя. Через четыре минуты на форуме медбратьев появился ответ на вопрос об овчарках.

Регистрироваться и набирать довольно длинный ответ на вопрос об овчарках – дело как раз трёх-четырёх минут. Но зачем ответ набирать вручную, когда текст ответа лежит на сайте электродокторов?

Я искал, не заглядывал ли кто из посетителей нетка-

фе на “Электродоктор”. Нашёл. Кто-то заглядывал. Причём заглядывал на страницу с вопросом о мёде, где висит и ответ. Когда? В две минуты двенадцатого. Через две минуты на “Медбратии” появился ответ на вопрос об овчарках. Двух минут как раз хватит, чтобы зайти на “Электродоктор”, скопировать ответ на вопрос о мёде, заменить мёд овчарками, да ответить на “Медбратии” на вопрос об овчарках. Делов-то!

Осталось спросить Оксану, где прохлаждалась седьмого числа в одиннадцать утра.

Я закрыл ноут, завёл мотор, тронулся в направлении дома мамашиних детишек. Воображение принялось рисовать красочные сцены задержания злодейки бравым сыщиком. Красивых картинок хватило лишь на минуту мечтаний. Когда я проехал первый по ходу перекрёсток, мозги где-то раздобыли порцию скепсиса, да впрыснули мечтателю смертельную дозу.

Мечтатель помер, едва я прижал джипчик к бордюру. Что толку от того, что я спрошу Оксану, где она была седьмого числа в одиннадцать утра? На мой архиумный вопрос Оксана ответит, что пила водку в гордом одиночестве. Где свидетели того, как Оксана отвечала из неткафе на вопрос об овчарках?

Чтобы жизнь малиной не казалась, я вспомнил очередной куплет из оперы “Я сломаю тебе все версии, сыщик!”. За дословность куплета не ручаюсь, помню лишь смысл: “мотивчик-то у Оксаны хлипенький”.

У Лёвы мотив жирный, куда уж жирнее! А вот у Оксаны как-то мелковат. Продать дом мамыши, деньги прогулять, а дальше? Разве может быть мотив глупее?

Я решил найти Оксане нормальный, добротный мотив. Иначе получалось злодейство из любви к злодейству. За такое садят не в тюрьму, а в психушку. Чтобы убийца отделалась принудительным лечением, я не хотел. А если быть совсем уж честным, то ещё больше я не хотел, чтобы моя шикарная башня из версий рухнула как та стопка ночных горшков от руки сонного Вицина.

За оксаниным мотивом я отправился в кабак “Маслинка”, что в парке Петровского.

*

*

Как узнать об Оксане побольше? Пойти в места обитания Оксаны, да расспросить тамошний народ. В каком месте человек особенно разговорчив, и где зачастую сбалтывает лишнего? Там, где наливают. Где могла выпить Оксана? Как сказал Лёва, когда рассказывал мне предысторию эс-эмэски, чаще всего Оксана заседала с подружками в кабаке “Маслинка”. Со слов Лёвы, до того, как мамаша слегла, Оксана в “Маслинке” редкой птичкой не считалась.

Понятное дело, я и не надеялся, что завсегда и кабака выложат мне мотив Оксаны открытым текстом. Я хотел лишь узнать, что под пьяную лавочку могла сболтнуть Оксана за-долго до того, как мамаша слегла с приступами астмы и пара-

личом. Ведь мотив обычно созревает не за минуту до убийства, а намного раньше. Настолько намного, что человек может и не осознавать, что уже носит в голове мотив не один год. Точно как те камни в печёнке: растут годами, а человек – ни слухом, ни духом...

Когда я остановил джипчик напротив входа в парк Петровского, и глянул на часы, то спросил себя, не рехнулся ли, раз попёрся в кабак с утра пораньше. Какой завсегдатай кабака будет ждать меня возле барной стойки за четверть часа до десяти утра?

Но я уже приехал. Возвращаться? Да и что делать до вечера?

Я плюнул на руки, поднятые “против”, вошёл в кабак.

За стойкой засыпал бармен с воспалёнными глазами человека, не вздремнувшего за всю ночь и минутки. В самом тёмном углу кабака похмелялась девица с лицом, опухшим от регулярных возлияний.

Я выложил на стойку перед барменом разменную монету – пятёрку баксов. Бармен без слов спрятал пятёрку в карман. Я вывел на экран мобильного фотку Оксаны, показал бармену. В ответ получил кивок: мол, знакома. Затем бармен взглядом указал на девицу, что сидела в углу бара, после чего нарушил тишину. Говорил так, чтобы слышал только я.

– Зовут Вера. Она с вашей Оксаной корешует. Если возьмёте с собой пузырьёк, может, чего путного и расскажет. Ей сейчас нехорошо после вчерашнего, так что сто грамм вам

в помощь. Только я вам ничего не говорил. Мне от Оксаны терять чаевые неохота.

Бармен поставил передо мной чекушку. Я расплатился за слабительное для языка, захватил пойло с собой, подсел к Вере.

Вера увидела чекушку, подставила пустой стакан. Я налил. Вера влила содержимое стакана в глотку, прослезилась, занюхала лимончиком, закусила кусочком нарезки, сказала “Бррр!”, откинулась на спинку. Под конец, для придания образу большей неповторимости, закурила.

Красотой Вера не блистала. Я с ужасом представил, как я бы утром увидел на соседней подушке опухшее лицо, замурованное в три слоя тонального крема вперемешку с пудрой и блёстками. Это ж как мне пришлось бы выпить, чтобы меня смогла соблазнить Вера!

С другой стороны, именно такие – красотой не блещущие – и рассказывают о красавицах такое, что частному сыщику только дай. Я очень сомневался, что красавицу Оксану мужики из числа клиентов кабака обходили вниманием столь же часто, сколь некрасивую Веру. Такое унижение женщина женщине не прощает.

Когда я показал Вере фотку Оксаны, то понял, что с информатором угадал: губы Веры дрогнули, изобраили прерзрительную улыбку, а взгляд покрыл льдом всё живое в радиусе пяти метров. Меня аж пробрал озноб.

Через секунду Вера взяла себя в руки, состряпала улыбку

марки “перед вами сидит лучшая подруга Оксаны”, раскрыла рот, натравила на меня елейный голос.

– Ищете Оксану? А где хрустальная туфелька?

– Ищу не я. У меня задача узнать об Оксане как можно больше. Вдруг мой клиент надумает на Оксане жениться, а у неё гарем в восемь альфонсов, да у самой долгов выше крыши, что тогда?

Вера поперхнулась дымом.

– Так вы – частный детектив?

Я кивнул, протянул Вере визитку. Вера на мгновение сфокусировала взгляд на буквах, затем сунула визитку в сумочку. Когда Вера подняла взгляд на меня, то улыбку доброй феи надеть забыла. Зато в голос подлила желчи.

– И кто положил на нашу красавицу глаз?

– Некто.

– Что, такой богатенький, что даже нанял частного детектива? Боится, что Оксана спустит его бабло на своих любовничков? Что, бабла так много? Или жадный?

– Моему клиенту жалко терять большое бабло.

– Хм...

Мне показалось, что лицо Веры от зависти позеленело.

Вера налила в стакан водки, хлебнула, не закусила, прикурила новую сигарету от окурка, облокотилась о стол, чуть подолась ко мне, разразилась монологом.

Остановить Веру смог бы только владелец нефтяного поля, упавший перед Верой на колени с протянутой рукой, а в

руке чтоб непременно обручалка с камешком в полкило.

Поток гадостей об Оксане из уст Веры, казалось, не иссякнет во веки веков. Оксана и такая и сякая, но только не достойная невеста богатого жениха.

Я узнал об Оксане чуть не всю подноготную, и всего-то за пять баксов для бармена и чекушку для Веры.

Если четвертьчасовую речь Веры очистить от шелухи, то инфа об Оксане уложится в несколько слов: влезать в долги Оксана не умела, шантажисты Оксану не беспокоили, альфонсов в числе оксаниных любовников не наблюдалось.

Зато любовников у Оксаны было столько, что Вера от зависти чуть не сдохла. Перечислила всех. Начала постоянными, закончила залётными.

Последний из залётных появился у Оксаны восьмого марта. Девчонки собрались в кабачке, чтобы отметить праздник, а тут появился, со слов Веры, “хмырь”.

Я бы на хмыря внимания не обратил, если бы Вера не сказала, что хмырь весь вечер похвалялся, какой он ушлый маклер. Мол, может продать любое жильё, даже проблемное.

Когда я спросил, что такое “проблемное жильё”, Вера наградила меня взглядом-вопросом “Ты когда родился, сыщик? Вчера?”, затем снизошла до ответа.

– Это когда вам срочно нужны деньги, а у вашего дяди есть квартира. Дядя сидит в тюрьме, выйдет на свободу аж к пенсии, если выйдет вообще, а свою квартиру продавать не хочет. И сам не дам, и другому не дам.

– И маклер мог бы ту квартирку продать?

– Да. За десять процентов.

– И маклер не боится, что дядя, который сидит, когда выйдет на свободу, придёт к маклеру с вопросами?

– А чего бояться маклеру? Пусть боятся родственники, которые решили дядину квартирку продать. Маклер ведь только продаёт. И потом, он говорил, что у него всё схвачено, бояться нечего. Всё проводит по документам.

– Описать маклера сможете?

– Хмырь с хитрыми противными глазками. Так и ищет, как бы чего стырить.

– Стырить?

– Такой у него был вид.

– Кроме “как бы чего стырить”, у него “приметы были”?

– Да. Квадратный и лысый.

Ни других примет, ни названия фирмы, где трудился ушлый маклер, Вера припомнить не смогла. На восьмое марта выпили столько, что Вера плохо помнила, как встретила десятое. Что уж тут говорить о каком-то лысом маклере, которого Вера только и видела, что в тот вечер, восьмого марта, в День Большой Пьянки.

А вот Оксана с маклером ещё с недельку после праздника встречалась. Позже Оксана рассказала Вере, что маклер оказался чересчур доставучим: обрывал телефон целую неделю, звонил и звонил без конца, Оксана аж устала. Вдобавок жадность маклера предела не знала: когда Оксана намекну-

ла, что пора бы возлюбленной подарить хотя бы колечко или мобилку, тот слинял. Если не слинял бы сам, то ему помогла бы Оксана. У таких девушек, как Оксана, парни, которые подарки не дарят, не задерживаются.

Вера могла об Оксане говорить часами, но мне уже было куда держать путь. Потому я распрощался с Верой, кивнул бармену в благодарность за наводку, потопал из кабака вон.

В парке на скамейке я обмозговал инфу от Веры. Из всего, что Вера наговорила, ценными оказались лишь воспоминания о маклере. Для жирного мотива маклер подходил лучше некуда.

Поначалу я засомневался, в порядке ли у Веры память. Всё-таки настолько ушлого бизнесмена, что по кабакам рекламирует незаконные услуги в открытую, я ещё не встречал. Затем я успокоился. Где маклеру предлагать подобные услуги, как не в кабаках, казино и подобных местах? В кабаках да казино полно тех, кто уже пропил-проиграл всё до последнего гроша, и мог бы захотеть продать квартирку родственничка, пусть и не совсем честным путём. Такой контингент будет держать язык за зубами, так что маклеру бояться нечего.

В свете инфы о маклере все крутки-мутки Оксаны приобрели смысл. Если Оксане за убийство мамаша удастся Лёву посадить, то знакомый ушлый маклер может продать мамашин дом, пока Лёва сидит. За вычетом десяти процентов маклерского гонорара Оксане достанется вся сумма, выру-

ченная от продажи дома. Другими словами, Оксана к своей доле наследства пригребёт и лёвину. Это уже посерьёзнее, чем половина наследства, на которую можно купить лишь маленькую квартирку да большую гулянку на пару вечеров в кабаке.

Осталось узнать, как Оксана представляла себе встречу с Лёвой. Ведь не дура – понимала, что Лёва её за такие выкрутасы пришибёт, как только выйдет на свободу. Переезд в другой город не спасёт. У нас страна хоть и большая, но найти живого человека куда проще, чем кажется на первый взгляд.

Я решил, что не помешало бы инфу о маклере проверить. Иначе жирный мотив Оксаны мог оказаться пшиком.

Я позвонил телефонисту. Попросил переслать мне файл-отчёт за март со звонками на номер Оксаны. Телефонист записал на мой счёт десять баксов.

Пять минут, пока телефонист отрабатывал американский червонец, я гулял по парку, дышал свежим воздухом, отгонял назойливые мысли, слушал воробьиный щебет. На шестой минуте прогулки я вышел из парка. В тот же миг защебетал мой мобильник: сообщил, что мне пора проверить почту.

Я забрался в джипчик, раскрыл ноут, заглянул в почтовый ящик. Письмо от телефониста весило столько, что я подумал: а не получил ли я отчёт о звонках Оксаны за последние десять лет?

Отчёт оказался-таки за один только март. Почему отчёт за один месяц весил как иной за пятилетку? Потому что Оксана оказалась девочкой востребованной. Оксане звонили чуть не с сотни разных номеров, да по десять раз на дню.

Один номер отличился: звонил без перерыву. Причём до восьмого марта с того номера Оксану не тревожили ни разу, а с девятого – как прорвало. Звонки по десять-двадцать минут, по полчаса. После пятнадцатого марта – как отрезало. Из списка звонивших Оксане номер назойливого абонента исчез.

Номер не принадлежал ни Лёве, ни мамаше, ни Серому, ни Димону, ни даже Кате. Зато со слов оксаниной сокабачницы Веры, неделю после восьмого марта Оксана встречалась с маклером, и тот оборвал Оксане телефон.

Я позвонил в коммерческую справочную, продиктовал номер, который счёл номером маклера, спросил, числится ли тот номер за фирмой, связанной с недвижимостью. Пока справочная обрабатывала запрос, я прослушал рекламу сначала мочегонного, затем подгузников. Под конец ликбеза я получил название фирмы и адрес офиса, где трудился маклер.

*

*

В офис маклера я вошёл под звон подвешенных к дверям колокольчиков. Из-за стола поднялся квадратный и лысый мужик, на вид крепкий как дубовый пенёк.

Мужик окинул гостя намётанным взглядом, вычеркнул меня из списка потенциальных покупателей жилья, но голливудскую улыбочку не выключил. Мужик сел за стол, взглядом указал на стул: мол, садись, коль пришёл. Я представился, положил на стол визитку, сел.

Мужик визитку прочёл, сунул в коробку, где визиток на-собиралось – хоть костёр разводи. Затем мужик кхекнул, представился Шурой, спросил, с чем я пришёл.

Я протянул Шуре мобильник с фоткой Оксаны на экране. Шура рассмотрел фотку, кивнул: мол, помню. Я попросил рассказать про Оксану всё, что Шура знает. Шура спросил, зачем ему этот геморрой, и не пора ли мне убираться восво-яси.

Я напомнил, что в кабаке “Маслинка” Шура рекламиро-вал свои услуги по незаконному отъёму недвижимости у граждан, сидящих по тюрьмам да по зонам. Шура с улыбкой голливудского крутого парня сказал: “Ха!”. Я пообещал сде-лать всё, чтобы левыми сделками шуриной конторы и Шу-рой лично заинтересовались те, кому следует.

Шура сообразил, куда я клоню, набычился. Затем Шура заговорил голосом, напоминающим скрежет, что дамам вы-ворачивает кишки, когда ведёшь стеклорезом по стеклу.

– Значит ты – защитник алкашей и зэков?

– Нет. Мне нужна инфа, а вы мне её не даёте. Потому буду портить вам жизнь до тех пор, пока не допрёте, что со мной проще договориться.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю.

– Мне не нравится, когда меня предупреждают всякие уроды.

Шура встал, подошёл ко мне, расслабил плечи, заиграл пальцами: то складывал в кулак, то расставлял веером. Я понял, к чему такие мансы, встал.

Шура на выдохе послал кулак на встречу с моей челюстью. Я ухватил Шуру за запястье, присел, потянул на себя. Шура потерял равновесие, начал падать. Я двинул коленом Шуре под дых, отшагнул в сторону, добавил парню ладошкой по затылку. Шура рухнул на пол. Драки не получилось. Зато Шура об пол разбил нос.

Через минуту Шура очухался, поднялся на колени, посмотрел на лужицу крови на полу, ощупал нос, задавил стон в самом зародыше, рассмотрел измазанные кровью пальцы.

Я протянул Шуре руку. Шура отмахнулся, опёрся о стол, поднялся на ноги, подошёл к зеркалу, глянул на нос, увидел кровь на рубашке, качнул головой, потрогал нос кончиком пальца, скривился, развернулся на каблуках, вперил взгляд в мою переносицу, заговорил.

– Из-за какой-то дуры разбивать себе морду?..

– Вот и я о том же.

– Где учат так драться?

– На курсах боевых шахмат.

– Это был мат?

– Шах.

– Так что вы хотели узнать?

– Может, умоетесь?

Шура прошёл в боковую дверь, пожурчал водой. Вышел без рубашки, умытый, с мокрой лысиной. Закрыл входную дверь офиса на ключ, сел на место, жестом предложил мне начинать.

Я спросил, где Шура болтался восьмого числа в одиннадцать утра.

Шура глянул в записную книжку, сказал, что в десять минут двенадцатого встречался с клиентом на Наваринской. Я уточнил, насколько место встречи с клиентом близко к Никольской. Шура посмотрел в потолок, пошевелил губами, сказал, что если ехать на машине, то до Никольской минут пять езды.

Я вкратце рассказал связь эсэмэски-убийцы со смертью мамы. Затем я сказал, что неткафе находится на углу Никольской и Наваринской. Под конец я допустил, что эсэмэску мог заказать и Шура по просьбе Оксаны. По времени и месту сходится.

Шура нахохлился. Я взглядом показал: “мне твоя тубейка до лампочки”.

Квадратный лысый мужик чуть не всхлипнул: мол, “не виноватая я!”. Затем Шура принялся меня уверять, что продать квартиру зэка, который сидит – это одно, и это шурин бизнес, и деньги он приносит немалую. Но убивать, чтобы

потом продать дом... Нет, на это Шура не способен. Да ни в жисть!

И с зэками-то Шура связался только потому, что Шуре скоро уматывать в Израиль – вот-вот придут последние документы на выезд. Пока те зэки сидят, Шура зашибает деньгу, а когда выйдут – Шуры уже и след простыл. И пусть с зэками разбираются их жадные родственнички.

Когда Шура закончил, я попросил вспомнить, о чём болтал Шура с Оксаной под холодной мартовской Луной.

Шура углубился в воспоминания, причём каждую мемуаринку озвучивал, чтобы я не пропустил чего важного. Когда Шура дошёл до места, где Оксана спрашивала, сколько стоит квартирка – пусть и самая захудалая – в Болгарии, я сказал: “Стоп!”. Затем я не удержался, добавил фразу киношных сыщиков: “А вот с этого момента поподробнее!”. Шура пообещал выложить всё как на духу.

В одну из последних встреч с Шурой Оксана спросила, во сколько бы её брату обошлась квартира в Париже. Когда Шура назвал цену, Оксана сказала что-то вроде: “Интересно, какая же у Лёвы должна быть зарплата, чтобы купить квартиру в Париже?”. Шура сказал, что большая, если не очень большая.

Тогда Оксана спросила, в какую цену квартиры в Болгарии. Шура сказал: “Разумно. Париж – он в небе, а Болгария почти в руке. А променять Париж на Болгарию братишка-то захочет?”. Оксана отмахнулась, сказала, что дело не в бра-

тишке, а в Оксане. Мол, если братишка хочет жить во Франции, то почему бы Оксане не хотеть жить в Болгарии? Оксана солнце обожает, а в Болгарии, по слухам, на берегу Чёрного моря тепло и солнечно – не то, что в туманном Париже.

Шура хотел было заметить, что туманный вообще-то Лондон, но вовремя спохватился. Профессионалы клиента в невежество мордой не тычут, а Шура разглядел в Оксане задатки клиента, который – кто знает? – может решиться на переезд в Болгарию. И тогда у Оксаны есть знакомый маклер – Шура. Почему бы не заработать лишнюю копейку?

Тогда Шура разрекламировал Оксане болгарскую недвижимость. Сказал, что в Болгарии сейчас цены на жильё почти такие же, как в Андрееве. Высокие цены лишь на квартиры, что стоят на самом берегу моря. В паре километров от пляжей на ценниках такие же суммы, как на равноценное жильё в центре Андреева. Зачем платить кучу денег за квадратный метр в двух шагах от воды, когда за гораздо меньшую сумму можно купить квартиру чуть подальше от пляжа? Море то же, воздух тот же. А к пляжам ходит автобус: пять минут езды по идеально ровной дороге – и ты уже загораешь на бархатном песке, а на твоём счету на сэкономленные денежки капают проценты.

Под конец рассказа об Оксане Шура выразил крайнее сожаление, что до покупки Оксаной квартирки в Болгарии дело пока не дошло. Шура мог бы неплохо заработать.

Я спросил, за сколько можно купить сносную квартиру в

паре километров от черноморско-болгарского пляжа. Шура сказал, что в межсезонье вместе с услугами Шуры я вполне уложусь в сто пятьдесят тысяч баксов. За такие деньги я получу не хоромы, но и не клоповник. В общем, останусь доволен.

С Шурой я распрощался впопыхах: мыслями стоял на пьедестале почёта, принимал переходящий красный вымпел за поимку особо циничной преступницы.

По дороге к дому я подумал, что как раз чего-то вроде Болгарии мне и не хватало. Если Лёва за убийство машины сядет, то Оксана с помощью ушедшего Шуры мамашин дом продаст, с Лёвой не поделится, отстегнёт Шуре десять процентов гонорара, на остаток прикупит себе купальник и квартирку в солнечной Болгарии, и поминай как Оксану звали. В это время Лёва будет гнить в тюрьме, а когда выйдет на свободу, то узнает, что сто лет назад стал бездомным. При этом чего Оксане бояться?

Чтобы Лёве достать Оксану в Болгарии, надо потратить столько сил и денег, что от такой затеи проще отказаться. Ведь у Лёвы в послужном списке будет срок за умышленное убийство. С таким прошлым за визу в Европу придётся заплатить кучу денег. При том не факт, что с такой дорожкой визой пропустят пограничники. Выбрасывать деньги на ветер?

Разве что Лёва решит отомстить Оксане во что бы то ни стало, или перейдёт границу нелегально. Захочет ли риско-

вать? На границе, как известно, в нелегалов стреляют. Ко всему прочему Оксану в Болгарии ещё надо найти. И кто скажет Лёве, где Оксану искать? Концы в воду.

От мыслей о Болгарии меня отвлекла вывеска книжного супермаркета. Мелькнула мысль о том, как поймать Оксану. Я свернул к книжному.

В здоровенном книжном супермаркете нашлось всего три карманных словарика французского. Один из них – точно такой же, какой я видел на книжной полке в комнате Лёвы. Я купил словарик, покатыл домой.

Дома я вооружился острым ножом, стальной линейкой, и куском фанеры. Полчаса колдовства – и я врезал в словарик камеру. Я поставил словарик на стол, отошёл на метр, прищелкнул, похвалил себя за золотые руки: разглядеть объектив на корешке книжицы я смог лишь потому, что знал где искать.

Я надел брюки с накладными карманами, обернул словарик фланелькой, сунул свёрток в карман, рассмотрел себя в зеркало. Накладной карман в глаза не бросался, словарик не выпирал.

Я поставил словарик на стол, нажал кнопку на врезанной камере, отошёл на три метра, помахал в объектив рукой. Затем я камеру из словарика вытащил, подключил к ноуту, запустил файл, что лежал в памяти камеры. На экране я махал зрителям рукой. Я стёр контрольную запись, вернул камеру в словарик, обернул словарик фланелькой. Зачем нужна фла-

нелька? Чтобы объектив остался чистым. Иначе камера запишет не компромат, а пыль крупным планом.

После того, как закончил со словариком, я уселся в кресло, напряг память: не забыл ли чего. Через минуту вспомнил, что не решил проблемку оксаниного алиби.

Оксана утверждала, что в момент заказа эсэмэски сидела рядом с мамашей. Как на мой взгляд, то алиби хлипковато. Единственный возможный свидетель умер. С другой стороны, как Оксана умудрилась смотаться в неткафе, и мамаша при этом не пожаловалась Лёве, что дочурка оставила мать одну в доме? К тому же Оксана умотала сразу после сильнейшего приступа астмы, который вызвал Серый.

Я вспомнил, что Лёва, когда рассказывал предысторию эсэмэски, упомянул снотворное.

Я позвонил Кате. Спросил, где стояло снотворное, которое принимала мамаша, и насколько быстро препарат действовал. Катя сказала, что пузырьрёк стоял в столике, что возле мамашинной кровати. Снотворное доктор прописал мощное: мамаша засыпала через десять-пятнадцать минут. После приступа астмы мамаша засыпала ещё быстрее, минут за пять-семь, ведь приступ выматывал все мамашины силы, и мамаше помогала заснуть дикая усталость.

Я попросил Катю о нашем разговоре не говорить даже Лёве. Катя напомнила о своём праве говорить что и кому угодно. Я сказал, что если Катя хочет получить доказательства лёвиной невиновности, то... Договорить я не успел. Ка-

тя сказала, что будет молчать до победного.

После звонка Кате я счёл проблему оксаниного алиби решённой: Оксана дала мамаше снотворное, чего уж проще? Когда мамаша засыпала, Оксана сидела рядом. Проснулась – Оксана рядом. С какой стати жаловаться Лёве, мол, Оксана бросила мать в доме одну-одинёшеньку?

Если бы мамаша проснулась, когда Оксана моталась в неткафе, то могла подумать, что Оксана... да хотя бы в туалете. Мамаша дождалась бы Оксану да посетовала, что провела в одиночестве вечность. Тогда Оксана эсэмэску бы отменила, и дело с концом.

Даже если бы Оксана отменить эсэмэску не смогла, и эсэмэска таки пришла, Оксана сказала бы Лёве, что если кто-то так по-идиотски шутит, то это не значит, что надо немедленно звонить в милицию.

Я подумал, что Оксану, должно быть, потрянуло не по-детски, когда ей позвонил Серый, и сказал, что стоял под мамашиними воротами в тот момент, когда Оксана моталась в неткафе.

Мысли, что вертелись вокруг Оксаны и неткафе, ткнули меня носом в ещё одну очевидную штуку: неткафе Оксана выбрала с чётким намерением подставить Лёву. Колледж Лёвы через дорогу. Куда уж ближе? Кто сможет утверждать, что Лёва сидел на занятиях, и ни разу не вышел в туалет? Ну а раз выходить мог, то перейти дорогу да заказать эсэмэску – дело пяти минут. Любой следователь такую возможность

Лёве приклеит, и не икнёт. Так что неткафе Оксана выбрала далеко не после того, как с закрытыми глазами ткнула пальцем в карту города.

Я позвонил Оксане. Спросил, когда мне заехать, чтобы застать и Оксану и Лёву. Оксана сказала, что если заеду в четыре, то будет в самый раз: и Лёва проснётся, и Оксана ещё не уйдёт по делам. Так что час у меня будет. Я сказал, что в четыре заеду на полчаса, попрощался, повесил трубку.

Без спешки я сварганил суп из молодого горошка, отобедал, да завалился спать. Сиеста, однако.

*

*

Мне открыла Оксана. Кивнула, улыбнулась, жестом пригласила во двор. Вслед за Оксаной я обошёл лёвин жигуль, прошёл к садовому столику в тени ореха.

Моё кресло пустовало, в лёвином развалился заспанный Лёва. Я сказал Лёве: “Привет!”. Лёва мне кивнул.

В этот момент у меня в животе заурчало.

Супу из молодого горошка я нахлебался не просто так. От того супчика у меня в животе война. Урчит так, что слышно за километр. Причём урчание начинается ровно через три часа после приема пищи, и продолжается час.

Оксана пригласила меня присесть. Я присел. При этом я напряг пресс так, что живот издал художественное урчание: с переливами да разноголосьем.

Я изобразил на лице крайнюю степень смущения, попро-

сился в туалет. Ворчание из моего живота помогало мне изо всех сил.

Лёва с Оксаной сочли возможным остаться во дворе в тени ореха, туалет – а заодно и весь дом – предоставили мне в полное распоряжение. Оксана заметила, что освежитель воздуха, что стоит возле унитаза, я могу не экономить.

Когда я разворачивался, чтобы потопать в дом, краем глаза заметил, как Лёва с Оксаной переглянулись изумлёнными взглядами.

В доме я пулей метнулся в комнату Лёвы. К счастью, лёвин французско-русский словарик стоял на полке на прежнем месте: напротив стола, где лежал лёвин ноут.

Я поставил мой словарик с камерой на место словарика лёвиного. Лёвин словарик я сунул в карман. Я включил врезанную в словарик камеру, направил объектив на лёвин ноут.

Затем я посетил соседнюю комнату – ту, что вся в розовом. На мою удачу ноут Оксаны спал, потому включать ноут и на загрузку системы тратить драгоценные секунды не пришлось.

Я подключил к ноуту Оксаны флэшку, приказал оксаниному антивирусу пару секунд отдохнуть, скопировал с флэшки на оксанин ноут программку, которую антивирусы обзывают клавиатурным шпионом. Оно и верно: кто ещё, как не шпион, запишет в файл-отчёт все нажатия клавиш на ноуте? Кто, как только ноут выйдет в интернет, отправит файл-отчёт на мой почтовый ящик? Кто, когда хозяин ноута гуляет

по интернету, будет передавать мне файл-отчёт с такой частотой, с какой захочу? И обо всём этом безобразии хозяин ноута будет пребывать в полнейшем неведении. Лепота!

Шпиону я наказал отправлять мне файл-отчёт каждые три секунды, как только ноут Оксаны выйдет в интернет. Затем я велел оксаниному антивирусу на шпиона не реагировать. Иначе шпион попался бы в первую же наносекунду. Под конец я выдернул флэшку из гнезда ноута, приказал ноуту спать.

На установку французско-русского словарика с камерой и на заражение оксаниного ноута вирусом у меня ушла минута с небольшим. Затем я прошмыгнул в туалет, три минуты от нечего делать почитал лёвин словарик, после сеанса французского спустил из унитаза воду, вымыл руки. Напоследок я забрызгал освежителем воздуха всю ванную так, что дышать стало нечем.

Через минуту я с виноватой улыбкой уселся за садовый столик под орехом, напротив Лёвы и Оксаны.

По примеру хозяев двора я положил свой мобильник на стол. Это уже ритуал: три человека за столом – не менее трёх трубок на столе. В сравнении с дорогими трубками Лёвы и Оксаны мой мобильник выглядел бедным родственником. Мобилка Оксаны с такой крутой камерой, что если Оксана запечатлит пролетающий самолёт, то на снимке наверняка можно будет различить заклёпки на крыльях. У Лёвы мобильник смотрелся не беднее.

С мобильных я перевёл взгляд на Лёву.

– Лёва, смените пароль на своём ноуте.

– Зачем?

– Объясню позже. Смените пароль немедленно. Тащить ноут сюда не обязательно.

Лёва пожал плечами, фыркнул, выбрался из кресла, потопал в дом.

Оксана делала вид “я ничего не понимаю, но думаю, что сейчас всё прояснится”. Я разглядывал крону ореха.

Лёва вернулся через три минуты. Уселся в кресло, упёрся в меня вопросительным взглядом.

– Пароль я сменил. Вот только не пойму, зачем.

– На вашем ноуте лежат ссылки на сайты. Если ссылки пропадут, то я не смогу поймать того, кто убил вашу мамашу, и хотел вас подставить.

– Подставить как?

– Посадить вас в тюрьму за убийство мамыши.

– Хм... И как те ссылки на моём ноуте вам помогут?

Я рассказал про полиграф и Васю Пупкина. Мол, на сайте “Утюги” Вася спросил, как да чем убить лёвину мамашу. Причём спрашивал Вася не со своего компа, а с лёвиного ноута, чтобы Лёву подставить: мол, этот гад Лёва хотел знать, как и чем убить родную мать. Следователь подключил Васю к детектору лжи, задал пару вопросов, и узнал, что на сайт “Утюги” заходил не Лёва, а Вася, причём с ноута Лёвы, и вопрошал, как да чем убить лёвину мамашу. Показания детек-

тора лжи – не улика, но судья к сведению примет. Но примет только в том случае, если ссылки на лёвином ноуте останутся. Иначе о каких ссылках речь?

Под конец я спросил, понял ли Лёва, насколько те ссылки важны для поимки убийцы. Лёва кивнул. Я продолжил спрашивать.

– Лёва, вы не в курсе, хоть какие-нибудь ссылки на вашем ноуте ещё есть? Вы в журнал посещённых сайтов заглядывали давно?

– Не заглядываю вообще.

– Идите и проверьте, есть ли ссылки. Пока не важно, какие. Ваша задача: узнать, есть ли ссылки вообще.

– Я так и похудею – бегать туда-обратно. Может, принести ноут сюда? А то вы вспомните что-то ещё...

– Бегать больше не придётся. Так что тащить ноут сюда не надо.

Лёва начал выбираться из кресла. За тот миг, пока Лёва опирался о подлокотники, Оксана успела встать. Лёва взглянул на Оксану с удивлением: мол, чего ты вскочила? Оксана улыбнулась, к улыбке дорисовала смущение, жестом остановила Лёву.

– Лёва, подожди секунду. Я сбегаю в туалет. Я быстро. А ты пока посиди с гостем.

Я улыбнулся.

– Оксана, я не маленький. Посажу в гордом одиночестве, не волнуйтесь.

– Разве Лёва не может посмотреть те ссылки через две минутки? Куда ваши ссылки денутся?

Лёва пожал плечами: мол, иди, сестрица, раз уж так припекло, что не можешь подождать минуту. Оксана убежала в дом. Я отметил, что мобилку Оксана взяла с собой.

Оксана вернулась через три минуты. Вернулась без мобилки.

Лёва ходил в дом, пришёл с довольным видом.

– Ян, я посмотрел. Там этих ссылок полно.

– Вот и хорошо. Теперь я спокоен. Убийцу мы практически поймали.

Оксана изобразила крайнее смущение. Наверняка научилась у меня. Чуть не перестаралась.

– Мальчики, я вас снова оставляю. Не пойму, в чём дело.

Опять припекло в туалет. Сейчас вернусь.

Я сварганил на лице сочувствие чужой боли.

– Оксана, вы мочевой не простудили? Холодный душ, часом, не принимали?

– Принимала. Наверное, застудила. Я сейчас.

Вернулась Оксана минут через пять. На сей раз Оксана держала в руке мобилку.

Когда Оксана с видом самого довольного человека на свете уселась в кресло, я перевёл взгляд на Лёву.

– Лёва, ну-ка, принесите свой ноут.

– Так я и знал, что надо было принести ещё тогда!

С ворчанием – и наверняка с матерными многоэтажками

в мыслях обо мне – Лёва принёс ноут, положил на стол, сел, задал мне взглядом вопрос: “Что дальше?”.

Я улыбнулся.

– Лёва, проверьте, есть ли в журнале ссылки с адресом “медбратия-точка-ру”.

Лёва поводил пальцем по тачпаду, пощёлкал клавишами, поднял на меня взгляд ошарашенной дворняги, что перерыла весь двор, а найти давеча закопанную сахарную косточку не смогла.

– Ян, ссылок нет. Никаких. Журнал пустой.

– Как вы думаете, Лёва, куда делись ссылки?

– Не знаю.

– После того, как вы сменили пароль, я рассказал, как важны ссылки для поимки убийцы. Затем я попросил вас проверить, на месте ли ссылки. Перед тем, как вы пошли в дом выполнять мою просьбу, в дом сбегала Оксана. Ей приспичило в туалет. Затем, когда вы убедились, что ссылки на месте, Оксану прикрутило по-новой, и Оксана смоталась в дом ещё разок.

Оксана устремила на меня взгляд, полный наигранного удивления. Лёва закончил осмысление моей речи, посмотрел на Оксану.

– Оксана, по-моему, Ян намекает, что ты знаешь пароль от моего ноута.

Я улыбнулся.

Лёва не сводил взгляда с Оксаны.

– Оксана! Ты пароль к моему ноуту знаешь?!

Оксана закатила глаза.

– Лёва! Что за истерика?! Я твой пароль не знаю.

Я встал, жестом пригласил Лёву идти за мной, направился в дом. Лёва без единого слова выбрался из кресла, пошёл следом. У порога дома я обернулся. Оксана смотрела на меня с улыбкой девушки, которую рисуют в чёрном балахоне да с заточенной косой. Я взглядом пригласил Оксану присоединиться ко мне и Лёве. Оксана фыркнула, отвернулась.

Я прошёл в комнату Лёвы, остановился у стола, где за пять минут до того лежал лёвин ноут. Лёва встал рядом, посмотрел на меня.

– И что мы здесь делаем с таким важным видом?

Пальцем я указал на книжную полку. Лёва полку рассмотрел, пожал плечами.

– И что я должен там увидеть?

– В том-то и фокус: видеть то, что я спрятал на полке, ни вам, ни Оксане не надо.

Я снял с полки мой словарик, извлёк из словарика камеру. Лёва от неожиданности аж засопел. Когда обрёл дар речи, Лёва покачал головой.

– Вы изуродовали мой словарь.

– Это мой. Ваш в целости и сохранности.

Я вынул из кармана словарик Лёвы, поставил на полку. Лёва взглядом указал на мою камеру.

– Здесь записано, как Оксана стёрла ссылки?

– И это тоже.

– Но как узнала пароль к ноуту?

– У Оксаны есть мобилка.

– М-да... Какой же я тупой!

Лёва огляделся.

– Куда ж эта умница свою мобилку прятала? Как же я не заметил-то, а?

Я поднял взгляд на люстру, что висела под потолком.

– Лёва, камере самое место над клавиатурой ноута. У вас люстра такая здоровенная, что в ней можно спрятать и мобилку, и...

Лёва матернулся.

Я подключил мою камеру к мобильнику, включил воспроизведение на тройную скорость. На экране мобильного промелькнуло кино, от которого Лёва позеленел.

Что увидел Лёва? Если в двух словах, то моя камера записала, как Лёва сменил пароль на вход в операционку своего ноута; затем прибежала Оксана, влезла на стул, уложила мобилку на люстру; вслед за Оксаной пришёл Лёва, ввёл пароль, вошёл в систему, проверил ссылки; напоследок прилетела Оксана, сняла с люстры мобилку, просмотрела на экране трубки запись, на запрос операционки лёвиного ноута ввела пароль, получила доступ к системе, стёрла ссылки.

Пока Лёва вспоминал как говорить, мы вернулись во двор, к Оксане.

Лёва сел за стол с лицом серым как у свежавырытой, ещё

покрытой многовековой пылью, мумии.

Оксана смотрела на Лёву с лёгкой придурью во взгляде. Так смотрят, когда осознают, что вляпались, но не понимают, где и как.

Лёва взглянул на меня так, словно хотел спросить, что ему теперь делать. Спросил другое.

– Ян... Зачем вы сказали ей про ссылки? Она всё стёрла. Теперь не докажешь.

– Я показал, что узнать пароль к вашему ноуту для Оксаны раз плюнуть. То есть записать ссылки на ваш ноут Оксана могла.

– Да, но ссылок теперь нет...

– Копия вашего винчестера со ссылками лежит у меня. Как улика сойдёт. Я в пять секунд докажу, что та копия, что у меня, именно с вашего ноута.

Оксана сделала вид, что не понимает, о чём речь.

– Мальчики, я что-то пропустила?

Лёва треснул ладонью по столу. Оксана вздрогнула. Лёва взглядом отсёк Оксане голову. Оксана забилась в кресло, пробурчала: “Вы, мужики, только силой брать и можете! Где доказательства?”.

В ответ на вопрос Оксаны я вкратце – всего за семь минут – рассказал, почему подозреваю Оксану в убийстве мамы и попытке подставить Лёву. Под конец я объяснил, как связал вопросы о мёде на “Электродокторе” и об овчарках на “Медбратии”.

Когда я замолчал, Оксана расправила плечи, усмехнулась, попыталась прижать меня взглядом к плинтусу, затем влила в голос ведро желчи, заговорила.

– Ян, дорогой вы наш сыщик! Всё, что вы сейчас наговорили – туфта. Ссылок на лёвином ноуте нет? Нет. Ни на каком “Электродокторе” ни про какой мёд я не спрашивала. Где доказательства? Насколько я поняла, их у вас нет. Одни версии.

– Тут вы правы, доказательств нет. Одни версии. Да и те дышат через раз. Могло не быть даже их, если бы вы на “Электродокторе” свой вопрос о мёде стёрли. Но вам не попёрло, а? Правила сайта почитать поленились? Там ведь написано, что стирать вопросы пользователей может только модератор.

– Повторяю: я никаких вопросов не задавала.

– Оксана, советую вам пробиться в модераторы “Электродоктора”. Когда вы замените свой вопрос о мёде вопросом о том, как вывести юношеские прыщи, к вам не подкопаешься. А пока...

– Что “пока”?

– Лёва может подумать, что вам не мешает посидеть в тюрьме, пока он продаст домишко, с помощью маклера Шуры прихапает вашу долю, да умотает в Париж. Ведь смыться в Болгарию вы хотели именно так, я не ошибся?

Лёва встрепенулся, посмотрел на меня с интересом.

– Ян, какая Болгария? Какой такой маклер Шура?

– Спросите у Оксаны. А мне пора. Я своё дело сделал. Заказчика эсэмэски я вычислил.

Я встал, отсчитал пятьсот сорок баксов, расписался в квитанции, положил бумажки на стол перед Оксаной. На взгляд-вопрос Оксаны я пояснил, что со следствием я управился за три дня, итого триста баксов. Ещё сто шестьдесят съели накладные расходы. Мои затраты на шиномонтажку я Лёве простил, потому как вышло баш на баш: Лёва мне пробил колёса, я Лёве дал нахлебаться носом крови. С Лёвой мы квиты. Оксана мне заплатила тысячу. Значит, по договору я должен вернуть пятьсот сорок баксов.

Пока я объяснял, Оксана качала головой, словно говорила “Вот уж никогда бы не подумала...”.

Я подвинул квитанцию и деньги к Оксане.

– Пересчитайте деньги, и распишитесь. Расходы я перечислил в квитанции.

Оксана подмахнула квитанцию не глядя. Деньги не считала. Я отделил от сдвоенной квитанции копию, сунул бумажку в карман. Оригинал оставил Оксане. Заодно оставил Оксане напутствие. Чтобы я – Великий Сыщик – и без напутствия Главному Злодею? Да ни в жисть!

– Оксана, если Лёва решит вас посадить, то того, что раскопал я, ему хватит. Лёве останется только сдать мои находки в милицию. Казённый следователь будет в восторге. Вам осталось молиться, чтобы на “Электродокторе” пользователям разрешили удалять свои вопросы. Кстати, вы на “Элек-

тродоктор” заходили давно? Может, кнопка “Удалить сообщение” там уже появилась? Бывает всяко. До сих пор вам везло. Может, повезёт и сейчас?

Я перевёл взгляд на Лёву.

– Кстати, Лёва, даю бесплатный совет: напишите письмо админу “Электродоктора” и попросите, чтобы вопросы пользователя Татата заблокировали. Чтобы стереть тот вопрос о мёде не смогли даже модераторы. Иначе вы Оксану не посадите. Удачи в Париже!

Я направился к выходу. Лёва выбрался из кресла, поплёлся за мной. Бодрячком Лёва не выглядел.

Когда я и Лёва обходили лёвин жигуль, я краем глаза заметил, как Оксана вошла в дом.

Не успели мы с Лёвой выйти за калитку, как запиликал мой мобильник. Я глянул на экран. Мне пришло письмо. Я открыл послание, прочёл, улыбнулся. Затем я отключил звуковое оповещение о приходе новой почты, иначе мобильник бы не умолк, ведь я наказал шпиону слать мне отчёты каждые три секунды.

В письме-отчёте шпион сообщил, что кто-то с ноута Оксаны вышел в интернет, заглянул на сайт “Электродоктор”, ввёл имя пользователя Татата и пароль. То же в переводе на русский: Оксана зашла на “Электродоктор”, причём на личную страницу пользователя Татата. Наверняка искала кнопку “Удалить сообщение”. Решила времени не терять.

Я попросил Лёву позвать Оксану. Лёва гаркнул в сторону

дома: “Оксана! Иди сюда!”. Ответа Лёва не дождался, пошёл к дому. Я потопал следом.

Оксана вышла из дому в тотальной растерянности. Выглядела как годовалая малышка, которой придурок-братец вместо варенья подсунул горчицу.

Я послал Оксане ободряющую улыбку.

– Оксана, где вы только что были?

– В туалете.

– Кто же тогда с вашего ноута минуту назад заходил на “Электродоктор”? Полтергейст?

– Я отвечать отказываюсь!

– Что, не получилось?

– Не получилось что?

– Стереть вопрос о мёде. Ведь только что вы попытались, а? Вы входили на личную страницу пользователя Татата. Искали кнопку “Стереть сообщение”?

– Знаете, что?! Хватит на меня наезжать!

– Меня к своему ноуту проведёте? Хочу вам кое-что показать.

На лице Оксаны сначала заиграло смятение, затем появилась улыбка игрока, идущего ва-банк.

– Идите, Ян, копайтесь. Ни черта вы там не найдёте!

Оксана посторонилась, жестом пригласила в дом. Я уступил дорогу даме. Оксана фыркнула, пошла вперёд. Следом потопал я. За мной в дом вошёл Лёва.

В комнате, которая вся в розовом, Оксана пальцем ука-

зала на раскрытый ноут, что лежал на столе. Палец Оксаны подрагивал. Взглядом Оксана дала мне понять, что ноут в моём распоряжении.

Я сел за ноут, пощёлкал клавишами, вывел на экран окошко моей программки-шпиона, рядом открыл окно шпионского файла-отчёта. Объяснил, что к чему. Сказал, что шпион каждую секунду вставляет в файл-отчёт точное время, а вдобавок ещё и записывает все серийники, которые находит в системе, чтобы идентифицировать комп, на котором велась запись нажатий клавиш.

Пока я объяснял, глаза Оксаны становились всё краше, если за предел красоты принять выпученные глазищи.

Я нашёл в файле-отчёте и показал Оксане строки, где шпион записал и адрес “электродоктор-точка-инфо”, и адрес странички с окошком для ввода пароля, и, наконец, пароль, который Оксана ввела, чтобы войти на личную страницу пользователя Татата.

Затем я взглянул на Оксану.

– Оксана, как вы объясните следователю, что пароль пользователя Татата знаете?

– А как это объясните вы?

– Татата – это вы, Оксана. Как убить мамашу мёдом, у электродокторов спросили вы. Как вы думаете, шансы оправдаться у вас ещё остались?